

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго університета В. Надлера.

Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ поминаніи Слова Божія (продолженіе). Т. Стоянова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Методъ философіи (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Нудряцева.

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицаго.

Письма философа Сенени (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОВЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Уставы и штаты православныхъ духовныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1883/84 учебный годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОБРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія пзвѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года: то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВЕСНО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

т. II.—ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Нужна-ли философія? (окончаніе *)—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 1—14).

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе **).—Профессора Кіевской духовной академіи *И. Липицкаго* (стр. 15—29, 45—63, 87—104, 183—206, 235—254, 281—301, 346—360, 387—404, 432—449 472—482 и 497—427).

Письма философа Сенеки (продолженіе ***). ** (стр. 30—44, 87—98, 126—132, 168—182, 221—233, 271—279, 321—332, 361—370, 405—410, 450—452, 483—495 и 538—542).

Значеніе философіи въ системѣ семинарскаго курса и преимущества ея въ этомъ отношеніи предъ математикою и другими общеобразовательными предметами.—*Б.* (стр. 63—86).

Имѣютъ-ли религію животныя? По поводу 1-й главы въ сочиненіи Эд. Гартмана: *Das religiose Bewusstsein der Menschheit im Stufengang seiner Entwicklung* (1882).—*А. Шостына* (стр. 105—125).

Значеніе Сократа въ исторіи греческой философіи.—*М. Остроумова* (стр. 133—156).

*) См. въ 1-й части страницы: 401—418, 435—473, 513—542 и 615—648.

**) См. оглавленіе 1-й части, изъ страницы: 567—586 и 649—656.

***) См. оглавленіе 1-й части.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе *). — *И. Корсунскаго* (стр. 157—167, 205—220, 253—270 и 302—324).

Методъ философіи.—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 333—345, 371—386 и 411—431).

Составъ философіи.—Профессора Московской духовной академіи *В. Кудрявцева* (стр. 453—471).

Философскія письма. — Письмо первое. — *В. Болтиной* (стр. 528—537).

*) См. въ 1-й части страницы: 474—501, 543—558 и 587—599.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1884.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Нѣмецкая ул., д. № 26.

1884.

Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумьваемъ.

Евр XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Ноября 15 дня 1884 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *)

Мы оставили императора Александра въ тотъ моментъ, когда онъ покидалъ Москву, преисполненный сознаниемъ своего высокаго значенія, какъ самодержца Россіи, ободренный, поднятый въ духъ горячею любовью, беззавѣтною преданностью своего народа. Москва сдѣлала свое дѣло. Въ тяжелую годину испытаній она подала всему народу русскому безсмертный примѣръ патріотическаго движенія, и что самое важное, она влила геройское мужество въ душу вѣщеноснаго вождя Россіи, внушила ему неизмѣнную рѣшимость скорѣе погибнуть, нежели преклониться предъ падменнымъ завоевателемъ и запятнать честь Россіи позорными уступками. Императоръ сѣвшилъ прежде всего въ Тверь, онъ сѣвшилъ подѣлиться своими московскими впечатлѣніями съ своею любимою сестрою, герцогинею Ольденбургскою, Екатериною Павловною. Эта умная, образованная, горячо любившая Россію и страстно ненавидѣвшая Наполеона, женщина, была въ эти тяжелые дни лучшею собесѣдницею для императора. Если кто-либо, то именно она способна была поддержать въ немъ настроеніе, вызванное московскимъ движеніемъ, укрѣпить его рѣшимость, вселить въ его душу твердую вѣру въ непобѣдимую силу на-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 20.

рода, въ несомнѣнный успѣхъ праваго дѣла. Она первая возымѣла мысль о вооруженіи народа русскаго, о составленіи народнаго ополченія. Она-же указала на то громадное значеніе, которое имѣло въ глазахъ всего народа русскаго Москва, на ту первенствующую роль, которую играло тогда въ Россіи дворянство, сильное не только своимъ богатствомъ и образованіемъ, но и тѣмъ почтеніемъ, тѣмъ довѣріемъ, съ которыми относились къ нему другія сословія. Стоитъ только, утверждала она, указать дворянству на опасность, въ какой находится отечество и на народное значеніе этой войны, и оно подыметъ какъ одинъ человекъ. Удобнѣе всего сдѣлать это въ Москвѣ: въ Москвѣ проживаютъ дворяне всѣхъ губерній; энтузіазмъ, который охватитъ ихъ, немедленно-же распространится на всю Россію. Не дожидаясь чьего либо почина, предупреждая самого государя, герцогиня проситъ императора дозволить ей образовать изъ ея удѣльныхъ имѣній особый баталіонъ и содержать его на свой счетъ въ продолженіи войны. А какъ возликовала она при вѣсти, что императоръ вполне одобряетъ ея мысль, что онъ самъ намѣренъ созвать всеобщее ополченіе! „Великая мысль приводится въ исполненіе,—писала она въ восторгѣ,—на переکورъ графу Растопчину. Я рада, что благое дѣло совершится чрезъ кого-бы то ни было; вы поймете меня; спѣшу сообщить это извѣстіе, полученное мною вчера“ *).

Императоръ провелъ два дня въ обществѣ своей сестры. Штейнъ, сопровождавшій тогда государя, говоритъ съ восторгомъ о той очаровательной, исключительно свойственной ей любезности, которою отличалась герцогиня. Высокая ростомъ, прекрасно сложенная съ пріятными чертами лица, она производила сильнѣйшее впечатлѣніе и своею внѣшностью, и своимъ развитымъ умомъ, живымъ, интереснымъ разговоромъ, высокимъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ своей чистой, женственной души. Ея бракъ съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ

*) См. два письма великой княгини Екатерины Павловны къ князю А. П. Оболенскому (состоявшему при ея дворѣ въ Твери). Французскіе подлинники обоихъ писемъ напечатаны въ сочиненіи А. Языкова: „Баталіонъ Е. И. В. великой княгини Екатерины Павловны“. С.-Петербургъ. 1868 г. стр. 43—45, 52—54.

быть чрезвычайно счастливъ. Принцъ былъ назначенъ тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. Какъ онъ, такъ и въ особенноти его супруга, сумѣли внушить къ себѣ самое безусловное довѣріе и горячую любовь мѣстнаго населенія. Дворянство просто боготворило принцессу. Утверждаютъ, что въ тѣ страшные дни, когда Наполеонъ неудержимо стремился во внутрь Россіи и гналъ передъ собою нашу армію, тверскіе и ярославскіе дворяне умоляли принцессу стать во главѣ ихъ ополченій и вести ихъ на спасеніе отечества. Рассказываютъ далѣе, что принцесса отклонила предложеніе дворянства, но что этотъ случай сдѣлался извѣстнымъ государю и поколебалъ до нѣкоторой степени его прежне безусловное довѣріе къ сестрѣ *). Всѣ эти слухи дошли до Штейна еще до прибытія въ Тверь, но онъ не замѣтилъ, чтобы случившееся повліяло чѣмъ-либо на настроеніе сестры императора. Она приняла знаменитаго изгнанника и злѣйшаго врага Наполеона не только съ обычною, очаровательною любезностью, но и съ уваженіемъ, какъ человѣка, пострадавшаго за свои убѣжденія, съ энтузіазмомъ, какъ своего единомышленника. Изъ бесѣдъ съ принцессою Штейнъ вынесъ убѣжденіе, что она принимаетъ самое горячее и рѣшительное участіе въ текущихъ политическихъ событіяхъ, что по своему образу мыслей она вполне солидарна со своимъ супругомъ и съ нимъ, Штейномъ, и что ея вліяніе на императора и на великаго князя Константина по прежнему чрезвычайно велико **).

Легко себѣ представить, какимъ ободряющимъ, возбуждающимъ способомъ должно было подѣйствовать общество такой женщины на натуру, подобную императору Александру и притомъ въ такой всемірно-историческій моментъ приближающагося кризиса въ великой борьбѣ съ нашествіемъ. Государь выѣхалъ изъ Твери съ душою полною энтузіазма и увѣренности въ успѣхъ своего дѣла, но въ тоже время безпокойный, взволнованный тревожными вѣстями, то и дѣло приходившими изъ

*) См. Перцъ, Stein's Leben, т. 3, стр. 107—108.

**) Штейнъ пользовался благосклоннымъ расположеніемъ принцессы и впоследствии, когда она вступила на Виртембергскій престолъ. (Первый супругъ ея скончался въ томъ же 1812 г.).

арміи. Всегдашній любитель скорой ѣзды, онъ ѣхалъ теперь съ такою быстротою, что всѣ его спутники скоро отстали отъ него. Отсталъ въ числѣ другихъ и старый государственный секретарь Шишковъ. Погруженный, подобно государю, въ глубокія размышленія о возможномъ исходѣ этой страшной войны, онъ приказалъ своему ямщику ѣхать тише и отдался всецѣло своимъ думамъ. Очевидно, онъ былъ озабоченъ и взволнованъ не менѣе самого государя. Его воспламененное воображеніе усматривало повсюду чудесныя знаменія грядущихъ событій и онъ старался уяснить себѣ сокровенный смыслъ этихъ знаменій. „На пути видѣлъ я,—разсказываетъ онъ намъ въ своихъ запискахъ,—удивившее меня явленіе: день былъ ясенъ, на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ было похоже на дракона, какъ бы па бумагѣ было нарисовано. Увидя ихъ, я удивился сему ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Они сближались одно съ другимъ, и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться и облако потеряло свой прежній видъ. Казалось, ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде, какъ минутъ черезъ пять и самъ разрушился“. Шишковъ рѣшилъ, не колеблясь ни минуты, что видѣнное имъ явленіе имѣетъ прямое отношеніе къ текущей войнѣ. „Сидя въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ и кто драконъ? наконецъ дошло мнѣ въ голову, что ракъ означалъ Россію, поелику оба сіи слова (ракъ и Россія) начинаются съ буквы р, и эта мысль утѣшала меня всю дорогу“ *). Какъ ни забавны сами по себѣ эти разсужденія государственнаго секретаря, но и они показываютъ, какъ сильно вліяли небывалыя грозныя событія даже на натуры чисто прозаическія. Бѣды, обрушившіяся на отечество, безроглядная темнота будущаго невольно заставляли людей обращать глаза къ небу, искать отвѣта на страшные вопросы, занимавшіе ихъ въ чудесныхъ знаменіяхъ, въ сверхъестественныхъ указаніяхъ свыше. Умъ и воображеніе настроены были такъ болѣзненно, напряжены такъ

*) Записки Шихова, т. I, стр. 152.

страшно, что охотно усматривали сверхъестественное и знаменательное въ самомъ обычномъ и повседневномъ. Почва для суевѣрія была подготовлена, но подготовлены были и условія для мистическаго поднятія духа, для проявленія религіознаго энтузіазма. Темныя массы, съ возбужденнымъ воображеніемъ, по безъ сознательныхъ воззрѣній всецѣло отдавались обаянію суевѣрныхъ прпзраковъ; напротивъ, умы болѣе возвышенные и просвѣтленные духовнымъ вѣдѣніемъ, искали утѣшенія въ глубинѣ религіознаго созерцанія, въ беззавѣтномъ и всецѣломъ преклоненіи своего эгоистическаго я предъ неисповѣдимою волею божественнаго Промысла.

Совершенно новыя впечатлѣнія ожидали императора во второй его столицѣ, куда онъ прибылъ 22-го іюля. Тутъ не было и намёка на то восторженное настроеніе массъ, которое впервые окружило императора въ Смоленскѣ, которое охватило его всецѣло въ Москвѣ, вѣнія котораго чувствовались имъ и на пути черезъ чисто русскія губерніи. Населеніе Петербурга, по замѣчанію Штейна *), состояло изъ придворныхъ, чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ. Это была пестрая смѣсь русскихъ и иностранцевъ, смѣсь не способная по самой своей натурѣ къ высокому патріотическому одушевленію, проникнутому идеями національности и религіи. Тщеславіе, честолюбіе, чисто мелочное, страсть въ наживѣ, отсутствіе духа народнаго и духа религіозности, казались Штейну выдающимися чертами петербуржцевъ. Въ петербургскихъ сферахъ, особенно высшихъ, господствовало, годъ тому назадъ, крайне воинственное настроеніе, — настроеніе, не отличавшееся, впрочемъ, ни особенною глубиною, ни искренностью, — настроеніе, подобное тому, которое распространено было въ 1805 году и которое такъ мастерски очерчено гр. А. Толстымъ въ его романѣ „Война и Миръ“. Какъ тогда, такъ и теперь петербуржцы были убѣждены, что война будетъ происходить очень далеко отъ нихъ за границами имперіи, и на этомъ основаніи давали полную волю своему дешевому патріотизму и своей ненависти къ виновнику континентальной системы и застою во всѣхъ торговыхъ операціяхъ. Дѣла шли плохо, одна-

*) Герцъ, Stein's Leben, т. 3, стр. 108—109.

ко-же, на этотъ разъ совершенно неожиданный оборотъ. Правительство не рѣшилось перепести войну за предѣлы Россіи, не рѣшилось воспользоваться тѣми выгодами и политическими комбинаціями, на которыя указывали ему такъ самоувѣренно петербургскіе салонные стратеги. Непрiятель вступилъ въ предѣлы имперіи, опасность становилась съ каждымъ днемъ очевиднѣе и падавглась все ближе и ближе. Необходимость пожертвованій всякаго рода, неизбѣжность колоссальныхъ личныхъ потерь, быть можетъ, даже всего состоянія, война въблизи со всѣми своими бѣдствіями и ужасами, предстали вдругъ во всей своей наготѣ передъ очами, поглощеннаго до тѣхъ поръ всецѣло собственными мелочными интересами, столичнаго люда. Военственный пылъ улетучился мгновенно; придворные, чиновники, негоціанты начали вдругъ смотрѣть на войну какъ на великое зло, какъ на бѣдствіе. По мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ непрiятеля, настроеніе общества становилось все хуже и угнетеннѣе. Озабоченные прежде всего интересомъ само-сохраненія, петербуржцы со страхомъ слѣдили за каждымъ шагомъ непрiятеля, рассчитывая тотъ день и часъ, когда онъ постучится въ ворота ихъ столицы. Постоянное отступленіе нашихъ армій выводило ихъ изъ себя. Они давали полную волю своимъ языкамъ. Духъ порицанія, критики распространился во всѣхъ салонахъ и конторахъ. Гостипные стратеги съ жаромъ излагали свои глубокомысленныя комбинаціи, не находили словъ для осужденія каждаго шага нашихъ главнокомандующихъ. Неблагопріятныя слухи, приходившіе каждый день изъ армій, письма изъ главной квартиры, проникнутыя клеветою и ложью, давали самую обильную пищу злословію. Главнымъ виновникомъ отступленій и всѣхъ бѣдствій объявлялъ былъ какъ въ армій, такъ и въ Петербургѣ, несчастный военный министръ. Яростныя обвиненія, взводимыя на главнокомандующаго перлюю арміею такими авторитетными лицами какъ Багратионъ, Ермоловъ, Сень-При *), не говоря уже о массѣ лицъ второстепенныхъ, не оставались разумѣется, тайною, дѣлались достояніемъ свѣтской и придворной болтовни.

*) Письма этихъ генераловъ явились впоследствии главными обвинительными актами противъ Барклая.

Въ началѣ кампаніи салонныя стратеги потѣшались особенно прилежно надъ Фулемъ; теперь несчастный теоретикъ былъ забытъ всеѣми. Вошли противъ Барклая-де-Голли, въ тѣсномъ кружку вошли во всеѣ государя; въ его слабости, нерѣшительности и непонятномъ пристрастіи къ лицамъ, осужденнымъ давно уже общественнымъ мнѣніемъ, усматривали причины всеѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій. Маркизь Пауллучи, такъ ядовито смѣявшійся надъ несчастнымъ Фулемъ въ Дрисскомъ лагерѣ, человекъ, умѣвшій критиковать все и вся, былъ встреченъ петербургскимъ обществомъ съ большимъ, совершенно незаслуженнымъ почетомъ! *) Самому императору оказанъ былъ, наоборотъ, пріемъ холодный, представлявшій самый рѣзкій контрастъ восторженному энтузіазму москвичей. Воспріимчивый, чувствительный до болѣзненности Александръ былъ крайне оскорбленъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, этою дѣйствительно ничѣмъ незаслуженною и невызванною холодною населенія своей резиденціи. Уже въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ императоръ пришелъ къ печальному убѣжденію, что населеніе его столицы склонно скорѣе заниматься легкою и безопасною игрою въ оппозицію, нежели жертвовать, подобно другимъ русскимъ, своимъ достижіемъ и кровью для спасенія отечества. И въ самомъ дѣлѣ петербуржцы, кричавшіе такъ громко о смѣнѣ главнокомандующаго, порицавшіе все мѣропріятія правительства, оказывались перѣдко глухими и нѣмыми тамъ, гдѣ дѣло шло о личныхъ пожертвованіяхъ. Правда, и въ Петербургѣ сформировано было земское ополченіе, правда и тутъ сдѣланы были значительныя пожертвованія, но все это далеко не соответствовало тѣмъ результатамъ, которыхъ достигло патриотическое движеніе въ Москвѣ и внутреннихъ русскихъ губерніяхъ.

Вопросъ о назначеніи новаго главнокомандующаго поставленъ былъ, впрочемъ, передъ императоромъ не однимъ дворомъ или салономъ, не тѣмъ или другимъ вліятельнымъ лицомъ, а силою самыхъ обстоятельствъ и громкимъ голосомъ общественнаго мнѣнія. Положеніе, въ которомъ очутился, не по своей винѣ, главнокомандующій первою арміею, было таково,

*) См. Перцъ, Stein's Leben, т. 3. стр. 109.

что могло повлечь, наконецъ, за собою самыя печальныя послѣдствія. Кто-же былъ главнымъ виновникомъ такого трагическаго во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрнаго положенія Барклай-де-Толли? Положа руку на сердце, императоръ долженъ былъ сознаться, что виновникомъ этимъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Александръ зналъ Барклая лучше кого-либо другаго, онъ одинъ оцѣнилъ вполнѣ его несравненныя достоинства; онъ былъ убѣжденъ съ самаго начала кампаніи, что изъ всѣхъ русскихъ генераловъ одинъ Барклай можетъ противостать съ успѣхомъ Наполеону. Въ силу своего опыта и убѣжденія, императоръ и назначилъ Барклая главнокомандующимъ первою арміею, но личныя качества Александра намъ уже хорошо извѣстны:—эта нерѣшительность, доходящая до робости, лишившая его возможности воспользоваться своимъ авторитетомъ вполнѣ и взять на себя всю отвѣтственность, это всегдашнее стремленіе оставлять для себя свободу выбора, возможность идти тѣмъ или другимъ путемъ, помѣшали ему и въ этомъ важномъ вопросѣ довести дѣло до конца, принять цѣлостное, окончательное и безповоротное рѣшеніе. Онъ предпочелъ остановиться и въ этомъ случаѣ на полумѣрѣ, на полурѣшеніи. Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ лишь одной первой арміи, но о рѣшительномъ, полномъ подчиненіи его авторитету остальныхъ армій не было и рѣчи. До тѣхъ поръ пока самъ императоръ находился при арміи, Барклай могъ хотя распоряжаться его именемъ, послѣ же отъѣзда государя онъ попалъ въ положеніе самое недостойное. Онъ принужденъ былъ ухаживать за главнокомандующими второстепенныхъ армій, принужденъ былъ просить и умолять тамъ, гдѣ ему подлежало лишь повелѣвать и требовать безусловнаго повиновенія. Вотъ въ этомъ-то ненормальномъ положеніи, а не въ другихъ второстепенныхъ обстоятельствахъ, заключалась главная причина паденія авторитета Барклая. Указанія на нерусское происхожденіе Барклая, глупыя толки о его измѣнѣ, упреки въ неспособности, требованія смѣны, — все это явилось лишь послѣдствіемъ того первоначальнаго, основнаго факта, что избранный самимъ государемъ не былъ облеченъ полнотою власти, лишенъ былъ всякаго дѣйствительнаго авторитета надъ на-

чальниками второстепенныхъ и третьестепенныхъ армій, отданъ на жертву общей критикѣ и глумленію. Какъ-же было выйти изъ этого ненормальнаго, невозможнаго положенія? Представлялось два пути, двѣ возможности. Императоръ могъ облечь Барклая дѣйствительною и полною властью, опъ могъ подчинить ему безусловно всѣхъ остальныхъ главнокомандующихъ, не только Гормасова, Чичагова и Витгенштейпа, но и самого Багратиона; онъ могъ смѣстить тѣхъ изъ нихъ, которые были скомпрометтированы своимъ образомъ дѣйствій, и прежде всего Багратиона. Такой путь былъ, повидимому, самый прямой и естественный, быть можетъ, онъ былъ-бы даже единственный въ томъ случаѣ, если-бы Александръ былъ человѣкъ твердой воли и непоколебимыхъ убѣжденій; но для Александра, такого, каковъ былъ опъ въ дѣйствительности, подобный путь былъ немыслимъ, а затѣмъ онъ и совѣмъ закрылся для него съ того момента, когда послѣдовало соединеніе обѣихъ западныхъ армій, когда оставленъ былъ Смоленскъ. Удержать Барклая во главѣ всѣхъ армій, облечь его полною властью, когда вся армія была уже проникнута чувствомъ глубокаго недовольства и недовѣрія къ своему вождю, когда подчиненные начальники дошли уже почти до открытаго бунта противъ главнокомандующаго,—такая задача оказалась-бы не по силамъ и болѣе твердому человѣку, нежели императоръ Александръ. Оставался, слѣдовательно, лишь другой путь: необходимо было назначить третье лицо, надо было избрать такого главнокомандующаго, который не принималъ никакого участія въ предыдущихъ операціяхъ, который былъ бы чуждъ всякихъ интригъ и пренеприязнителей въ арміи, который пользовался-бы наибольшимъ довѣріемъ народа и войска. Общественное мнѣніе давно уже высказалось въ этомъ смыслѣ, оно указало уже на лицо, удовлетворявшее всѣмъ этимъ требованіямъ, единственно способное положить конецъ всѣмъ интригамъ и пререканіямъ между второстепенными начальниками. Генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ избранъ былъ почти одновременно начальникомъ С.-Петербургскаго и Московскаго ополченій. На этотъ разъ гласъ народа оказался дѣйствительно гласомъ Божиимъ.

Какъ-же отнесся императоръ Александръ къ требованію обстоятельство, къ указанію общественнаго мнѣнія? Личное положеніе императора было самое тяжелое, почти трагическое. Какъ прежде, такъ и теперь, онъ былъ убѣжденъ въ правильности своего выбора, па Барклай онъ продолжалъ возлагать свое наибольшее довѣріе, и что самое важное, Кутузовъ, любимецъ общественнаго мнѣнія, былъ ему непріятель во многихъ отношеніяхъ, почти антипатиченъ. Явленіе во всѣхъ отношеніяхъ естественное и вполне понятное. Кутузовъ былъ человекъ екатерининскаго вѣка, онъ былъ всецѣло проникнутъ традиціями и возрѣніями этой эпохи, и уже одного этого было достаточно, чтобы сдѣлать его непріятнымъ для Александра. Александръ былъ человекъ новыхъ идей, новыхъ гуманныхъ началъ, онъ чувствовалъ какое-то истиннѣйшее отвращеніе къ этимъ представителямъ того вѣка, у которыхъ придворныя и дипломатическія качества стояли на первомъ планѣ, которые умѣли скрывать свои истинныя убѣжденія, льстить вкусамъ и мнѣніямъ толпы, потакать ей для виду, искать ея популярности, но въ тоже время незамѣтно для нея самой, руководить ее твердою и ловкою рукою. Ко всему этому присоединились и другія болѣе случайныя, личныя отношенія. Судьба два раза сблизала Кутузова и императора Александра и каждый разъ обстоятельства сложились такъ, что могли только оттолкнуть императора отъ ловкаго воина-дипломата. Кутузовъ, человекъ одаренный замѣчательнымъ умомъ, необычайно ловкій, прозорливый, успѣлъ заявить себя еще въ эпоху Екатерины самымъ блестящимъ образомъ на такихъ поприщахъ, которыя требовали, повидимому, самыхъ разнообразныхъ, почти противоположныхъ качествъ *). Онъ показалъ себя неустрашимымъ воиномъ, достойнымъ сподвижникомъ Суворова, ловкимъ дипломатомъ, превосходнымъ педагогомъ. Его геройскіе подвиги подъ Алуштою, подъ стѣнами Измаила, подъ Мачиномъ, безприемныя раны, полученныя имъ въ двухъ сраженіяхъ **), обратили

*) Біографическія свѣдѣнія о Кутузовѣ, кромѣ сочиненій общаго содержанія, мы находимъ въ известномъ трудѣ: „Императоръ Александръ и его сподвижники въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ“. Извлеченіе изъ этого сочиненія см. у Богдановича, г. II. стр. 493—496.

**) Кутузовъ раненъ былъ, въ первый разъ подъ Алуштою, пулею, ударившею

на него вниманіе государыни, пріобрѣли ему расположеніе великаго Суворова *), сдѣлали его любимцемъ націи. Призванный ко двору, онъ обнаружилъ не только свойства умнаго собесѣдника и ловкаго царедворца, но и показался Екаторинѣ искуснымъ дипломатомъ. Она назначила Кутузова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и результатъ оправдалъ какъ нельзя болѣе ея выборъ. Обладая самыми основательными свѣдѣніями по вѣднѣйшей политикѣ, отличаясь изумительнымъ тактомъ, тонкимъ и всестороннимъ знаніемъ свѣта и людей, великій мастеръ въ интригѣ всякаго рода, Кутузовъ очаровалъ въ короткое время весь Диванъ своимъ умомъ, любезностью и предупредительностью, пріобрѣлъ дружбу матери султана и верховнаго визиря и перехитрилъ французскихъ дипломатовъ. Назначенный впоследствии генералъ-директоромъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, Кутузовъ сразу вошелъ и въ эту совершенно новую для него роль. Онъ выступилъ и въ качествѣ преподавателя и воспитателя, онъ проводилъ цѣлыя дни въ корпусѣ, преподавалъ самъ тактику и военную исторію, принималъ дѣятельное участіе въ экзаменахъ, и его зоркій взглядъ всегда сумѣлъ подмѣтить характерныя особенности учащихся, выдвинуть наиболѣе способныхъ, поставить на настоящую дорогу такихъ выдающихся людей, какъ Толль **).

Въ царствованіе Павла мы вновь встрѣчаемъ Кутузова на дипломатическомъ поприщѣ. Съ успѣхомъ исполняетъ онъ тогда возложенное на него порученіе при Берлинскомъ дворѣ. Какъ почти все екатерининскіе люди, такъ и Кутузовъ удаляются со сцены вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра. Правда, въ самомъ началѣ царствова-

его въ лѣвый високъ и вышедшею у праваго глаза. При осадѣ Очакова въ 1788 году онъ былъ раненъ пулею, которая, попавъ ему въ щеку, вышла изъ затылокъ. Оба раза онъ былъ спасенъ вопреки всякимъ ожиданіямъ.

*) „При штурмѣ Измапла, говорилъ Суворовъ, Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою“.

**) Ничто не рисуетъ намъ такъ хорошо Кутузова, какъ человека и какъ воспитателя, какъ та сердечная преданность, то глубокое уваженіе, которое сохранилъ къ нему на всю жизнь даровитѣйшій ученикъ его и одинъ изъ блистательнѣйшихъ и честнѣйшихъ нашихъ дѣятелей, Толль. У Бернгарди, (вспоминанія Толля), мы находимъ самыя интересныя подробности о дѣятельности Кутузова въ кадетскомъ корпусѣ. См. т. I, стр. 12—16.

нія Кутузовъ былъ назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ скоромъ времени онъ испрашиваетъ увольненіе отъ службы и проводитъ три года въ деревнѣ, въ кругу своей семьи. Что побудило тогда Кутузова выйти въ отставку? Изнуреніе-ли отъ трудовъ и рацѣ, или же нежеланіе уживаться съ новыми людьми и обстоятельствами, — на это мы не можемъ дать положительнаго отвѣта.

Насталъ 1805 годъ и императоръ Александръ вспомнилъ о Кутузовѣ. Онъ назначилъ его главнокомандующимъ надъ арміею, посланною на помощь Австріи. Извѣстна печальная исторія этой кампаніи. Австрійская армія была истреблена прежде, нежели русскіе успѣли явиться на театръ войны. Кутузову пришлось отступать передъ напоромъ непріятеля, превосходнаго въ числѣ, упоеннаго своею побѣдою. Онъ разрѣшилъ эту задачу вполнѣ удовлетворительно. Войска наши не только отходили отъ непріятеля, но и давали ему по временамъ энергической отпоръ, а при Кремсѣ нанесли даже рѣшительное пораженіе одной изъ дивизій Наполеоновской арміи. Сраженіе при Аустерлицѣ предпринято было вопреки совѣтамъ Кутузова *), тѣмъ не менѣе императоръ Александръ винилъ въ неудачахъ стараго вождя, или выражаясь точнѣе, — личность Кутузова, бывшаго тогда совершенно различнаго съ нимъ мнѣнія и предвидѣвшаго пораженіе, сдѣлалась ему съ этого времени окончательно непріятною **). Кутузовъ былъ для него, такъ сказать, живымъ напоминаемъ позорной катастрофы и онъ систематически избѣгалъ съ этихъ поръ давать

*) Извѣстно, что и самая диспозиція для Аустерлицкаго сраженія составлена была австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ и что самое начальствованіе Кутузова было въ тѣ дни чисто номинальное. См. между прочимъ *Reynhardi*, т. I, стр. 157.

***) „Государь не благоволилъ къ нему, замѣчаетъ Шишковъ, съ этого времени потому что онъ, предводительствовавшій тогда, въ присутствіи государя, войсками, былъ различнаго съ нимъ мнѣнія о распорядкѣ военныхъ движеній и дѣйствій, и какъ дѣйствія сіи были неудачны, то относясь къ одному лицу государя, дѣлали ему непріятнымъ полководца, не раздѣлявшаго съ нимъ толковъ о сихъ неудачныхъ послѣдствіяхъ“. Шишковъ вѣроятно желаетъ сказать, что Кутузовъ былъ непріятенъ для государя уже потому, что никто въ Россіи не думалъ винить Кутузова въ Аустерлицкомъ пораженіи, хотя онъ и считался тогда главнокомандующимъ. См. *Записки Шишкова*, т. I, стр. 153.

ему какія бы то ни было выдающіяся порученія. Война въ Пруссіи, война со шведами и первые годы Турецкой войны прошли безъ всякаго участія Кутузова; всѣ эти войны не выдвинули, однакоже, ни одного генерала, который могъ бы замѣнить вполнѣ стараго вождя Суворовской школы. Рѣшительная борьба съ Наполеономъ приближалась, а война съ Турціею все еще была далека отъ конца. Тогда Александръ превозмогъ свое отвращеніе къ Кутузову и поручилъ ему команду надъ Дунайскою арміею. Кутузовъ принялъ эту команду при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: наша армія уменьшена была на половину, а султанъ, подстрекаемый агентами Наполеона, не хотѣлъ слышать о мирѣ, о какихъ бы то ни было уступкахъ въ пользу Россіи. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ успѣлъ нанести рѣшительное пораженіе непріятелю и заставить его вступить въ переговоры. Переговоры эти тянулись, однакоже, крайне медленно и вяло. Не смотря на повторенные приказы императора, не смотря на его убѣдительнѣйшія просьбы *), Кутузовъ тянулъ дѣло и доносилъ государю, что онъ не въ состояніи превозмочь упорства турокъ, подстрекаемыхъ агентами Франціи и Австріи. Быть можетъ, его увѣренія были и искренни, но уже тогда утверждали, что Кутузовъ медлилъ нарочно и слѣдовалъ не приказамъ государя, а тайнымъ инструкціямъ, посылаемымъ ему канцлеромъ Румянцевымъ, ярымъ сторонникомъ союза съ Франціею **). Какъ бы то ни было, по подѣ ковецъ терпѣніе государя истощилось, онъ удалилъ Кутузова отъ команды и поручилъ адмиралу Чичагову покончить турецкое дѣло. Кутузовъ, од-

*) Императоръ писалъ Кутузову отъ 22-го марта 1812 года: „величайшую услугу вы окажете Россіи послѣднимъ заключеніемъ мира съ Портою. Убѣдительно васъ вызываю любовью къ своему отечеству обратить все ваше вниманіе и усилія къ достиженію сей цѣли. Слава вамъ будетъ вѣчная. Всякая потеря времени въ настоящихъ обстоятельствахъ есть совершенное зло. Ограничьте всѣ побочныя занятія, и съ тѣмъ прощаніемъ, которымъ вы одарены, примитесь сами за столь важную работу“. Императоръ уполномочиваетъ затѣмъ Кутузова, въ случаѣ крайности, принять за границу рѣку Прутъ, „но, добавляетъ онъ, на сію столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постанови союзный трактатъ съ Портою“. (См. Богдановичъ, т. II, примѣчаніе къ главѣ XV стр. 497.

***) Объ этихъ обвиненіяхъ см., между прочимъ, Беригарди, т. II, стр. 3 и 4.

нако-же, не дремалъ. Въ-время предупрежденный Румянцевымъ, онъ далъ совершенно иной ходъ переговорамъ и заключилъ миръ съ Портою ровно за четыре дня до пріѣзда новаго главнокомандующаго. Условія мира были не блистательны, но все же принимая во вниманіе обстоятельства, довольно выгодны. Россія не только освобождалась отъ крайне тяжелой и несвоевременной войны, но и приобрѣла еще Бессарабскую область. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ остался крайне недоволенъ не только всѣмъ образомъ дѣйствій Кутузова, но и самими условіями мира. „Генераль Кутузовъ, — писалъ онъ адмиралу Чичагову, — упустилъ изъ виду чрезвычайно важный пунктъ: онъ согласился на всѣ уступки съ нашей стороны, не обусловивъ ихъ заключеніемъ наступательнаго союза съ Портою. Только такой союзъ могъ бы вознаградить насъ за потерю прямыхъ спонсій съ сербами и съ другими славянскими націями, столь важными для насъ при настоящихъ обстоятельствахъ“ *).

Итакъ, не смотря на свои успѣхи на турецкомъ театрѣ войны, Кутузовъ возвратился въ Россію, обремененный явною немилостью своего государя. Совершенно иначе отнеслось къ нему общественное мнѣніе. Въ высшихъ кружкахъ петербургскаго общества его встрѣчали съ почетомъ и уваженіемъ. Каждое его сужденіе, каждое его слово о событіяхъ на театрѣ войны переходило изъ устъ въ уста, принималось какъ приговоръ непогрѣшимаго авторитета. Убѣжденіе, что лишь одинъ Кутузовъ можетъ руководить успѣшно нашими арміями въ борьбѣ съ Наполеономъ, укоренялось все болѣе и болѣе въ умахъ. Люди знатные и образованные возлагали большія надежды на испытанную опытность и ловкость Кутузова. Онъ навѣрное не разобьетъ Наполеона, думали они, но онъ сумѣетъ обмануть его. Военные и въ особенности нижвіе чины усматривали въ немъ прямого преемника Суворова. „Стоитъ только пріѣхать ему въ армію, толковали они, и пѣмецкая тактика отступленія будетъ отброшена въ сторону; мы нач-

*) См. Высочайшій рескриптъ императора Александра I адмиралу Чичагову, изъ Вильны, отъ 14 мая 1812 г. Отрывокъ изъ него напечатанъ у Богдановича, т. I стр. 498.

немъ наступать, начнемъ бить французовъ". Религіозное чувство, проникавшее,—такъ казалось по крайней мѣрѣ,—все существо Кутузова, привлекало къ нему сочувствіе народныхъ массъ. Люди, знавшіе близко стараго сватерипицкаго героя, не придавали внѣшней набожности Кутузова особаго значенія, но народъ судилъ его именно по этой внѣшности и благоговѣлъ передъ нимъ. Онъ видѣлъ, какъ старшій, израпленный вождь усердно молился въ храмахъ Божіихъ о спасеніи отечества, и проникался убѣжденіемъ, что только онъ можетъ повести войска наши къ побѣдѣ. Между тѣмъ началось формированіе с.-петербургскаго ополченія, и дворянство, слѣдуя голосу всего населенія, единогласно избрало Кутузова его начальникомъ. Кутузовъ принялъ эту скромную должность. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за работу, проводитъ цѣлыя дни въ приѣмѣ ратниковъ, слѣдилъ за ихъ обмундированіемъ, училъ ихъ военному строю. Дальновидный старецъ понималъ, что трудясь на этомъ скромномъ поприщѣ, онъ готовится для себя вмѣстѣ съ тѣмъ новую, болѣе славную сферу дѣятельности.

Недовольство ходомъ военныхъ дѣйствій усиливалось между тѣмъ съ каждымъ днемъ. Уже самъ императоръ Александръ начиналъ колебаться передъ общимъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Сомнѣніе въ достоинствахъ избраннаго имъ самимъ главнокомандующаго начало закрадываться въ его душу. Ему казалось, что Барклай сдѣлалъ дѣйствительно громадную ошибку, не вступивъ въ рѣшительный бой съ непріателемъ подъ Смоленскомъ: чѣмъ сражаться подъ Царевымъ-Займищемъ, гораздо удобнѣе было бы сражаться подъ Смоленскомъ; нечего было бояться фланговаго обхода непріателя,—такой обходъ можетъ случиться на любомъ мѣстѣ сраженія. Силы обѣихъ армій были не тронуты еще подъ Смоленскомъ, а русскій солдатъ драгся бы съ энтузіазмомъ; вѣдь онъ защищалъ бы въ немъ первый истинно русскій городъ. Александръ зналъ, что потеря Смоленска произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во всей имперіи. „Если и прежде,—писалъ онъ впоследствии Барклаю-де Толли,—вашъ планъ кампаніи встрѣчалъ всеобщее неодобрѣніе, то теперь поднялись со всѣхъ сторонъ еще болѣе громкія жалобы. Оныиъ показаль,—слышалось со всѣхъ сторонъ.—

на сколько планъ этотъ былъ несостоятеленъ, онъ поставилъ имперію въ величайшую опасность“ *).

Александръ не принадлежалъ къ числу крѣпкихъ и даже особенно прямыхъ людей. Борься съ общественнымъ мнѣніемъ, особенно при такихъ тяжелыхъ, небывалыхъ обстоятельствахъ, было ему не по силамъ. Москва, Петербургъ и армія въ одинъ голосъ требовали смѣны главнокомандующаго; единодушно указывали они на Кутузова, какъ на единственнаго человѣка, способнаго спасти Россію **). Императоръ былъ въ сущности совершенно много мнѣнія, онъ считалъ свой первый выборъ наиболее основательнымъ и правильнымъ, онъ относился съ недоувѣріемъ и къ личности Кутузова, и къ его военнымъ дарованіямъ. И побужденія самолюбія, и стремленіе поддержать свой царственный авторитетъ, и особенно внутреннее убѣжденіе, заставляли его, повидимому, отстаивать до конца Барклая. Но Александръ не привыкъ съ самаго дѣтства стоять на своемъ мнѣніи, какъ-бы разумно и сильно ни казалось оно ему. Голосъ общественнаго мнѣнія, имѣвшій для него большое значеніе, оказался и въ этомъ случаѣ рѣшающимъ для него. Онъ рѣшился уступить общему требованію, рѣшился подавить собственное мнѣніе ***). Но уступая требованію публики, такъ какъ о народѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, онъ позаботился въ то же время устраничь отъ себя всякую отвѣтственность. Рѣшеніе вопроса о назначеніи поваго главнокомандующаго передано было на разсмотрѣніе особаго комитета. Уже одинъ личный составъ этого комитета показываетъ ясно, что задача, возложенная на него, была уже предрѣшена заранѣе, что ему оставалось только констатировать фактъ, подтвердить приговоръ общественнаго мнѣнія. Комитетъ долженъ былъ разобрать весь ходъ операцій нашихъ дѣйствующихъ армій, а между тѣмъ

*) Императоръ не объясняетъ, однакоже, въ чемъ состоялъ планъ кампаніи, принятой имъ и Баркласемъ. Что планъ этотъ не заключался въ систематическомъ уклоненіи отъ генеральнаго сраженія, видно изъ того мѣста письма, гдѣ государь прямо утверждаетъ, что подъ Смоленскомъ слѣдовало дать такое сраженіе. Письмо государя къ Барклаю см. у Богдановича, т. II стр. 529—530.

**) Собственныя слова государя въ приведенномъ выше письмѣ.

***) „Уступая ихъ мнѣнію, говоритъ онъ въ томъ-же письмѣ, я долженъ былъ заставить молчать мое собственное чувство“.

члены его далеко не принадлежали къ числу первостепенныхъ стратеговъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не были военными людьми. Тутъ были во-первыхъ старый воспитатель императора, генераль-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, вся военная эрудиція котораго исчерпывалась традиціями семилѣтней войны, тутъ засѣдалъ генераль-отъ-инфрагеріи Вязьмитиновъ, никогда не заявлявшій себя никакими особенными подвигами, тутъ имѣли рѣшающіе голоса графъ Аракчеевъ и генераль Балалевъ, изъ которыхъ первый всегда держался вдали отъ непріятельскаго огня, а второй извѣстенъ былъ только своими полицейскими способностями; тутъ были, наконецъ, и такіе члены, какъ дѣйствительные тайные совѣтники графъ Кочубей и князь Лопухинъ, никогда не занимавшіеся никакими военными вопросами. Комитетъ имѣлъ только одно засѣданіе, продолжавшееся три съ половиною часа, и въ этотъ короткій срокъ порѣшилъ возложенное на него порученіе. Въ началѣ засѣданія комитетъ разбиралъ причины неудачи нашихъ военныхъ операцій и съ этою цѣлью выслушалъ не только оффиціальныя рапорты главнокомандующихъ обѣихъ западныхъ армій, но и частныя письма князя Багратіона, графа Сепъ-При и другихъ обвинителей Барклая *). По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ, комитетъ пришелъ къ заключенію, „что недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми арміями положительной единогласной власти“. Отклонивъ отъ себя, такимъ образомъ, вопросъ о виновности того или другаго лица и указавъ лишь на причину самую общую и неподлежащую сомнѣнію, комитетъ указалъ еще на несовмѣстимость званія военнаго министра съ главнымъ начальствованіемъ надъ арміею и перешелъ вслѣдъ затѣмъ къ рѣшенію вопроса объ избраніи новаго главнокомандующаго. И тутъ вопросъ предрѣшенъ былъ заранѣе. Называли для формы другихъ лицъ: Беннигсена и Багратіона, упоминали даже о такихъ невозможныхъ кандидатахъ, какъ Тормасовъ и Паленъ, но едва было произнесено имя Кутузова, какъ всѣ члены комитета еди-

*) Съ образцами этихъ писемъ читатели наши уже достаточно знакомы. О совѣщаніяхъ комитета см., между прочимъ, Богдановича, гдѣ помѣщены извлечения изъ журнала комитета. Т. II, стр. 7—9.

ногласно постановили облечь его званіемъ главнокомандующаго надъ всѣми арміями и донести о такомъ своемъ предположеніи государю.

Управляющій военнымъ министерствомъ князь А. И. Горчаковъ отправленъ былъ съ докладомъ комитета къ государю. Александръ находился въ это время въ Каменноостровскомъ дворцѣ; дежурнымъ адъютантомъ при немъ былъ въ этотъ день графъ Комаровскій. Князь Горчаковъ прибылъ во дворецъ, крайне озабоченный и взволнованный. Онъ и не подозрѣвалъ, что государь былъ заранѣе согласенъ съ приговоромъ комитета; ему казалось, что онъ долженъ довести императору о заключеніи для него крайне непріятномъ и совершенно невозможномъ. „Ахъ, любезный другъ“, — сказалъ онъ графу Комаровскому: „какую я имѣю ужасную комиссію къ государю: я избранъ ходатаемъ отъ комитета, чтобы просить Его Величество переименовать главнокомандующаго арміею, и вмѣсто Барклая-де-Толли назначить Кутузова. Ты знаешь, какъ государь жалуетъ Барклая, и что это собственный выборъ Его Величества“. Комаровскій, еще менѣе посвященный въ сокровенную сторону событій, съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода изъ кабинета Горчакова. Наконецъ, князь показался въ дверяхъ, лицо его пылало какъ огонь. Вѣроятно у нихъ былъ продолжительный и жаркій разговоръ, подумалъ Комаровскій; онъ и не подозрѣвалъ, что лицо князя пылало не отъ жаркаго спора, а отъ радости. „Слава Богу, я успѣлъ, сказалъ Горчаковъ. Нельзя не дивиться кротости и милосердію государя; представь себѣ, что я осмѣлился, наконецъ, сказать государю, что вся Россія желаетъ назначенія Кутузова, что въ отечественную войну приличнѣе быть настоящему русскому главнокомандующимъ“ *).

Мы не знаемъ, насколько вѣрно передалъ Горчаковъ слова, сказанныя имъ государю, но если слова эти и были имъ сказаны, то во всякомъ случаѣ въ нихъ не настояло необходимости и имѣть рѣшающаго значенія они не могли. Александръ примирился уже прежде съ назначеніемъ Кутузова;

*) Обо всей этой сценѣ см. записки графа Комаровскаго. „Русскій Архивъ“, 1867 года, стр. 778—779.

еще за нѣсколько дней до засѣданія комитета, онъ возвелъ, къ общему удивленію всѣхъ знавшихъ интимную сторону дѣла, маститаго полководца въ княжеское достоинство. Уже на другой день послѣ аудіенціи Горчакова, Кутузовъ, по требованію государя, явился во дворецъ. Дежурство графа Комаровскаго еще продолжалось. Онъ былъ одинъ въ пріемной и Кутузовъ обратился къ нему съ такими словами: „мнѣ предстоитъ великое и весьма трудное поприще. Я противъ Наполеона почти не служилъ; онъ все шель впередъ, а мы ретировались; можетъ быть, по обстоятельствамъ нельзя было иначе. Скажите мнѣ,—продолжалъ онъ,—кто паходится въ главной квартирѣ Барклая изъ чиновниковъ, занимающихъ мѣста по штабу? Я никого не знаю“. Комаровскій спѣшилъ удовлетворить любопытству новаго главнокомандующаго. Онъ назвалъ ему имена всѣхъ штабныхъ. Кутузовъ слушалъ равнодушно, но когда Комаровскій назвалъ оберъ-квартирмейстера, барона Толля, лицо его освѣтилось улыбкою. „Я этому очень радъ,—замѣтилъ онъ,—Толль вынужденъ былъ изъ перваго кадетскаго корпуса, когда я имъ командовалъ“. Едва только Кутузовъ сказалъ эти слова, какъ его потребовали къ государю. При бесѣдѣ императора съ главнокомандующимъ не было постороннихъ свидѣтелей. Выходя изъ кабинета, Кутузовъ сказалъ Комаровскому: „дѣло рѣшено, я назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій; но затворяя уже двери кабинета, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ ни полунки денегъ на дорогу; я воротился и сказалъ: *Mon maître, je n'ai pas un sou d'argent pour partir*. Государь мнѣ пожаловалъ 10000 рублей“ *).

Призывъ Кутузова встрѣченъ былъ современниками съ восторгомъ. Какъ-же должна смотрѣть на него безпристрастная исторія? Обязана-ли она, слѣдуя голосу современниковъ, приписывать одному лицу безмертную заслугу спасенія Россіи и всей ея будущности, или-же она должна распредѣлить эту заслугу между нѣсколькими лицами и воздать каждому по дѣламъ его? Въ оффиціальной исторіографіи и въ популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи отечественной войны приято и по сію пору за правило приписывать все одному лицу, возвеличивать

*) См. записки графа Комаровскаго. „Русскій Архивъ“, 1867 г. стр. 779—780.

славу Кутузова на счетъ другихъ героевъ вѣчно памятной эпохи 1812 года *). Исторія обязана воздерживаться отъ подобныхъ увлеченій. Воздавая должную дань безсмертнымъ заслугамъ Кутузова, она не должна опускать изъ виду и не менѣе великихъ заслугъ его предшественника. Всѣ успѣхи Кутузова были-бы немыслимы, если-бы въ его руки не отдала была армія, на которой покоились всѣ надежды отечества, безъ которой немыслимо была успѣшная оборона его. И эта армія, этотъ цвѣтъ населенія Россіи, эта надежда отечества, спасена была отъ неизбежнаго истребленія единственно осторожностію, благоразуміемъ и непоколебимою твердостью Барклай-де-Толли. Барклай спасъ армію вопреки ей самой, вопреки требованіямъ Россіи. Одновременно велъ онъ двойную, неслыханно тяжелую борьбу съ геніальнымъ противникомъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго, съ интригою своихъ окружающихъ и ропотомъ своихъ подчиненныхъ. И никто не поддерживалъ его въ этомъ тяжеломъ испытаніи. Товарищи-сподвижники взводили на него нелѣпое обвиненіе въ трусости; слѣпая и глухая толпа прокричала его измѣнникомъ; государь, глубоко убѣжденный въ его незамѣнимости, не могъ поддержать его на трудномъ пути въ силу своего собственнаго характера. Онъ принужденъ былъ, наконецъ, силою обстоятельствъ, вліяніемъ окружающихъ, громкимъ требованіемъ общественнаго мнѣнія отказаться отъ своего избранника и вручить судьбы Россіи и арміи другому лицу. Поступая такъ, Александръ поступилъ правильно, предохранилъ, быть можетъ, себя и Россію отъ страшной и, что еще хуже, постыдной катастрофы. Какъ ни велики были личныя достоинства Барклай, какъ ни правиленъ былъ образъ его дѣйствій, но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что главнокомандующій первою арміею не пользовался любовью и довѣренностію своихъ войскъ, что онъ не въ состояніи былъ внушить имъ горячаго энтузіазма, беззаветной увѣренности въ побѣдѣ надъ противникомъ. Его положеніе было во всѣхъ отношеніяхъ фальшивое и двусмыслен-

*) Богдановичъ, отдавая свою дань господствующей традиціи, отступилъ однако-же отъ нея въ нѣкоторыхъ пунктахъ, чѣмъ и вызвалъ, какъ извѣстно, самыя ожесточенныя на себя нападки.

ное. Онъ могъ только просить и умолатъ тамъ, гдѣ ему слѣдовало приказывать; онъ припужденъ былъ бороться на каждомъ шагу съ явною оппозиціею своего сотоварища, съ тайною оппозиціею своихъ подчиненныхъ. Спрашивается, могъ ли онъ при подобныхъ условіяхъ довести побѣдопосно до конца вѣренное ему великое дѣло, могъ ли онъ рѣшиться дать такое сраженіе какъ при Бородинѣ, могъ ли онъ взять на себя отвѣтственность за такое странное дѣло, какъ оставленіе Москвы,—онъ, которому не могли и не хотѣли простить даже потери Смоленска? Кто рѣшится дать на все эти вопросы отвѣтъ вполнѣ утвердительный, кто, хотя сколько нибудь знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и съ патурою челоувѣческою, не согласится, что Барклай не въ состояніи былъ нести далѣе возложенной на него отвѣтственности.

Новый главнокомандующій, навязанный императору, вопреки его желаніямъ, не могъ впустить на первый взглядъ особаго довѣрія, не могъ казаться достойнымъ противникомъ геніальнаго Наполеона. Кутузовъ былъ, правда, ученикъ и любимецъ Суворова, но какая разница между нимъ и геніальнымъ учителемъ! У него нѣтъ и тѣни Суворовской быстроты и рѣшимости, этихъ неотъемлемыхъ качествъ военнаго генія, онъ не блещетъ ни геніальностью своихъ комбинацій, ни мѣткимъ орлинымъ глазомъ, ни нестоющимъ, никогда не теряющеюся находчивостью. Самоувѣренность и притомъ въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, не принадлежитъ также къ числу его выдающихся качествъ. Тяжкое сознаніе громаднаго превосходства противника не покидаетъ его ни на мигъ и опредѣляетъ весь образъ его дѣйствій. Онъ остороженъ и методиченъ не менѣе Барклая, онъ такой-же врагъ всякихъ кровавыхъ, рискованныхъ рѣшеній, онъ такой же сторонникъ системы отступленія, выжиданія, какъ и Барклай. Время, обстоятельства и хитрость, но хитрость не чисто военная, а больше дипломатическая, вотъ тѣ элементы, которые думаетъ онъ пустить въ ходъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?—спрашиваетъ Кутузова, передъ отъѣздомъ въ армію, одинъ изъ особенно скромныхъ молодыхъ его родственниковъ.—„Разбить?—отвѣчаетъ ему

съ улыбкою престарѣлой главнокомандующей, — нѣтъ! А обмануть надѣюсь“ *)).

Кутузовъ — не только плохой администраторъ, но и въ силу своихъ преклонныхъ лѣтъ, своей болѣзненности, человѣкъ не отличающійся ни особенною энергіею, ни подвижностью. Онъ любитъ комфортъ, удобства и наслажденія жизни **). Онъ несомнѣнно лѣнивъ и отъявленный врагъ всякихъ систематическихъ, сложныхъ занятій. Письменная часть въ его арміи находится въ невѣроятномъ безпорядкѣ: важнѣйшія бумаги остаются безъ подписи фельдмаршала въ теченіи нѣсколькихъ дней, даже цѣлыхъ недѣль. „Погоди голубчикъ! до завтра“, — вотъ фразы, которыя приходится выслушивать вѣчно его приближеннымъ и адъютантамъ. Ему трудно подписать свою фамилію, труднѣе нежели для другаго исписать нѣсколько листовъ бумаги. Личная храбрость Кутузова не менѣе блестяща, какъ и храбрость Барклая, но лѣта и слабость не дозволяютъ ему показываться впереди арміи, вести лично полки въ дѣло. Онъ руководитъ сраженіемъ издали, сидя на своей скамеечкѣ, помахивая своею казацкою нагайкою.

Всѣ эти черты, столь не казистыя на первый взглядъ, — черты, которыми сумѣли воспользоваться, какъ вельзя лучше, историки-романисты, подобные Тьеру, не мѣшали, однакоже, Кутузову ни мало быть дѣйствительнымъ человѣкомъ минуты, единственнымъ, быть можетъ по всей своей натурѣ, орудіемъ Промысла въ страшной борьбѣ съ великимъ геніемъ Наполеона. Что осторожность была величайшимъ достоинствомъ въ подобной борьбѣ — доказываетъ намъ не только примѣръ Кутузова, но и Барклая, и Веллингтона. Что хитрость была именно то средство, которымъ можно было болѣе всего повредить Наполеону, это доказалъ лучше всего самъ Кутузовъ ***). По сущности

*) См. Богдановичъ, т. II, стр. 15.

***) Всѣ эти особенности ставятъ ему въ вину, преимущественно нѣкоторые иностранные писатели. Тьеръ называетъ его даже человѣкомъ до крайности развращеннымъ и лживымъ, забывая, что первый изъ этихъ эпитетовъ можетъ быть отнесенъ съ наибольшимъ правомъ къ его собственному первому герою, и что правдивость также не была никогда выдающимся качествомъ Наполеона.

***). Клаузевицъ, не имѣвшій ни малѣйшаго повода превозносить Кутузова и не читавшій къ нему никакихъ личныхъ симпатій, говоритъ слѣдующее о немъ: „Ку-

дѣла заключается вовсе не въ этихъ качествахъ маститаго главнокомандующаго, а въ другихъ, уже не военныхъ, а чисто человѣческихъ его свойствахъ и преимуществахъ. Кутузовъ обладаетъ именно тѣми свойствами, которыя способны внушить безграничное довѣріе русскому человѣку и солдату. Онъ прежде всего человѣкъ религіозный, и, что всего важнѣе, — его религіозность отличается чисто національнымъ характеромъ, выражается въ формахъ традиціонныхъ, привычныхъ, священныхъ въ глазахъ народа. Онъ вовсе не мистикъ, не энтузіастъ, онъ молится не въ уединеніи своего кабинета, а всепародно, во храмахъ. Онъ стоитъ на колѣняхъ, кладетъ земные поклоны, лобызаетъ съ благоговѣніемъ св. иконы, онъ обливается слезами и лежитъ во прахѣ передъ глазами всего народа. И на полѣ брани онъ держитъ себя прежде всего какъ христіанинъ и православный. Передъ боемъ онъ приказываетъ посить по рядамъ войскъ чудотворный образъ Богоматери, и самъ первый преклоняется передъ народною святынею. Нашлись писатели, которые усматривали въ набожности Кутузова лишь одну вышность и маеку лицемѣрія! Кто станетъ спорить съ ними въ данномъ случаѣ, кто обладаетъ свойствомъ проникать въ глубочайшіе тайники человѣческаго духа? Замѣтимъ только, что Кутузовъ былъ религіозенъ не только во храмѣ и на полѣ брани, но и въ гостинпой, и въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Повелѣніе государя стать въ главѣ арміи казалось ему званіемъ Божиимъ. Онъ выслушалъ его, по собственнымъ его словамъ, „съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше“ *). Выразаться такъ можетъ не лицемѣръ, а только человѣкъ дѣйствительно и глубоко религіозный.

Подобно всѣмъ знатнымъ людямъ той эпохи, Кутузовъ получилъ воспитаніе французское, любилъ говорить, быть мо-

тузовъ на 15 лѣтъ старше Барклая, былъ уже близокъ къ 70 году жизни и не отличался тою физическою и умственною дѣятельностью, которая можно иногда встрѣтить въ военныхъ людяхъ его возраста. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ уступалъ Барклаю, но онъ превосходилъ его природными дарованіями. Въ молодости Кутузовъ былъ храбрый рубака, но въ тоже время человѣкъ чрезвычайно ловкій, умный, хитрый. Всѣ эти качества создавъ уже хорошаго генерала“.

см. Clausewitz, Der Feldzug in Russland von 1812.

*) См. Богдановичъ, т. II, стр. 12.

жетъ, даже думать по французски *), по вся эта вѣшняя чуждая оболочка не мѣшала ему оставаться русскимъ до мозга костей. Только одинъ Суворовъ умѣлъ, быть можетъ, говорить еще лучше его съ русскимъ солдатомъ, — качество незамѣнимое, дававшее нашему вождю неизмѣримое превосходство предъ всѣми его соперниками. Кутузовъ не произноситъ длинныхъ и изящно построенныхъ рѣчей, но онъ умѣетъ сказать два-три слова въ-время и сказать ихъ такъ, что они сразу проникнутъ все существо русскаго воина, преисполнятъ его духомъ безусловнаго довѣрія и къ своему вождю, и къ своимъ собственнымъ силамъ. „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!“ — говоритъ онъ, привѣтствуя почетный караулъ, приготовленный для его встрѣчи при пріѣздѣ въ дѣйствующую армію. Онъ говоритъ эти слова какъ будто про себя, но на столько громко, что солдаты подхватываютъ ихъ на лету, передаютъ ихъ съ восторгомъ своимъ товарищамъ, распространяютъ по всей арміи. И эти столь простыя, но въ тоже время столь ловко брошенныя слова, вливаются въ душу каждаго солдата ту несокрушимую вѣру въ самого себя, которая заставитъ его подъ Бородиномъ скорѣе лечь мертвымъ, нежели отступить хотя на шагъ передъ натискомъ непріятеля. Кутузовъ врагъ всякой вѣшной обстановки, всякаго наряднаго блеска; онъ знаетъ, что вся эта мишура не можетъ подѣйствовать на простаго, безхитростнаго русскаго ратника. Онъ появляется передъ войсками не иначе, какъ на маленькой казачьей лошади, въ старомъ походномъ сюртукѣ безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо, съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Такая вѣшность дѣлаетъ его сразу близкимъ, доступнымъ для солдата, человекомъ. Одно его появленіе вызываетъ неподдѣльный энтузіазмъ. Войска встрѣчаютъ стараго, всѣмъ знакомаго героя дружными, радостными *ура*. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, — говорятъ между собою солдаты. Какъ

*) Кутузовъ очень любилъ французскій театр. Прогнавъ французовъ изъ Россіи, онъ очень жалѣлъ о закрытіи французскаго театра въ Петербургѣ и высказывалъ свое сожалѣніе передъ самимъ государемъ. См. записки Шишкова, т. I. стр. 176—178.

же отпесутся войска ко всякому распоряженію такого главнокомандующаго? Станутъ-ли они роптать вновь и толковать опять объ измѣнѣ, когда вмѣсто ожидаемаго приказа къ бою послѣдуетъ вновь приказаніе отступать еще и еще? О пѣтъ, они подчинятся охотно и такому приказу; они поймутъ сразу, что, значить, такъ надо, что иначе не можетъ быть. Этого мало! По приказу такого вождя они оставляютъ безъ страха и безъ отчаянія Москву со всеѣми ея святынями и безтрепетно будутъ взирать на колоссальное зарево пожара, охватывающаго въ тылу ихъ священную столицу русскаго царства!

Кутузовъ обладалъ и еще однимъ неоцѣненнымъ военнымъ качествомъ. Онъ способенъ былъ понимать вѣрно и отчетливо общее положеніе дѣлъ и сообразоваться съ этимъ положеніемъ въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Еще до отъѣзда въ армію онъ пришелъ къ убѣжденію, что система Барклая, система отступленія и выжиданія, есть наиболѣе выгодная, наиболѣе примѣнимая для насъ при данныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. „До сихъ поръ мы все отступали,—говаривалъ онъ еще въ Петербургѣ,—но быть можетъ такъ и было нужно“. Свое убѣжденіе Кутузовъ держитъ однако-же про себя, гласно онъ даже порицаетъ систему отступленія, при всякомъ удобномъ случаѣ высказываетъ твердое намѣреніе вступить въ бой съ противникомъ. Что нужды въ томъ, что онъ вовсе не намѣренъ исполнять такъ скоро этого всеобщаго желанія; онъ убѣжденъ, что на его отступленіе посмотрятъ иначе и народъ и войско, нежели на отступленіе Барклая.

Въ тотъ самый день, когда Кутузовъ выѣзжалъ изъ Петербурга, арміи наши расположились въ окрестностяхъ Дорогобужа. Уже при первомъ взглядѣ на позицію подъ этимъ городомъ,—позицію, такъ расхваленную Багратиономъ, Барклай убѣдился въ полнѣйшей ея негодности. „Позиція эта, замѣчаетъ Клаузевицъ, была самая отвратительная: пространство впереди фронта ея не представляло никакихъ преградъ для непріятели и было неудобно для обозрѣнія; позади праваго крыла лежалъ городъ на гористой мѣстности; корпусъ Багговута занималъ еще худшую позицію“ *).

*) Clausewitz, Der Feldzug in Russland von 1812, стр. 127. Подробный раз-

обстоятельства, какъ не отвести армію еще далѣе назадъ и принять бой подъ Царевымъ-Займищемъ, въ мѣстности, представлявшей дѣйствительныя, а не воображаемыя удобства для обороны. Это движеніе исполнено было нашими арміями въ теченіи пяти слѣдующихъ дней. Города, лежавшіе по пути, Дорогобужъ, Вязьма обращены были въ груды развалинъ. Жители сами поджигали свои дома и, собравъ свои семьи и пожитки, уходили вслѣдъ за отступающими арміями. Настало время, когда русскій человѣкъ началъ показывать на дѣлѣ свою отчаянную рѣшимость жертвовать всѣмъ своимъ достоинствомъ на алтарь отечества. Война народная, война со всѣми своими ужасами, война безошадная, безконечная, предстала предъ очами изумленнаго побѣдителя міра. Уже 17-го августа обѣ наши арміи соединились на позиціи подъ Царевымъ-Займищемъ. Барклай былъ твердо намѣренъ не покидать этой позиціи, не давъ рѣшительнаго отпора неприятелю. Его рѣшимость отличалась какимъ-то отчаяннымъ, фатальнымъ характеромъ. Онъ не рассчитывалъ на побѣду, онъ зналъ, что на сторонѣ неприятеля было все еще значительное численное превосходство силъ, но онъ понималъ невозможность дальнѣйшаго отступленія, а позиція подъ Царевымъ-Займищемъ казалась ему во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодной. „Обѣ арміи“ — говоритъ онъ, — расположены были здѣсь на большемъ пространствѣ и имѣли предъ собою открытую мѣстность, на которой неприятель не въ состояніи былъ скрыть своихъ движеній. Въ 10 верстахъ, за этою позиціею, подъ Гжатскомъ, находилась другая, найденная нами не менѣе выгодною. Генераль Милорадовичъ допесь, что 18-го онъ прибудетъ къ Гжатску съ частью своихъ резервовъ. Все это были достаточныя причины, чтобы приготовиться здѣсь къ рѣшительному бою. Я былъ твердо намѣренъ принять его, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи, я могъ-бы еще держаться въ позиціи подъ Гжатскомъ. Я нашелъ-бы тамъ подкрѣпленія изъ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и нѣсколькихъ артиллерійскихъ ротъ, приведенныхъ туда, по

боръ этой позиціи даетъ самъ Барклай въ своей запискѣ. Онъ называетъ ее тамъ самою дурною изъ всѣхъ, какія занимала наша армія въ теченіи цѣлаго похода. См. Bernhardi. т. I. стр. 404.

моей просьбѣ, Милорадовичемъ. Тульскому, орловскому и черниговскому губернаторамъ предписано было доставить въ Калугу собранные ими запасы провіанта и фуража. Инженерамъ обѣихъ армій предписано было немедленно соорудить нѣсколько редутовъ передъ фронтомъ и на флангахъ позиціи. Аріергардъ, получившій приказъ задерживать непріятеля, усиленъ былъ 3-й дивизією и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генерала Коновницына. Этому-же генералу поручена была команда надъ всѣмъ аріергардомъ“ *).

Итакъ, Барклай твердо рѣшился принять сраженіе подъ Царевымъ-Займищемъ, но судьбѣ угодно было иначе. Уже 17-го числа прибылъ новый главнокомандующій, и его прибытіе, долженствовавшее подать сигналъ къ рѣшительному бою, ознаменовалось, страннымъ образомъ, — новымъ отступленіемъ. Присѣтствуемый восторженно войсками, Кутузовъ осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Барклаемъ нашу позицію, нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ очень удобною и крѣпкою, и заявилъ твердо намѣреніе ожидать здѣсь непріятеля. Отдано было приказаніе поторошиться постройкою начатыхъ укрѣпленій, но въ теченіи ночи произошла, однако-же, совершенно неожиданная перемѣна. На другой день войскамъ приказано было сняться съ позиціи и отойти назадъ по направленію къ Гжатску. Какъ объяснить такое, на первый взглядъ, непонятное явленіе? Барклай, а вслѣдъ за нимъ и многіе военные писатели, усматривали во всемъ этомъ дѣлѣ не что иное, какъ интригу Беннигсена, возвратившагося въ это время въ главную квартиру и занявшаго должность начальника штаба всей арміи. Беннигсенъ и другіе враги бывшаго главнокомандующаго, утверждаютъ они, дали понять Кутузову, что не слѣдуетъ давать сраженіе въ мѣстности, избранной Барклаемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ лучшая половина славы выпадетъ на долю этого послѣдняго. Кутузовъ, не желавшій будто-бы дѣлиться своею славою съ кѣмъ-бы то ни было, легко поддался на эти доводы, тѣмъ болѣе, что тотъ-же Беннигсенъ увѣрилъ, что между Царевымъ-Займищемъ и Москвою не трудно найти еще нѣсколько не менѣе

*) Записка Барклая. Бернгарди, т. I. стр. 408—409.

сильныхъ позицій *). Безпристрастный историкъ не имѣеть, однако-же, права полагаться безусловно на подобное толкованіе перваго шага Кутузова. Извѣстно, что позиція при Царевомъ-Займищѣ далеко не казалась всѣмъ знатокамъ военнаго дѣла такою сильною и удобною, какъ генералу Барклаю и его ближайшимъ совѣтникамъ **). Кутузовъ могъ взглянуть на нее иными глазами, но согласно своей скрытной натурѣ, онъ не высказалъ своего мнѣнія тотчасъ-же въ присутствіи Барклая. Какъ-бы то ни было, но внезапное оставленіе только что одобренной позиціи не могло не показаться Барклаю новымъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ ***).

Бывшій главнокомандующій испилъ, можно сказать, въ эти тяжелые дни, до дна чашу, поднесенную ему его врагами, но испилъ ее съ достоинствомъ и явилъ въ себѣ блестящій примѣръ истиннаго героя-патріота. Оскорбленное самолюбіе побуждало его сложить съ себя званіе командующаго первою арміею и искать забвенія всего перенесеннаго въ тиши уединенія. Не такъ поступилъ Барклай. Онъ сумѣлъ забыть въ великую минуту приближающагося рѣшенія свое собственное я, онъ оцѣнилъ лучше кого-либо другаго всѣ выгоды назначенія единаго главнокомандующаго, онъ понялъ также, что теперь наступилъ моментъ, когда всякій истинный сынъ отечества долженъ помышлять лишь объ одномъ: пожертвовать своею жизнью за спасеніе родной земли. „Всякій вѣрный и честный слуга государя и отечества, писалъ онъ императору, долженъ возликовать при вѣсти, что назначенъ новый главнокомандующій надъ всѣми арміями, уполномоченный руководить всѣми операціями для достиженія великой цѣли. Примите,

*) Бернгардъ утверждаетъ, что совѣтниками Кутузова въ этомъ случаѣ были его зять, князь Кудашевъ и полковникъ Кайсаровъ. См. Bernhardsi, т. 2, стр. 10.

***) Относительно позиціи при Царевомъ-Займищѣ пользуется особенною извѣстностью отзывъ прусскаго маіора Блесона, извѣстнаго военнаго писателя. Блесонъ считаетъ эту позицію неприступною, но уже Богдановичъ доказалъ всю неосновательность такого мнѣнія. См. Богдановича, т. II, стр. 119—120. Бернгардъ, т. II стр. 11.

***) Самъ Кутузовъ въ донесеніи государю, объяснялъ свое отступленіе необходимою укомлектовать полки, потерявшіе много людей въ послѣднихъ сраженіяхъ и распределить между ними подрывленія, приведенныя Мелорадовичемъ. См. донесеніе Кутузова отъ 19-го августа, у Богдановича, т. II, стр. 126—127.

Всемилюбвѣйшій Государь, выраженіе радости, преисполняющей меня. Я подьему къ небесамъ молитвы, дабы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества. Что касается до меня лично, то я не питаю иного желанія, какъ доказать пожертвованіемъ моей жизни мою готовность служить отечеству въ какомъ бы то ни было чинѣ и положеніи“ *)).

Барклай, доказавшій подъ Бородиномъ такъ блистательно, что приведенныя слова его не были пустой фразою, хорошо понималъ, что теперь не время сводить какіе бы то ни было личные счеты, критиковать другихъ, оправдывать себя. Онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своихъ воззрѣній и дѣйствій, онъ сознавалъ, что исторія поставитъ его на надлежащее мѣсто. Какимъ благороднымъ самосознаніемъ, какимъ истиннымъ достоинствомъ дышать строки, адресованныя имъ государю! „Я не намѣренъ объяснять подробно движеній вѣрженной мнѣ арміи, теперь въ минуту приближающихся рѣшеній. Будущее покажетъ, могъ-ли я сдѣлать что-либо лучшее для спасенія отечества. Если бы я руководился слѣпымъ, безмысленнымъ тщеславіемъ, тогда Ваше Императорское Величество получили бы отъ меня допесенія о сраженіяхъ, а непріятель пахнулся бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣчая передъ собою силы, способной сопротивляться ему долѣе“. Кто рѣшится возразить хотя что-нибудь противъ этихъ вѣрныхъ и простыхъ словъ,—словъ достойнаго героя древности?

Отступленіе, начавшееся подъ Царевымъ-Займищемъ, не ограничилось однимъ переходомъ, оно продолжалось все далѣе и далѣе. Новый главнокомандующій всеѣмъ своимъ образомъ дѣйствій видимо оправдывалъ систему своего предшественника. И онъ, подобно Барклаю, понималъ отлично, что всякій шагъ назадъ увеличиваетъ наши силы, что каждый выигранный день приводитъ все въ большее и большее равновѣсіе наши силы съ силами противника. Позиція подъ Иванковымъ, у Гакатека, казалась во многихъ отношеніяхъ не менѣе удоб-

*) Все это въ высшей степени характерное мѣсто изъ письма Барклая слытъ почему то нужнымъ пропустить официальный историкъ отечественной войны, генералъ Богдановичъ. См. „Русскій Архивъ“ за 1875 г. кн. 3, статья Попова, стр. 148, а также Беригарди, т. I, стр. 410.

ною, какъ и у Займища. Самъ Кутузовъ, полѣ перваго обзрѣвiя, находилъ ее превосходною. Критиковалъ и противорѣчилъ одинъ Беннигсенъ, вѣчно порицавшiй все и вся, не исключившес отъ него лично. На вопросъ Барклая, что-же невыгоднаго находить онъ въ этой позиціи, Беннигсенъ указалъ на довольно обширный лѣсъ, отстоявшiй на полтора пунечныхъ выстрѣла отъ фронта. „Тамъ, замѣтилъ онъ,—скроетъ непріятель свои движенія, тамъ совершитъ онъ свои приготовленія, тамъ найдетъ онъ себѣ убѣжище въ случаѣ неудачи“. — „Но въ такомъ случаѣ, возразилъ Барклай,—гдѣ-же во всей Россіи, странѣ лѣсной, можно найти болѣе удобную позицію?“ Беннигсенъ отвѣчалъ, что онъ замѣтилъ нѣсколько такихъ позицій между Гжатскомъ и Можайскомъ *). Кутузовъ во все время этого разговора принималъ, повидимому, сторону Барклая, но желаніе отерочить рѣшеніе еще на нѣсколько дней восторжествовало въ немъ наконецъ. Уже на другой день войскамъ отданъ былъ приказъ отступать далѣе. 20 августа армія наша отступила къ Дуркину, 21-го къ Колоцкому, 22-го она достигла, наконецъ, села Бородина. Отступать далѣе Кутузовъ не рѣшился. Онъ зналъ, что между Можайскомъ и Москвою невозможно пайти сколько-нибудь сноеную позицію; онъ продолжалъ смотрѣть на сраженіе какъ на зло, но это зло сдѣлалось уже неизбежнымъ, въ виду единогласнаго требованія всей Россіи и самого Государя.

Мы не пишемъ военной исторіи 1812 года и не считаемъ себя способными изображать великую драму, разыгранную на Бородинскихъ поляхъ. Знатки-спеціалисты описывали ее уже несчетное количество разъ; исторія занесла уже на свои страницы всѣ показанія самихъ участниковъ боя гигантовъ; она достаточно взвѣсила всѣ доводы противниковъ, осцаривавшихъ тогда и понынѣ палму побѣды. Исторія не будетъ доказывать вмѣстѣ съ такъ называемыми патриотами, что Бородинская позиція, избранная нами, была превосходиѣе всѣхъ покинутыхъ нами прежде, что сраженіе съ нашей стороны велось безусловно, что мы пацесли поражение противнику. Нѣтъ, опа

*) Подробности этой любопытной сцены, свидѣтелемъ которой былъ и полковникъ Толль, мы находимъ у Бернгарди, т. II, стр. 16.

скажетъ, что Бородинская позиція уступала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предъидущимъ, что наше лѣвое крыло висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ и что благоразумная мѣра, принятая для его обезпеченія Кутузовымъ, была отмѣнена неумѣльнымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ Беннингсена *). Исторія замѣтитъ также, что руководство движеніями нашей арміи въ этотъ роковой день оставляетъ желать многого, но она скажетъ, что и генеральный пашъ противникъ совершалъ непростительные промахи. Сомнѣнія и колебанія впервые вкрались въ его душу въ этотъ рѣшительный моментъ. Геройское, но истинно неслыханное сопротивление нашихъ войскъ, страшныя потери, понесенныя его полчищами, потрясли даже эту желѣзную натуру. Онъ вспомнилъ вдругъ о Царяжѣ, о громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ его отъ родины и всѣхъ источниковъ его силы, и страхъ, трепетъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ впервые закрася въ его душу. Стратегическія преимущества, если хотите, побѣда, были уже на его сторонѣ. Возвышенности, увѣчанныя нашими редутами, покинуты уже были русскими войсками. Залитыя цѣлыми потоками крови, заваленныя тысячами труповъ, они высились пустынные и брошенные между нашими и непріятельскими линіями. Все наше лѣвое крыло было отбѣсено за Семеновскій оврагъ; его отступление должно было повлечь за собою передвиженіе всей нашей арміи на позицію, не представляющую ни малѣйшихъ шансовъ къ успешной оборонѣ. Наполеону оставалось завершить свой успѣхъ, превратить свою побѣду стратегическую въ тактическую, разбить и уничтожить окончательно отбѣсенную имъ русскую армію. Средства для достиженія такой цѣли, долженствовавшей рѣшить участь всей войны, были, повидимому, въ его рукахъ. Съ нашей стороны оставались въ резервѣ только четыре егерскихъ полка, у него была нетронута самая отборная часть

*) Для обезпеченія нашего лѣваго фланга Кутузовъ поставилъ въ лѣсу за Утицкою корнусъ подъ начальствомъ Тучкова. Этотъ корнусъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлѣ только въ самую рѣшительную минуту и атаковать непріятеля, наступающаго на нашъ лѣвый флангъ, въ свою очередь съ фланга и съ тыла. Беннингсенъ уже поздно вечеромъ, самовольно безъ вѣдома Кутузова, приказалъ Тучкову выйти изъ лѣсу и примкнуть къ нашему лѣвому крылу. См. подробности у Бернгарди, т. II, стр. 39—43.

его войска, двадцатитысячная гвардія. Нельзя было сомнѣваться, что наступленіе этой гвардіи могло имѣть весьма рѣшительныя послѣдствія. Солнце стояло еще очень высоко, когда одинъ маршалъ за другимъ начали присылать гонцовъ къ императору, прося о наступленіи гвардіи. Наполеонъ поскакалъ къ сражавшимся войскамъ, онъ вѣхалъ на Семеповскія высоты, потомъ на батарею Раевского. Отовсюду глазамъ его представлялось одно и тоже зрѣлище. Вездѣ онъ видѣлъ русскихъ, оттѣсненныхъ съ первоначальныхъ ихъ позицій, но ихъ массы не производили впечатлѣніе разстрошенныхъ, деморализованныхъ, готовыхъ къ бѣгству полчищъ. Они стояли такими-же непропиаемыми сплоченными рядами, какъ и вначалѣ боя. Артиллерійскій огонь, поражавшій ихъ съ страшною силою, не производилъ на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія. Они стояли твердо, непоколебимо въ ожиданіи новаго натиска, подобно гранитнымъ скаламъ океана. Наполеонъ понялъ, что ему придется покупать побѣду новыми страшными жертвами, онъ вспомнилъ, что у него остается одинъ послѣдній резервъ, его старая гвардія. Съ досадою, съ озлобленіемъ сказалъ онъ своимъ окружающимъ: „я не хочу истребить мою гвардію; за восемь-сотъ лье отъ Парижа не жертвуютъ своимъ послѣднимъ резервомъ“. Судьба произнесла свой приговоръ. Бурная волна нашествія впервые остановилась передъ желѣзною грудью русскихъ воиновъ.

Уже послѣ трехъ часовъ по-полудни прекратились яростныя атаки непріятели. Сраженіе начало замирать само собою; крайнее истощеніе силъ обнаруживалось у обоихъ противниковъ. „Навсегда останется для меня замѣчательнымъ,—говоритъ очевидецъ,—какъ Бородинскій бой принялъ мало-по-малу отгѣнокъ усталости, истощенія. Массы пѣхоты до того растаяли, что не оставалось въ огнѣ и трети первоначальнаго числа. Страшная артиллерія, доходившая съ обѣихъ сторонъ до 1000 орудій, стрѣляла лишь изрѣдка, да и эти выстрѣлы не имѣли уже первоначальнаго, громоваго, сильнаго тона; казалось, что они звучали какъ-то устало и хрипло. Кавалерія, занявшая почти повсюду мѣсто пѣхоты, производила свои атаки медленно, усталою рысью“ *).

*) Clausewitz. Der Feldzug in Russland von 1812, стр. 158—159.

Потери какъ наши, такъ и непріятельскія, были колоссальны. Цѣлая половина русской арміи—52000 человѣкъ покрывали собою вечеромъ этого страшнаго дня Бородинское поле. Одна первая армія потеряла 38000 человѣкъ, въ томъ числѣ 9252 убитыхъ, тогда какъ урочъ второй арміи доходилъ до 20000 убитыми и ранеными. Всѣ отъ генерала до послѣдняго солдата покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою, но пальма храбрости вышла на долю обоихъ вождей нашихъ арміи, Багратиона и Барклая. Багратионъ палъ, пораженный непріятельскою пулею, Барклай искалъ смерти повсюду, но Провидѣніе хранило его. Его геройскіе подвиги изумили въ этотъ день нашу армію героевъ. Пять лошадей было убито подъ нимъ, почти всѣ его адъютанты перебиты, или переранены. Багратионъ, чувствуя себя пораженнымъ на смерть, посѣялъ отправить къ нему своего адъютанта съ словомъ примиренія. Его честная, солдатская душа сказала въ этотъ моментъ во всей своей чистотѣ.

Потери непріятели были также колоссальны, у него вышло изъ строя, по-крайней-мѣрѣ, 35000 человѣкъ, но все-же на его сторонѣ оставалось громадное превосходство силъ. Наша армія насчитывала теперь въ своихъ рядахъ не болѣе 52.000 человѣкъ, тогда какъ Наполеонъ имѣлъ еще въ строю около 90,000 человѣкъ. Возможно-ли было возобновлять сраженіе послѣ такихъ потерь, при такомъ неравенствѣ силъ: Кутузовъ, не имѣвшій въ первый моментъ точнаго представленія о количествѣ нашихъ потерь, считалъ вечеромъ возобновленіе боя возможнымъ, но уже съ наступленіемъ ночной темноты онъ принужденъ былъ измѣнить свое рѣшеніе. Въ теченіи ночи выяснились съ одной стороны наши потери, а съ другой стороны самъ Наполеонъ своими распоряженіями далъ нашей арміи полную возможность не только покинуть безпреставственно поле боя, но и вынести полное убѣжденіе, что сраженіе нами выиграно и что мы отходимъ назадъ, чтобы собраться съ силами и заручиться подкрѣпленіями. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ не рѣшился оставить свои изуровненные и разстроеныя войска на позиціяхъ, занятыхъ ими съ боя. Съ наступленіемъ ночи непріятель отступилъ повсемѣстно, и

наши войска, не видя его нигдѣ въблизи, пришли къ убѣжденію, что побѣда осталась на нашей сторонѣ. Приказъ къ отступленію, послѣдовавшій на другой день, не поколебаль нисколько ихъ самоувѣренности. Они безусловно вѣрили своему вождю. Вступая вновь на путь отступленія, они не сомнѣвались ни на минуту, что они идутъ прямо къ побѣдѣ.

Сраженіе при Бородинѣ, разсматриваемое съ болѣе общей, а не узкой военной точки зрѣнія, никакимъ образомъ не можетъ быть признано ни побѣдою, ни пораженіемъ русской арміи. Если русскія войска и были сбиты съ большей части своихъ позицій, то за то и непріятель не рѣшился остаться на этихъ позиціяхъ и покинулъ ихъ уже съ наступленіемъ ночи. Число трофеевъ, пушекъ и плѣнныхъ, взятыхъ обѣими сторонами, было одинаково незначительно. На сторонѣ французовъ было преимущество чисто внѣшнее: имъ удалось завоевать съ огромными жертвами часть поля сраженія; на сторонѣ русскихъ преимущество болѣе внутреннее: имъ удалось выдержать, не потерпѣвъ пораженія, натискъ непріятеля, превосходнаго въ числѣ, предводимаго гениальнымъ вождемъ. „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ, — говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій, одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ Бородинскаго боя, — осталось сочиненіе, въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами: „говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать о ней Марію Луизу. Если-бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то слава, конечно, признала-бы насъ братьями“ *).

Далеко не такъ безпристрастно посмотрѣли на результаты битвы вожди обѣихъ враждебныхъ армій. Наполеонъ, съ обычнымъ своимъ высокоуміемъ и безстыдствомъ, извѣщалъ своихъ рабовъ о новой блестящей побѣдѣ, одержанной имъ. Кутузовъ также смотрѣлъ на сраженіе, какъ на побѣду своей арміи. Онъ вовсе не думалъ обманывать государя и Россію

*) Herzog. v. Württemberg Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. 96.

въ своихъ допесеніяхъ, опъ говорилъ въ нихъ даже менѣе утвердительно о побѣдѣ, нежели въ краткой записочкѣ къ своей женѣ. Записочка эта была написана уже нѣсколько дней послѣ битвы, она заключала въ себѣ лишь слѣдующія слова: „я слава Богу, здоровъ, мой другъ, и не побитъ, а выигралъ баталію надъ Бонапартомъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ“ *). Допесевіе Кутузова **) императору отличалось, по справедливому замѣчанію Богдановича, характеромъ не точнымъ и неопредѣленнымъ. Кутузовъ говорилъ, что непріятель, пользуясь туманомъ, атаковалъ на разсвѣтѣ всѣми своими силами пашъ лѣвый флангъ, что сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи, что потери обѣихъ сторонъ были велики. „Войска Вашего Величества, — заявлялъ онъ вслѣдъ затѣмъ, — сражались съ неизмовѣрною храбростію; батареи переходили изъ рукъ въ руки и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами“. Уклонившись, такимъ образомъ, въ этомъ существенномъ пунктѣ отъ правды, и совершенно умолчавъ о потерѣ нашихъ позицій, князь Кутузовъ счелъ, однако-же, нужнымъ прибавить слѣдующія знаменательныя слова: „Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за потерю, сей день сдѣланною, позицію, прежде занимаемую, естественно стала обширнѣе и войскамъ невѣстною, а потому когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но велицѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ и собравъ разстроенныя баталіоны войска, освѣжа мою артиллерию и укрѣпивъ себя ополченіемъ московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неизмовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увѣжу я, что могу предпринять противъ непріятеля“. Всякій согласится, что подобное допесеніе не можетъ считаться безусловно побѣдною реляціею. Совершенно въ такомъ же духѣ писалъ князь Кутузовъ и

*) См. „Русскій Архивъ“ за 1875, книга 3, стр. 178. Москва въ 1812 г.

**) См. Богдановичъ, т. II, стр. 229—230.

московскому главнокомандующему, графу Растопчину: „сегодня было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе, — писалъ онъ ему: „съ помощью Божіею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель въ весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра, надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться“ *).

Какъ ни темны были во многихъ отношеніяхъ донесенія Кутузова, но и въ Москвѣ и въ Петербургѣ они были приняты за донесеніе побѣды. Еще за долго до битвы, въ Москвѣ господствовало самое тревожное настроеніе. Уже послѣ потери Смоленска началось бѣгство жителей изъ столицы. Все, что могло, оставляло Москву, видимо обреченную на гибель. Въ самый день Бородинскаго сраженія въ Москвѣ совершался крестный ходъ. Страшная тревога господствовала въ городѣ. Народъ толпился у городскихъ заставъ, прислушиваясь къ доносившемуся по вѣтру гулу пушечныхъ выстрѣловъ. Одни молились, обливаясь слезами, другіе казались погруженными въ пѣрое отчаяніе. Но вотъ появилась прокламація главнокомандующаго, передававшая въ началѣ почти дословно донесеніе Кутузова. Мгновенно вѣсть о побѣдѣ разнеслась по всей

*) Растопчинъ во время самихъ событій исполнѣ удовлетворялся донесеніями Кутузова, не считалъ ихъ преувеличенными и не думалъ уличать кн. Кутузова во лжи. Совершенно иначе говоритъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя при составленіи своихъ записокъ. „Я не буду распространяться объ этомъ сраженіи, въ которомъ обѣ стороны дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ: русскіе, чтобы защитить свою столицу, солдаты Наполеона, чтобы ее завоевать. Я не рѣшаю, былъ ли Наполеонъ великъ въ этомъ дѣлѣ, или малъ, или инымъ какимъ онъ былъ; но оба военно-начальника могли бы избѣжать этой безчеловѣчной битвы и сохранить въ своихъ войскахъ болѣе 90 тысячъ людей, выбившихъ изъ строя. Наполеонъ, еслибы перешелъ на старую Калужскую дорогу, вошелъ бы въ Москву только 8-ю днью позднѣе съ войскомъ болѣе сильнымъ на 52 тысячи, которыя были убиты и ранены подъ Бородниномъ; Кутузовъ съ своими 116 тысячами, изъ которыхъ онъ потерялъ отъ 35 до 40 т., сталъ бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергался бы два или три раза опасности быть уничтоженнымъ“... Далѣе Растопчинъ говоритъ, что онъ уже на другой день писалъ министру полиціи, Балашеву, что онъ не понимаетъ этой побѣды, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ отступление нашей арміи къ Можайску. Реляцію Кутузова Растопчинъ называетъ чистѣйшею ложью; но, говоритъ онъ, эта ложь удалась ему какъ нельзя болѣе: онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, всѣ его родные награждены, солдаты получили каждый по пяти рублей“. „Русскій Архивъ“ за 1875 г., книга 3, стр. 174—175.

Москвѣ. Народъ радостно встрепенулся, тысячи сбѣжали къ Иверской служить благодарственные молебны; надежда, что непріятель не успеетъ проникнуть въ старую рускую столицу, вновь оживила сердца. Но надежда эта была кратковременна. Вскорѣ москвичи съ ужасомъ узнали, что армія наша отступила къ Можайску. Съ тѣхъ поръ каждый день приносить все болѣе и болѣе страшныя вѣсти. Армія наша все ближе и ближе подходила къ столицѣ, во по пятамъ ея шла армія непріятельская. Продолжали еще говорить о новомъ сраженіи для спасенія Москвы, но никто уже не вѣрилъ въ его возможность, а тѣмъ болѣе въ счастливый исходъ. Паника начала распространяться въ городѣ. Бѣгство населенія приняло колоссальныя размѣры. Ежедневно, съ утра до поздней ночи, тысячи экипажей выѣзжали изъ Москвы, увозя болѣе состоятельныхъ жителей и ихъ пожитки. Тѣ, которые не могли уѣхать, уходили пѣшкомъ. По улицамъ двигались цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ переселенцевъ. Иногда впереди ихъ шли священники, неся въ рукахъ иконы. Повсюду происходили самыя раздирающія душу сцены. Тамъ жители покидали съ воплемъ свои жилища, тутъ тянулись безконечныя обозы съ ранеными. „По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, говоритъ Глинка, гробовая равнина Бородинская двигалась въ стѣны Москвы въ ужасномъ могильномъ своемъ объемѣ. Солнце свѣтило и не свѣтило. Улицы пустѣли, а кто шелъ, не зная куда идти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди. Носились слухи, что Мюратъ взять въ плѣнъ. Увѣряли, будто бы государь въ Сокольникахъ на дачѣ у графа, гдѣ Платовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Слушали и не слушали; мысли, души, весь бытъ московскій были въ разбродѣ. А между тѣмъ, подъ завѣсою пыли, медленно тянулись повозки съ ранеными. Около Смоленскаго рынка, гдѣ я жилъ, множество воиновъ, рапепыхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородиномъ, лежали на плацахъ и на соломѣ. Обыватели сбѣжали обмывать занекшіяся ихъ раны и обвязывали ихъ платками, полотешцами и бинтами изъ разрѣзанныхъ рубашекъ* *). Прошло еще нѣсколько дней въ тревожномъ ожиданіи

*) С. И. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 52—53.

и Москва озарилась яркимъ заревомъ. То были бивуачные костры нашей арміи, расположившейся у самаго города. Ихъ зловѣщій свѣтъ какъ будто предсказывалъ страшную участь столицы.

Курьеръ, везшій донесеніе князя Кутузова о Бородинской битвѣ, прискакалъ въ Петербургъ въ самый день тезоименитства императора, 30-го августа. Введенъ-ли былъ императоръ донесеніемъ Кутузова въ заблужденіе, принялъ-ли онъ его какъ вѣсть полной побѣды? Мы полагаемъ, что нѣтъ. Императоръ могъ быть тѣмъ не менѣе доволенъ результатомъ боя. Въ его глазахъ было уже чрезвычайно важно то, что войска наши устояли передъ ярымъ ватискомъ непріятеля, что они нанесли ему страшныя потери и сохранили возможность и готовность къ новому бою. Императоръ не сомнѣвался, что за этимъ первымъ сраженіемъ не замедлятъ послѣдовать другія, что непріятель, истощенный въ своихъ силахъ, не въ состояніи будетъ достигнуть Москвы. Вотъ почему онъ смотрѣлъ на донесеніе Кутузова, какъ на вѣсть о побѣдѣ, вотъ почему осыпалъ онъ наградами и главнокомандующаго и всѣхъ участниковъ сраженія, вотъ почему онъ опубликовалъ торжественно вѣсть о побѣдѣ. Въ Александро-Невской лаврѣ происходило въ присутствіи государя и императорской фамиліи, торжественное благодарственное молебствіе. Князь Горчаковъ прочелъ громкимъ голосомъ побѣдную реляцію. Восторгъ былъ всеобщій. „Ты не можешь себѣ представить, — писалъ Штейнъ своей женѣ, — ту трогательную всеобщую радость, которую вызвала здѣсь эта побѣда честныхъ людей надъ безиравственными разбойниками и ихъ атаманомъ, какъ всѣ успокоились здѣсь относительно Москвы и какъ удвоилась сила всѣхъ! Спокойная будущность открывается передъ нами. Я считаю паденіе этого человѣка болѣе печальнымъ вѣроятнымъ. Эта безумная война, начатая имъ въ надеждѣ возбудить возстаніе внутри Россіи, будетъ причиною его паденія. Провидѣніе терпѣло такъ долго неистовство этого человѣка, чтобы низвергнуть его тѣмъ глубже въ бездну позора“. *)

Радость Штейна, свѣтлыя надежды государя, восторгъ петербуржцевъ продолжались, однако-же, очень недолго. Вскорѣ по городу начали распространяться самыя зловѣщія слухи.

*) См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 154, 155.

Дальнѣйшее отступленіе нашей арміи, приближеніе непріятеля къ Москвѣ, не могло, разумѣется, оставаться въ тайнѣ. Государь былъ въ самомъ тяжеломъ настроеніи. Мрачныя предчувствія томили его душу. Графъ Комаровскій, командированный имъ съ важнымъ порученіемъ въ Подольскую и Волынскую губерніи, явившись во дворецъ, чтобы откланяться и получить послѣднія приказанія, засталъ государя въ чрезвычайномъ смущеніи. На большомъ столѣ лежала развернутая, секретная, маршрутная карта Россіи. Императоръ погруженъ былъ, повидному, совершенно въ ея разсмотрѣніе и долгое время не замѣчалъ вошедшаго графа. Наконецъ, онъ замѣтилъ его и сказалъ: „здравствуй! что, все-ли получилъ?“ Графъ отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, пришелъ за послѣдними приказаніями и желалъ-бы спросить, какою дорогою ѣхать ему, пбо на Смоленскъ невозможно, развѣ на Москву? Государь посмотрѣлъ на графа и, помолчавъ немного, сказалъ: „ну конечно, на Москву; впрочемъ, поѣзжай, какъ Богъ тебя пронесетъ“. Затѣмъ онъ обнялъ графа и отпустилъ его со словами: „прощай, Богъ съ тобою“. Графъ отправился отъ государя къ цесаревичу, здѣсь онъ встрѣтилъ Озерова, только что пріѣхавшаго изъ Москвы. На вопросъ графа, можно-ли проѣхать черезъ Москву, Озеровъ отвѣчалъ: „не знаю, когда я выѣхалъ оттуда, французы были уже на Воробьевыхъ горахъ“. Тутъ только графъ понялъ причину смущенія, въ которомъ засталъ онъ государя; онъ догадался, что Александръ получилъ, вѣроятно, страшную вѣсть, что древняя столица его отдана на жертву непріятелю *). Въ Петербургѣ все еще было пока спокойно. Никто не зналъ, что дерзкій побѣдитель расположился уже во дворцахъ стараго Кремля и что злобніе столбы дыма и пламени поднимаются уже надъ злополучною столицею. Для Александра засталъ тяжелый часъ испытанія, но вмѣстѣ съ нимъ и часъ возрожденія, обновленія внутренняго чловѣка.

В. Мадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*). См. Записки графа Комаровскаго. „Русскій Архивъ“ за 1867 г. стр. 781—782.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ МЫСЛЬ

О

СВОБОДНОМЪ И НЕЗАВИСИМОМЪ ПОНИМАНІИ СЛОВА БОЖІЯ.

(Продолженіе *).

III.

Когда усвоятъ себѣ право свободнаго и независимаго пониманія Слова Божія, не ограничивая своего разума покорностію вселенскому ученію и вселенскимъ преданіямъ Церкви и ея догматическимъ опредѣленіямъ, тогда, при самой искренней любви къ откровенной истинѣ, подвергаются опасности понять ее односторонне, подъ угломъ личныхъ воззрѣній, господствующихъ убѣжденій и даже модныхъ, временныхъ ученій. Совершенная объективность въ дѣлѣ пониманія истины есть идеалъ недостижимый для человѣка; какъ-бы ни старался человѣкъ освободиться отъ своихъ индивидуальныхъ воззрѣній, расположеній и пристрастій, онъ не можетъ стать выше своей природы и выше своего времени. Отсюда и происходитъ то поразительное явленіе, что одинъ и тотъ-же фактъ—ясный, очевидный, неопровержимый, принимаетъ въ глазахъ различныхъ мыслителей различное, нередко до противоположности, освѣщеніе.

Въ Церкви православной въ дѣлѣ сообщенія людямъ откровенной истины нѣтъ мѣста этому субъективизму; ея ученіе есть вселенское ученіе, предохраненное отъ всякихъ мѣстныхъ, временныхъ и національныхъ воззрѣній; ея догматы, изложенные на

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 6.

вселенскихъ соборахъ, отличаются вселенскимъ характеромъ. Православная Церковь съ одинаковою силою отвергаетъ какъ единоличный субъективизмъ папскій, такъ и многочисленный или всеобщій субъективизмъ протестантскій.

Но когда отвергаютъ вселенское ученіе и вселенскія преданія Церкви и, слѣдовательно, когда субъективизмъ признаютъ явленіемъ законнымъ, искажая откровенную истину и обрѣзывая ее, такъ сказать, по величинѣ узкихъ рамокъ своего личнаго пониманія: тогда, повторяемъ, при самой искренней любви къ ней подвергаются опасности понять ее *своеобразно*, освѣтить ее ложнымъ свѣтомъ, окрасить и даже затмить божественный блескъ ея субъективнымъ и сомнительнымъ свѣтомъ излюбленныхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія на догматическія опредѣленія вселенскихъ соборовъ надобно смотрѣть не только какъ на ограду отъ субъективизма, но и какъ на хранилища чистаго и неомраченнаго свѣта откровенія: и кто отвергаетъ ихъ изъ желанія найти свои догматическія формулы, или обновить эти формулы своеобразнымъ пониманіемъ, тотъ подвергается опасности не понять подлиннаго смысла и характера откровенной истины, сообщить ей своеобразное освѣщеніе и даже затмить ее для себя созерцаніемъ сквозь призму своихъ субъективныхъ началъ. Это всего лучше открывается изъ разсмотрѣнія новѣйшаго направленія религіозной мысли въ протестантскомъ мірѣ.

Протестантская унія, въ основу которой положены были преимущественно идеи Шлейермахера, не привела протестантскій міръ, какъ мы видѣли уже, къ желаннымъ результатамъ: вмѣсто объединенія протестантскихъ вѣроисповѣданій, она создала между ними только новую рознь и открыла широкую дверь субъективизму. Рядомъ съ этимъ направленіемъ шло другое, чисто рационалистическое, которое въ лицѣ Гегеля обоготворило разумъ, а въ лицѣ Штрауса отвергло и самое христіанство. Бауръ, глава протестантской ново-тюбингенской школы богослововъ, говоритъ, что Штраусъ былъ выразителемъ своего времени, что его „Жизнь Иисуса“ была зеркаломъ, отобразившимъ современное по-

явленію этой книги состояніе умовъ въ протестантскомъ мірѣ. Если это справедливо, то слова Баура немного дѣлаютъ чести ни тогдашнему протестантскому настроенію умовъ, ни религіозной реакціи въ протестантскомъ мірѣ время прусскаго короля Вильгельма III, ни слѣдовавшей за ней самой униіи. Впрочемъ не должно забывать, что сочиненіе Штрауса было встрѣчено въ протестантской публикѣ, можно сказать, со всеобщимъ ропотомъ. Не только протестантскіе богословы, но и многіе люди ученые и даже простой народъ съ негодованіемъ встрѣтили мудрость новоизмышленнаго раціоналистическаго богословія. Самыя правительства не могли оставаться равнодушными къ этому ропоту. Зло было тѣмъ опаснѣе для протестантовъ, что оно явилось во всеоружіи гегельянскій философіи, самодержавно владычествовавшей тогда и среди образованной публики, и среди аудиторій пѣмечныхъ университетовъ. Настала новая реакція, и уже съ 1840 г., т. е. со времени царствованія прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV, начинается открытое изгнаніе философіи Гегеля изъ протестантскихъ университетовъ и замѣщеніе философскихъ кафедръ при университетахъ людьми, коихъ религіозныя вѣрованія не противорѣчили принятымъ конфессіямъ протестантовъ. Этого мало. Берлинскій университетъ—метрополия протестантскаго богословія—позаботился противопоставить отрицательнымъ результатамъ гегельянскій философіи новую философскую систему, которая была-бы согласна съ принятыми конфессіями, или, по крайней мѣрѣ, не угрожала-бы совершеннымъ отверженіемъ христіанскихъ петинъ. Глаза всѣхъ обратились на старика Шеллинга; онъ долженъ былъ создать новое философское ученіе и поддержать разшатанныя основы протестантскаго вѣроученія. Эту миссію принялъ на себя и самъ Шеллингъ, появившись (въ 1841 году) послѣ продолжительнаго молчанія снова на кафедрѣ Берлинскаго университета.

Шлейермахеръ стоялъ во главѣ религіознаго движенія въ протестантскомъ мірѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; старикъ Шеллингъ сталъ во главѣ новаго религіознаго движенія въ этомъ мі-

рѣ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ. (Шеллингъ умеръ въ 1854 г.). Впрочемъ вліяніе ихъ продолжается и въ наше время; оба они остаются корифеями протестантской религіозной мысли и въ наши дни: ихъ ученіе объединяемое, пополняемое и видоизмѣняемое различнымъ образомъ, преимущественно лежитъ въ основаніи и современнаго намъ протестантскаго міровоззрѣнія. Приведемъ сужденіе о нихъ Ауберлена, тоже замѣчательнаго протестантскаго богослова и философа новѣйшихъ временъ. „Мыслящему наблюдателю новаго развитія духа (въ протестантскомъ мірѣ), говоритъ онъ, невольно бросается въ глаза параллель между обоими корифеями философіи и богословія, между Шеллингомъ и Шлейермахеромъ. Хотя оба они погрѣшали въ томъ, что не могли отказаться отъ наитенетпческихъ заблужденій своей юности, хотя (при этомъ недостаткѣ своемъ) они не могли съ болѣе некренимъ раскаяніемъ проникнуть во внутреннѣйшее святилище вѣры, но во всякомъ случаѣ въ высшей степени знаменательно то, что положительное христіанство проявило на нихъ свою могущественнѣйшую притягательную силу и привлекло ихъ лучшія силы къ своему служенію. Совершенно ясно также, какъ они своимъ воззрѣніемъ на него взаимно поподняютъ другъ друга. Шлейермахеръ рѣчами о религіи началъ свое поприще, Шеллингъ философіею откровенія закончилъ свое. Такимъ образомъ Шлейермахеръ преимущественно развивалъ субъективную, человѣческую сторону, а Шеллингъ объективную, божественную сторону христіанства; тотъ развивалъ вѣру, а этотъ гноенесъ; тотъ мистикъ, а этотъ теософъ *). Впрочемъ въ нихъ проявляется не только вза-

*) Теософія (отъ греческаго слова Θεός Богъ и σοφία мудрость) по буквальному значенію своему есть познаніе Бога и вообще предметовъ божественныхъ. Въ этомъ смыслѣ всякій спекулятивный философъ, излагающій свое собственное ученіе о Богѣ, можетъ быть названъ теософомъ въ отличіе отъ богослова, излагающаго подобное-же ученіе на основаніи положительнаго откровенія. Таковъ обширный смыслъ понятія *теософъ* и *теософія*. Въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ теософами называютъ такихъ мыслителей, которые въ своемъ положеніи ученія о Богѣ переступаютъ границы методическаго мышленія, впадаютъ въ энтузіазмъ и сообщаютъ понятія о Богѣ на основаніи какого-то высшаго воодушевленія и прорсвщенія. Поелзку первоначальное пропсхожденіе этого воодушевленія и основанное на немъ богооткровеніе всегда представляются сомнительными и, повидимо-

многое восполненіе другъ друга, но и прогрессъ, — прогрессъ, который долженъ быть признанъ вообще современною задачею нашей (протестантскою) науки и долженъ быть выраженъ слѣдующимъ положеніемъ: найти переходъ отъ чисто религіознаго субъективизма къ системѣ объективнаго познанія откровенія. Между тѣмъ какъ Шлейермахеръ продолжаетъ видѣть спасеніе (отъ рационализма) въ отдѣленіи вѣры отъ знанія, философіи отъ богословія, Шеллингъ уже ведетъ насъ далѣе, ведетъ къ системѣ „положительной философіи“, которая при посредствѣ вѣры утверждаетъ на фактахъ откровенія“ *).

Какія-же начала положены были Шеллингомъ въ основу его „положительной философіи?“ Какъ думать оиъ спасти протестантскій міръ отъ рационализма и субъективизма?

Развитіе современнаго протестантскаго богословія шло объ руку съ развитіемъ нѣмецкой философіи. Ученіе Шлейермахера было только лицевою, такъ сказать, богословскою стороною философіи Канта и Фихте; школа гегельянскихъ богослововъ воплощала въ себѣ положительные результаты философіи Гегеля; между тѣмъ какъ тюбингенская школа, чрезъ посредство Штрауса, Бруно Байера, Фейербаха и ихъ послѣдователей, была и есть выраженіе отрицательной стороны гегельянской философіи. Но ни ученіе богослововъ Шлейермахеровской школы объ идеѣ спасенія, ни ученіе гегельянскихъ богослововъ о богочеловѣкѣ, наконецъ — ни ученіе новой тюбингенской школы о спекулятивномъ союзѣ Божества съ человѣчествомъ, которые были полагаемы до сихъ поръ въ основу протестантскаго богословія, не могли составить крѣпкому, главнымъ источникомъ своимъ имѣюгъ сильную, но безпорядочно дѣйствующую фангазію, то обыкновенно теософами называютъ мечтателей касательно предметовъ божественныхъ, и вообще людей самообольщенныхъ въ отношеніи къ первоначальному источнику своихъ знаній. Такими теософами въ новое время были: Яковъ Беме, Сведенборгъ, Сент-Мартенъ и многіе другіе. Въ повѣйшее-же время наименованіе теософіи усваиваютъ тому направленію нѣмецкой философіи и спекулятивнаго нѣмецкаго богословія, которое ведетъ свое начало главнымъ образомъ отъ философа Шеллинга, старается глубже понять и рациональнѣе изъяснить христіанское ученіе о Богѣ и верѣдно выдаетъ свое пониманіе этого предмета за какое-то особенное богопророчество и богооткровеніе.

*) Göttl. Offenb. Auberlen. 1. B. S. 381—382.

кой опоры для протестантскихъ конфессій и вообще мало охраняли религіозную истину отъ враждебныхъ нападений сомніи и отрицанія, — потому что всѣ эти идеи, принимавшіяся въ смыслъ субъективномъ, въ окончательныхъ результатахъ приводили или къ пантеизму, или даже къ совершенному отрицанію христіанства. Всѣ онѣ были спекулятивны, а потому никакимъ образомъ не могли быть отождествлены съ ученіемъ объ историческомъ лицѣ Іисуса Христа. Надобно было выйти изъ другаго начала. Этимъ началомъ послужили теософическія воззрѣнія Шеллинга. Шеллингъ объявляетъ, что „заслуга каждаго изслѣдованія состоитъ не только въ томъ, чтобы разрѣшать трудные вопросы, но можетъ быть гораздо больше въ томъ, чтобы создавать новыя проблемы и обозначать ихъ для будущаго изслѣдованія“. Опредѣляя свое отношеніе къ современной ему гегельянской философіи, онъ говоритъ, что надобно освободить умы отъ деспотизма *чистаго* гегельянскаго понятія, которое удерживаетъ ихъ въ сферѣ идеальнаго логическаго бытія предметовъ, скрывая отъ нихъ дѣйствительное бытіе этихъ предметовъ. Его новая философія хочетъ быть реальною, совершенно противоположною гегельянскому идеализму. „Существенное различіе нашего времени, говоритъ онъ, отъ прежняго, схоластическаго, состоитъ именно въ томъ, что въ прежнее время все хотѣли вывести изъ началъ разума (*de capite dimicatur*), но что въ наше время дѣло идетъ не о формальной, а о реальной истинѣ“. Его новая философія хочетъ быть еще религіозною. Онъ говоритъ, что философія, чуждающаяся религіозныхъ или нравственныхъ началъ, не заслуживаетъ даже названія философіи. Задача современнаго протестантства состоитъ, по его понятію, въ выясненіи „безусловной всеобщности, необходимости и научности христіанскихъ началъ“. Эта задача осуществится тогда, когда узнаютъ, что „христіанство для своего признанія требуетъ тѣхъ-же самыхъ условій, но концомъ существуетъ и міръ, что основаніе христіанству заложено прежде основанія міра, что Христосъ въ этомъ смыслѣ есть начало и конецъ, первый и послѣдній“. Вся новая философія Шеллинга раздѣляется

на отрицательную и положительную. Въ отрицательной излагается метафизическое учение о трехъ силахъ (Potenzen), изъ коихъ первая сила есть стремленіе къ безконечному бытію (Seinkönnen), или безразличное единство сознанія и несознанія, третья—есть въ собственномъ смыслѣ сознаніе и бытіе, а вторая—посредствуетъ между ними. Въ „положительной философіи“ Шеллингъ говоритъ, что Христосъ есть и космическая и духовная сила, все производящая. Онъ создаетъ міръ постепенно, *открываетъ* себя въ немъ и воссоединяетъ съ собою міръ, отпавшій отъ Него чрезъ паденіе первобытнаго человѣка (Urmenschen). Исторія этого воссоединенія міра со Христомъ и есть исторія религіи, развѣтвляющаяся, въ свою очередь, на два процесса—мифологическій и въ собственномъ смыслѣ откровенный. Отсюда у Шеллинга является философія мифологии и философія откровенія. Эти-то теософическія начала, различнымъ образомъ видоизмѣняемая и соединяемая съ сторонними идеями, лежатъ въ основѣ современной религіозной мысли протестантскихъ богослововъ. Келш Вауръ не высоко цѣнитъ вторую философію Шеллинга и называетъ ее по-просту галиматьею: то другіе, какъ напр. извѣстный историкъ Неандеръ, не находятъ достаточно словъ для прославленія ея. Философскія начала Шеллинга оказали могущественное вліяніе и на лучшихъ современныхъ протестантскихъ богослововъ, каковы: Ланге, Роте, Мартензенъ, Либнеръ, Дорнеръ и пр., за исключеніемъ лишь немногихъ богослововъ иныхъ школъ, какъ-то: гегельянцевъ, гербартіанцевъ, строгихъ конфессіоналистовъ и пр. Къ опредѣленію значенія этихъ началъ въ протестантствѣ, ихъ дальнѣйшему развитію и выраженію въ немъ, мы и должны теперь приступить; но прежде должны сказать нѣсколько словъ о протестантской экзегетической (толковательной) литературѣ.

Теософическія начала, стремившіяся усвоить высокое значеніе откровенію и въ исторіи и въ мірозданіи, въ связи съ отрицательною критикою тюрингенцевъ, вызвали, усилили и оживили то направленіе, которое въ наше время извѣстно подъ именемъ библейскаго и которое, по Ауберлену, состоитъ въ новомъ, болѣе

глубокомъ и болѣе жизненномъ пониманіи откровенія, какъ цѣльнаго организма. Въ числѣ писателей этого направленія можно находить экзегетовъ какъ отдѣльныхъ книгъ Священнаго Писанія, такъ и полнаго состава Библии, каковы: Толювъ, Ольсгаузенъ, Штиръ, Гофманъ, Делицнъ, Курцъ, Эллеръ и многіе другіе. Какими-же результатами сопровождалось это новое направленіе въ протестантскомъ мірѣ? Что дало оно новаго протестантамъ?

Безъ сомнѣнія, надобно признать прежде всего, что оно оживило библейскія изслѣдованія; оно обогатило протестантскую литературу многими замѣчательными комментаріями; оно глубже проникло не только въ экзегетическое (толковательное), но и въ историческое содержаніе Библии. Но вотъ что говоритъ Роте, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ протестантскихъ мыслителей-богослововъ послѣдняго времени, о всѣхъ этихъ библейскихъ комментаріяхъ. „Впечатлѣніе, производимое на меня Св. Писаніемъ, когда я приступаю къ нему съ нашими комментаріями, постепенно переходитъ въ живѣйшее убѣжденіе въ его чрезвычайной содержательности (Ueberschwänglichkeit) не только въ отношеніи къ непечернаемому морю чувствъ, которыя оно приводитъ въ волненіе (и которыя Бенгелъ называетъ $\pi\acute{\alpha}\theta\eta$ Sacrae Scripturae), но не менѣе и въ отношеніи къ содержанію мыслей, заключенныхъ въ его словѣ. Я стою предъ нимъ съ ключемъ, вручаемымъ мнѣ (протестантскою) церковію и пенитантнымъ въ теченіи столѣтій. Я не могу сказать, чтобы этотъ ключъ совершенно не годился для своей цѣли, но еще менѣе могу сказать, что онъ вполне хорошъ (rechte). При нуждѣ онъ отпираетъ, но онъ отпираетъ насильно, когда я вкладываю его въ замокъ. Наше толкованіе, дошедшее къ намъ по преданію — я не разумью при этомъ толкованій неологическихъ — даетъ мнѣ возможность понимать Св. Писаніе, но оно недостаточно для моего полнаго и правильнаго (rein) пониманія его. *Общее содержаніе* мыслей оно можетъ еще извлечь изъ него, но оно не можетъ указать причинъ (motiviren) своеобразнаго характера (Gestalt), съ которыми выступаютъ эти мысли. Всегда у меня остается туманъ на текстѣ, даже послѣ закончен-

наго толкованія. Этотъ туманъ оставляетъ на словѣ Писанія какой-то нераціональный остатокъ, который, если-бы дѣло могло совершиться правильно, поставилъ-бы въ очень неблагопріятное положеніе и писателя библейской книги и его толковника. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы Господь и Его апостолы хотѣли сказать *только* то, и *именно* то, что говорятъ отъ лица ихъ толкователь, то они говорили очень неопредѣленно (*ungelesen*) и очень неточно (*unbequem*) или, говоря правильно, выражались очень удивительно и тѣмъ, которые слушали ихъ и которые ихъ теперь читаютъ, въ высшей степени и безъ всякой нужды затруднили пониманіе ихъ. Необозримая библіотека нашей экзегетической литературы во всякомъ случаѣ была-бы серьезнымъ протестомъ противъ того, что они выражались такъ недостаточно ясно и понятно, такъ мало опредѣленно и такимъ неправильнымъ языкомъ и при томъ о столь несравненно важныхъ предметахъ и для столь несравненно важныхъ цѣлей. Но кто не чувствуетъ, что этотъ протестъ не касается ихъ? Истинный читатель Библии воспринимаетъ совершенно недвусмысленное впечатлѣніе и увѣренность, что библейская рѣчь правильна лишь именно въ томъ видѣ, въ какомъ является, что въ ней нѣтъ неизбѣжныхъ значеній выраженій (*bedeutungslosen Schnörkel*), которыя наша экзегетика при своемъ изложеніи мыслей Св. Писанія, всегда предварительно *обру-зываетъ*, какъ дикія вѣтви, не имѣя возможности иначе проникнуть въ содержаніе текста, что изстари усвоенная экзегетами привычка, — поелику Св. Писаніе такъ древне и такъ затруднительно — сметать съ него древнюю пыль, приступая къ толкованіямъ, приводитъ лишь къ тому, что этимъ они предварительно лишаютъ его неподражаемой игры цвѣтовъ (*Schmelz*), по которой оно въ теченіи тысячелѣтій сіяетъ неувыдаемымъ весеннимъ блескомъ вѣчной юности. Пусть мастера толковать Библию смѣются надъ этимъ, сколько имъ угодно, но при этомъ всегда будетъ вѣрно то, что между строками библейскихъ текстовъ написано нѣчто такое, чего они, при всемъ своемъ искусствѣ, не въ состояніи прочитать, но что именно прежде всего они должны были-бы

умѣть прочесть, чтобы совершенно понять *особенности изложения*, въ которыхъ общепризнанныя мысли Богомъ открытой истины встрѣчаются *именно только въ Св. Писаніи*, какъ характеристическое отличіе отъ всякихъ иныхъ представленій ея. Наши толковники показываютъ намъ только на переднемъ планѣ фигуры картинъ Св. Писанія, но упускаютъ изъ виду задній планъ ихъ, съ ихъ отдаленными чудно очерченными хребтами горъ, съ ихъ блестящими синими облачными небесами. Но именно отъ последнихъ падаетъ на переднія фигуры своего рода единственный магическій свѣтъ, при которомъ они получаютъ особенное освѣщеніе, остающееся для насъ своеобразнымъ и загадочнымъ въ нихъ. Намъ недостаетъ пониманія особенностей основныхъ мыслей и основнаго міросозерцанія, мы не понимаемъ образа и способа рѣченій Св. Писанія, лишь предполагаемыхъ нами въ ихъ основѣ, безъ возможности выразить это ясно; а вмѣстѣ съ этимъ намъ недостаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ органической, объединяющей отдѣльныя мысли Св. Писанія связи, недостаетъ ихъ души, внутренней зависимости отдѣльныхъ элементовъ библейскаго круга мыслей. Нѣтъ ничего удивительнаго потому, что въ нашей Библии мы встрѣчаемъ очень много предметов (Dingen), навсегда остающіеся для насъ *crucis interpretum* (необъяснимыя для толковниковъ мѣста), не можемъ *точно* понять ихъ, не можемъ совершенно уразумѣть всѣхъ подробностей текстовъ во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы на столь многія мѣста имѣемъ цѣлую массу толкованій, съ незапамятныхъ временъ находящихъ въ борьбѣ между собою и не могущихъ привести насъ къ окончанію спора. Нѣтъ ничего удивительнаго, потому что можетъ быть они всѣ ложны, всѣ неточны, всѣ касаются смысла Св. Писанія только стороною, по верхушкамъ и по краямъ (in Bauch und Bogen). Мы приступаемъ къ библейскому тексту съ буквараемъ *нашихъ* основныхъ понятій о Богѣ и мірѣ и добродушно предполагаемъ, какъ это само собою разумѣется, что и библейскій писатель, остающійся на заднемъ планѣ и оттуда все освѣщающій, имѣлъ тѣ-же, т. е. наши понятія обо всемъ.

о чемъ только думалъ или писалъ. Но это чистѣйшій обманъ, отъ котораго онытъ уже давно долженъ былъ-бы насъ освободить. Намъ ключъ ровно ничего не отпираетъ, настоящей ключъ затерявъ, и пока мы не найдемъ его, наше толкованіе Библии не дастъ намъ зеленыхъ вѣтвей. Система библейскихъ основныхъ понятій никогда не принадлежала нашимъ школамъ; и пока мы будемъ толковать Библию безъ этихъ понятій, она останется для насъ полузакрытою книгою. Мы должны приступить къ ней съ иными основными понятіями, а не доставшимися намъ по наслѣдству и признаваемыми единственно возможными, и каковы-бы ни были эти понятія, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они должны быть реальнѣе, массивнѣе, судя по цѣльнымъ мелодическимъ звукамъ Св. Писанія въ ихъ естественной полнотѣ“ *).

Встрѣчаясь съ этими сужденіями Роте о протестантскихъ эзегетахъ, надобно соглашаться съ нимъ осторожно; надобно помнить, что сужденія его имѣютъ своеобразный смыслъ. Роте теософъ, т. е. онъ отрицаетъ за библейскими толковниками возможность понять Св. Писаніе объективно, на основаніи одной только Библии; другими словами, онъ уже не думаетъ, какъ думали прежніе протестанты, что непосредственно изъ одного лишь Св. Писанія можно извлечь нормальное пониманіе откровенной истины. Какъ теософъ, онъ полагаетъ, что нормальное пониманіе Библии возможно только при свѣтѣ теософическихъ понятій. Только эти теософическія начала могутъ спасти толковниковъ отъ субъективизма и дадутъ имъ объективное пониманіе истины, только они отервутъ имъ возможность прочесть между строками библейскихъ текстовъ то, что теперь просматривается толковниками, особенно, когда приступаютъ къ своимъ толкованіямъ съ старыми школьными понятіями различныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, доставшимися имъ по наслѣдству отъ ихъ предковъ. Требуемая Роте массивныя, реальныя понятія уже не извлекаются исключительно изъ Св. Писанія, хотя конечно содержатся и въ немъ,

*) Rote in s. Vorwort zum Theosophie Octingens. S. 12—XIII. Auberlen, ibid. S. 362—365.

„судя по цѣльнымъ мелодическимъ звукамъ Св. Писанія въ ихъ естественной полнотѣ“; они могутъ быть пріобрѣтаемы и инымъ путемъ. Теософы думаютъ, что каждый истинный христіанинъ находится подъ непосредственнымъ освѣщеніемъ Слова Божія (Логоса, т. е. личнаго божественнаго слова), проявляющагося въ видимой природѣ, сознаниіи, Церкви и Св. Писаніи, каждый имѣетъ свободный доступъ къ престолу благодати, каждый есть священникъ Бога вышняго, каждый слышитъ, или, по-крайней-мѣрѣ, можетъ слышать вѣщанія Духа Святаго въ самомъ себѣ. Поэтому Слово Божіе (Λόγος), открывающееся въ сознаниіи, и Слово Божіе, отбывающееся въ Св. Писаніи—вотъ истинное божественное откровеніе, вотъ основное теософическое начало, могущее дать намъ объективную истину, нормальное пониманіе богооткровенной истины, между ними существуетъ совершенное тождество, совершенное согласіе; только совместно они взаимно уясняютъ себя, пополняютъ, предохраняютъ насъ отъ субъективизма и вводятъ насъ въ объективное пониманіе истины. Что-же послѣ этого Св. Писаніе, въ отдѣльности, разсматриваемое независимо отъ всеобщихъ откровеній Логоса? Оно есть только человѣческая сторона или человѣческій покровъ откровеній Слова Божія; оно есть историческій фактъ этихъ откровеній, имѣющій важное значеніе по своему послѣдовательному и постепенному изображенію силы Логоса, проявляющихся въ природѣ, исторіи, Церкви и единичномъ сознаниіи каждаго вѣрующаго. Такъ смотрятъ на Слово Божіе извѣстнѣйшіе современные протестантскіе богословы, какъ-то: Ланге, Либнеръ, Роте, Мартензенъ, Дорнеръ, Ауберленъ и вообще всѣ новѣйшіе теософы, различаясь между собою только большимъ или меньшимъ внесеніемъ въ свои богословскія системы мистицизма, теософіи и даже пантеизма. Мы сейчасъ приступимъ къ болѣе подробному изложенію этихъ основныхъ теософическихъ началъ, увидимъ, какимъ образомъ изъ этихъ чисто субъективныхъ началъ теософы стараются построить мостъ для перехода къ объективной истинѣ, къ научному, т. е. общеобязательному и общедостовѣрному обоснованію, развитію и изложенію ея. Мы

подвергнемъ теософическія начала безпристрастной оцѣнкѣ. Но прежде должны замѣтить, что сужденія Роте объ экзегетическихъ трудахъ современныхъ протестантовъ, хотя и носятъ на себѣ отпечатки теософической точки зрѣнія, въ общемъ должны быть признаны совершенно вѣрными. Протестантскіе экзегеты, при всемъ своемъ желаніи твердо стоять на чисто библейской почвѣ, не выдерживаютъ своего характера, и ихъ труды носятъ на себѣ отпечатки различныхъ богословскихъ школъ, различныхъ протестантскихъ вѣроученій и даже различныхъ личныхъ воззрѣній. Можно удивляться глубокой богословской учености этихъ толковниковъ, можно воздавать справедливую хвалу ихъ любознательности и ихъ любви къ откровенной истинѣ, но это не спасетъ ихъ отъ всѣхъ крайностей субъективизма, у нихъ нѣтъ достовѣрнаго, общепринятаго и общепризнаннаго пониманія Св. Писанія. Говоря словами Роте, настоящей ключъ къ подлинному смыслу библейскаго текста для протестантовъ потеряны. Это ясно сознаютъ современные намъ протестантскіе теософы. Но переходимъ къ теософическимъ попыткамъ спастись отъ субъективизма и найти мостъ для перехода къ объективной откровенной истинѣ.

Шеллингъ сказалъ, что основы христіанства существуютъ отъ вѣчности, прежде созданія міра, что Христовъ, вѣчная премудрость Божія, Божественный Логосъ, открываетъ Себя въ созданіи міра и въ возсозданіи его актомъ любви, и въ этомъ смыслѣ Онъ есть космическая и духовная сила, есть высочайшая истина, открывающаяся человѣку въ природѣ, исторіи и религіи. Таково основное положеніе второй философіи Шеллинга. Съ христіанской точки зрѣнія оно можетъ быть признано безусловно вѣрнымъ, если только освободить его отъ всякой пантеистической примѣси. Но вопросъ именно состоитъ въ томъ, какимъ образомъ это христіанское положеніе, совершенно истинное и непререкаемое для вѣры, для христіанскаго религіознаго сознанія, превратить въ общенаучное, общеобязательное, сообщить ему научный характеръ всеобщности и необходимости; какимъ образомъ дать ему

твердыя, неизблемыя основы, для всѣхъ ясныя, убѣдительныя и очевидныя. Рѣшеніемъ этой задачи и занята современная намъ протестантская теософія. Она ищетъ выхода изъ субъективной области пониманія христіанскаго откровенія въ широкую, ясную и убѣдительную для всѣхъ область объективнаго пониманія его. Какимъ-же методомъ, какимъ путемъ теософы идутъ отъ субъективизма къ объективному пониманію христіанства? Путемъ вѣры. *Аще не уверуете, не имате разумѣти*, — говоритъ намъ слово Божіе; и вотъ именно эту вѣру, понимая ее, однако-же, своеобразно, они полагаютъ въ основу своихъ философско-богословскихъ, или лучше—теософическихъ системъ; именно изъ ней хотятъ создать твердую, неизблемую христіанскую науку. Какимъ-же образомъ?

Мы уже видѣли, какъ многіе протестанты-юніонисты пришли къ тому убѣжденію, что христіане спасаются *силою* вѣры, а не *содержаніемъ* вѣры (*fides qua creditur*, а не *fides quae creditur*). Эта-то сила вѣры и служитъ базисомъ всѣхъ теософическихъ построеній. Она прежде всего отличается отъ церковной вѣры (*fides ecclesiastica*), т. е. она не состоитъ въ признаніи того или другаго церковнаго ученія, потому что подобное признаніе основывается на виѣшнемъ (разумѣется преимущественно папскомъ) авторитетѣ и можетъ обязывать насъ признавать за истину то, что противорѣчитъ христіанскому откровенію. Она отличается затѣмъ отъ вѣры евангелической (*fides evangelica*), основанной исключительно на авторитетѣ Св. Писанія, какъ того требовали прежніе реформаторы, потому что и эта вѣра, какъ показываетъ опытъ, не спасаетъ протестантовъ отъ разногласія, ошибокъ и заблужденій; и при ней содержаніе вѣры той или другой протестантской конфессіи является для сознанія чѣмъ-то виѣшнимъ, обязательнымъ и принудительнымъ. И та и другая вѣра въ сущности есть лишь историческая вѣра (*fides historica*), подвержена сомнѣнію, спорамъ и пререканіямъ, а потому не даетъ силы убѣжденія и не можетъ служить неизблемою основою для построенія научнаго міросозерцанія. Но есть божественная вѣра (*fides*

divina), вытекающая изъ нравственной потребности человека находится въ живомъ общеніи съ живымъ Богомъ. Эта вѣра есть могущественная, всеизидительная, творческая вѣра. Историческая вѣра можетъ обладать вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, достойнымъ всякаго усвоенія; но божественная вѣра не можетъ довольствоваться этимъ содержаніемъ, не можетъ успокоиваться прошедшими дѣяніями Божества или отвлеченнымъ знаніемъ вѣро-неповѣдныхъ положеній (догматовъ) о божественномъ домо-строительствѣ; она стремится къ непосредственному живому богообщенію, она ищетъ дѣйствій или воздѣйствій Божества настоящихъ, ощутительныхъ, непосредственныхъ, съ которыми могла-бы объединиться, слиться воедино, какое только возможно сліяніе или объединеніе субъекта и объекта въ нашемъ сознаниіи. Она ищетъ мира, единенія съ Божествомъ, съ Божественнымъ Логосомъ (частію на основаніи свидѣтельствъ Церкви и Св. Писанія) и находитъ все это дѣйствіемъ предваряющей благодати Божіей. Ей нѣтъ дѣла до вѣроисповѣдныхъ разностей, споровъ, пререканій,—все это составляетъ лишь периферію въ христіанствѣ, а она стремится къ центральному, къ примиренію съ Богомъ и богообщенію чрезъ Іисуса Христа. Душа, пріобрѣтшая эту вѣру, вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтаетъ и новое богатое содержаніе. Сущность этого новаго содержанія состоитъ въ новомъ богосознаніи и самосознаніи, а также въ новомъ міросозерцаніи, хотя послѣднее бываетъ только въ зародышѣ и въ начаткахъ. Содержаніемъ этимъ служатъ прежде всего познаніе Бога, открывшагося въ Іисусѣ Христѣ, какъ *χάρις καὶ ἀλήθεια* (благодать и истина); но это познаніе не есть только абстрактное, чисто объективное, или историческое, основывающееся на совершившемся уже давно и законченномъ откровеніи Логоса, но оно есть непосредственное, живое, потому что самъ Богъ ощущается въ насъ мыслящимъ, волящимъ, любящимъ и знающимъ. Состояніе души при этомъ аналогично съ голосомъ совѣсти, который мы признаемъ своимъ и въ то-же время слышимъ въ немъ авторитетъ высочайшій, божественный, властвующій надъ нами; только

этотъ голосъ, какъ уже замѣтилъ Лютеръ, въ божественной вѣрѣ отличается большою силою, ясностію, *потенціею*. Содержаніемъ этимъ служитъ, наконецъ, и новое познаніе всего внѣшняго, новое міросозерцаніе, потому что въ Иисусѣ Христѣ, принятомъ божественною вѣрою, сокрыты все сокровища премудрости и разума (Кол. 11, 3). Конечно, важнѣйшее и существеннѣйшее въ этой вѣрѣ есть новое познаніе, или лучше—сознаніе и ощущеніе Божества; но а *Jove principium* (начало всего отъ Бога происходитъ), отсюда-же посредственно или непосредственно извлекаются и все доступныя намъ истинны естественныя, потому что Божественный Логосъ, открывающійся теперь въ сознаниі, служитъ живою, неразрывною связью между первымъ и вторымъ твореніемъ, началомъ, направляющимъ первое твореніе къ новому или второму творенію и достигающимъ полнаго самооткровенія въ нашемъ сознаниі лишь послѣ предварительныхъ космическихъ и историческихъ откровеній. Такимъ-то образомъ христіанство пріобрѣтаетъ истинный *гносисъ*, истинное видѣніе, о которыхъ особенно часто говорятъ св. ап. Павелъ и Іоаннъ (напр. 1 Кор. 1, 4—6; 2 Кор. 11, 14 и пр.; 1 Іоан. 11, 3. 13 и пр.). Правда, этотъ гносисъ усваивается всеміи истиннымъ христіанамъ, но о немъ-же Апостолы говорятъ, какъ объ особенномъ благодатномъ дарѣ. (1 Кор. 12, 18; XIV, 6). Этотъ гносисъ отличается отъ *σοφία*, т. е. практической мудрости, отъ *διδασχῆ*, т. е. дара учительства, отъ *προφητεία*, т. е. вдохновенной рѣчи, неудержимо льющейся изъ глубокаго сознанія спасенія; этотъ гносисъ состоитъ въ пониманіи истины въ глубочайшей связи, полнотѣ и общирности *).

Таково основное начало современныхъ намъ протестантскихъ теософовъ. Читатель видитъ, что это начало чисто субъективнаго характера; его нельзя провѣрить никакими научными приѣмами, нельзя подтвердить никакими научными доказательствами. Допустимъ, что протестантскіе теософы совершенно искренны, что они

*) *Christliche Glaubenslehre* von Dr. J. A. Dörner. Berlin. 1881. В. II. S. 127—155.

дѣйствительно наслаждаются новымъ богопознаніемъ и новымъ самосознаніемъ, что Божественный Логосъ, освѣщающій ихъ души, сообщаетъ ученію ихъ высшій авторитетъ. Гдѣ-же существуетъ ручательство того, что ихъ субъективное сознание богообщенія, общенія съ космическимъ, историческимъ и этическимъ Логосомъ, есть фактъ достовѣрный, неизблennyй, несомнѣнный? Кто поручится намъ, что почтенные теософы, выдающіе себя за какихъ-то боговдохновенныхъ людей, не ошибаются столько-же, какъ и простые смертные? Главное-же, отъ ихъ субъективнаго богообщенія, отъ ихъ субъективныхъ откровеній всемірнаго Логоса нѣтъ перехода, какъ это мы сейчасъ увидимъ, въ объективную христіанскую науку, въ объективному христіанскому міросозерцанію. Субъективныя ощущенія не могутъ дать объективныхъ научныхъ началъ.

Первый путь для перехода отъ субъективныхъ ощущеній къ объективному пониманію христіанскихъ истинъ, къ объективному христіанскому міросозерцанію, указанъ Шлейермахеромъ. Онъ кладетъ въ основу своего ученія религіозное чувство, какъ фактъ несомнѣнный, опытный, достовѣрный. „Благочестіе, говоритъ онъ, есть такое состояніе нашего чувства или непосредственнаго самосознанія, въ которомъ мы ощущаемъ себя безусловно зависимыми, или иначе—сознаемъ свое отношеніе къ Богу“. Но не самое чувство абсолютной зависимости есть религіозное чувство (поправка, сдѣланная Шлейермахеромъ въ слѣдствіе возраженій Гегеля), а сообщеніе съ Богомъ, какъ завершительный моментъ этого чувства, есть существенная функція благочестія *). Это-то внутреннее благочестіе, какъ завершительный моментъ религіознаго чувства, или лучше—это-то сообщеніе съ Богомъ и служитъ для богослововъ Шлейермахеровской школы основнымъ началомъ богопознанія и всего ихъ научно-христіанскаго міросозерцанія. Сознаніе своего богообщенія служитъ для нихъ предметомъ рефлексіи или описанія. Они собираютъ выраженія этого сознанія, подвергаютъ эти выраженія научной переработкѣ, слѣчаютъ, объ-

*) Гренковъ. „Главныя направленія нѣмецкаго богословія XIX вѣка“. Казань, 1882 года. Вып. I, стр. 55.

едниаютъ и приводятъ въ стройный видъ. Ихъ методъ богословствованія индуктивный; они идутъ отъ фактовъ самосознанія къ догматическимъ положеніямъ, отъ внутреннихъ опытовъ къ догматамъ. Для Шлейермахера, напр., фактъ христіанскаго благочестія служитъ основою догматическаго ученія о Богѣ вообще, а фактъ христіанскаго освященія служитъ основою ученія о божественной личности Спасителя. И хотя Шлейермахеръ утверждалъ, что христіанское религіозное сознаніе гораздо шире и содержательнѣе всѣхъ возможныхъ христіанскихъ догматикъ, но на опытѣ оказалось совершенно наоборотъ: изъ своего самосознанія онъ не нашелъ выхода къ признанію многихъ основныхъ христіанскихъ догматовъ. Да и тѣ догматы, которые онъ будто-бы выводилъ на основаніи фактовъ самосознанія, въ сущности добываются эклектическимъ, а не индуктивнымъ путемъ, нпмъ утѣшается наше чувство, но не ведетъ къ нимъ непременно. Поэтому Дорнеръ упрекаетъ богослововъ Шлейермахеровской школы въ субъективизмъ, въ разрывѣ единства между чувствомъ благочестія и знаніемъ, въ неуваженіи къ объективной, христіанской истинѣ и даже въ отрицательномъ отношеніи къ христіанской наукѣ *).

Другой путь для перехода отъ субъективныхъ ощущеній къ объективной христіанской наукѣ, къ христіанской догматикѣ указанъ I. Мюллеромъ и принятъ затѣмъ Гоффманомъ, Томазіемъ, Иннемъ, Ланге, Франкомъ. Богословы эти тоже кладутъ въ основу догматическихъ построеній субъективное ощущеніе, но только не обще-религіозное, не чувство благочестія вообще, а специально христіанское чувство, чувство спасенія въ частности. Это христіанское ощущеніе служитъ для нихъ фактомъ, отъ котораго они регрессивнымъ путемъ отъ дѣйствія къ причинѣ, *via causalitatis*, приходятъ къ обоснованію христіанскихъ догматовъ. Безъ сомнѣнія, чувство спасенія отличается христіанскимъ характеромъ болѣе, чѣмъ общечеловѣческое чувство благочестія и, повидимому, скорѣе должно приводить къ христіанскимъ догматамъ, чѣмъ это послѣднее чувство. Но за то оно, безъ догматическихъ положеній,

*) Dorner's System der Christlichen Glaubenslehre и ир. S. 160.

предварительно принятыхъ и усвоенныхъ нами, отличается еще большею неопредѣленностію, малосодержательностію и темнотою, чѣмъ чувство благочестія вообще. Даже протестантскіе богословы говорятъ: справедливо-ли, чтобы мы отъ *нашего* чувства спасенія и освященія путемъ спллогистическимъ приходили къ познанію Бога и Сына Божія? Да и возможно-ли чувство спасенія безъ познанія Бога и Іисуса Христа? Напротивъ, сущность религіознаго процесса, понимаемаго правильно, именно состоитъ въ познаніи Бога, Его свойствъ и Его отношеній къ человѣку; религіознымъ процессомъ открываются духовныя очи человѣка для созерцанія Божества (Еф. 1, 18) и Богъ открывается этимъ очамъ, а не при посредствѣ спллогистическихъ выводовъ, *via causalitatis*, мы приходимъ ко всему этому. Безъ догматическихъ истинъ о Богѣ, безъ признанія объективнаго предмета богопочтенія невозможно преданность духа этому высочайшему предмету, невозможно чувство спасенія, невозможно даже никакое движеніе религіозныхъ чувствъ *). Вѣрою мы принимаемъ и усваиваемъ догматическія истины, но не вѣра открываетъ ихъ, не она служитъ основою, фундаментомъ и провозвѣстницею ихъ.

Наконецъ, столько-же оказывается несостоятельнымъ и третій путь для перехода отъ субъективныхъ чувствъ къ объективной религіозной истинѣ, къ научному христіанскому міросозерцанію. Этимъ путемъ идутъ лучшіе современные намъ протестантскіе теософы, какъ-то: Либнеръ, Роте, Дорнеръ и Мартензенъ; они состоятъ въ усвоеніи себѣ живой и сплной вѣры. Справедливо говорятъ они, что вѣра (*fides historica*) на первыхъ порахъ своего пробужденія въ нашемъ сознаніи, вѣра историческая, не можетъ быть названа репродуктивною, не можетъ создать моста для перехода къ объективной истинѣ. Но не такою является вѣра живая и сильная. На высшей степенн своего развитія она скорѣе есть спда Божія, сына Христова, открывающаяся въ нашемъ духѣ, чѣмъ то или другое состояніе нашего самосознанія, скорѣе есть обнаруженіе Божества, чѣмъ наши субъективныя чувства благочестія,

*) Dörner's S., *ibid.* S. 161—2

спасенія, христіанскаго просвѣщенія и пр. При этой вѣрѣ не наши личныя, субъективныя ощущенія являются основою достовѣрности нашихъ научныхъ христіанскихъ истинъ; но сама вѣра служитъ средою, чрезъ которую самъ Богъ проявляетъ высочайшія свойства и свои божественныя дѣйствія. Она въ себѣ самой несетъ вѣдѣніе, ощущеніе и откровеніе Божества. Она есть свѣтъ, все освѣщающій и все уясняющій. И какъ при естественномъ свѣтѣ мы видимъ все предметы ясно не путемъ логическихъ выводовъ и заключеній, а непосредственно; мы видимъ свѣтъ не при посредствѣ логики, а въ непосредственномъ своемъ чувствѣ: такъ точно и вѣра освѣщаетъ насъ христіанскою истиною непосредственно; при ней наше субъективное ощущеніе и наше объективное просвѣщеніе, субъектъ и объектъ, сливается въ единствѣ новаго христіанскаго боговѣдѣнія и самосознанія. Но какъ скоро мы признаемъ, что въ вѣрѣ дается намъ не только новое само-ощущеніе и самосознаніе, но и новое бого-сознаніе и бого-вѣдѣніе, тогда, повидимому, нѣтъ уже причинъ бояться субъективизма; тогда уже возможна объективная христіанская наука, объективное христіанское міросозерцаніе. Такъ думаютъ современные намъ протестантскіе теософы *). Очевидно, что современный протестантскій теософъ не есть только человекъ благочестивый въ христіанскомъ смыслѣ, но въ то же время онъ есть и глашатай, провозвѣстникъ христіанскаго откровенія; онъ въ душѣ своей несетъ откровеніе Логоса, обладаетъ особеннымъ христіанскимъ гносеомъ и силою этого гносеа создаетъ свое новое научное христіанское міросозерцаніе. Остановимся своимъ вниманіемъ на этомъ теософическомъ ученіи, прежде чѣмъ выяснитъ взглядъ теософовъ на положительное откровеніе, къ которому прежніе протестанты относились съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, т. е. прежде чѣмъ укажемъ, какое значеніе имѣетъ Слово Божіе, писанное, при этихъ откровеніяхъ или просвѣщеніяхъ внутренняго Логоса?

Протестанты говорятъ о вѣрѣ живой и сильной, какъ основѣ научнаго міросозерцанія, и о непосредственномъ просвѣщеніи Ло-

*.) *Dorner's Ibid* S. 155—163.

госа, открывающагося въ пхъ сознаниіи, какъ субъективной осно-
 вѣ всѣхъ наукъ. Нельзя, конечно, отвергать того, что въ каждой
 наукѣ можно открывать значительную долю субъективизма; что
 глубочайшія основанія каждой науки принимаются нами на вѣ-
 ру, а не выводятся индуктивнымъ или каемъ-либо инымъ пу-
 темъ. Прекрасно рассуждаетъ объ этомъ Мартензенъ, когда гово-
 ритъ: „надобно замѣтить, что такъ называемыя „точные опыт-
 ные науки“ полны гипотезъ, превращенныхъ въ члены вѣры.
 Укажемъ для примѣра на *атомы*, говоря о которыхъ, ученые
 выражаютъ увѣренность или убѣжденіе въ бытіи такихъ пред-
 метовъ, которыхъ не видятъ (предметовъ невидимыхъ),—потому
 что, кто видѣлъ атомъ и въ особенности, кто видѣлъ вѣчный
 атомъ? Тоже надобно сказать и о вѣрѣ въ *матерію*. Хотя мы ви-
 димъ предметы, принимаемые нами за матеріальные, тѣмъ не-
 менѣе *вѣчной* матеріи и ея *безконечной* дѣлности никто нико-
 гда не видѣлъ. Тоже самое надобно сказать о вѣрѣ въ безначаль-
 ное и безконечное время, въ безначальный и безконечный рядъ
 причинъ или о вѣрѣ въ миллионы годовъ, которые необходимы
 были для образованія земли въ настоящемъ ея видѣ и пр. Подоб-
 ныя представленія, превышающія опытъ и недоступныя для точ-
 ной провѣрки, достаточно показываютъ, что пресловутое въ на-
 укахъ *точное* должно быть понимаемо въ относительномъ смѣслѣ
 и что опытная наука, враждующая въ наши дни съ вѣрою и хри-
 стіанскимъ міросозерцаніемъ, сама всецѣло проникнута своеобраз-
 ною вѣрою и своеобразною метафизикою. Вопросъ состоитъ толь-
 ко въ томъ, удовлетворительна-ли ея метафизика, достаточна-ли
 она для объясненія того, что должно быть объяснено“. Отсюда-то,
 безъ сомнѣнія, и возникаетъ потребность въ христіанской ме-
 тафизикѣ, болѣе точной и болѣе удовлетворительной. Отсюда-же
 христіанскія идеи, столь удовлетворительныя и даже дорогія для
 духа въ религіозной жизни, могутъ предъявлять и дѣйстви-
 тельно предъявляютъ притязанія замѣнить собою неудовлетвори-
 тельную научную философскую метафизику. Отсюда, словомъ, христі-
 анскій богословъ можетъ предлагать свою догматику съ нѣкото-

рымъ, или даже полнымъ правомъ какъ неизблемую и достовѣрную метафизическую основу для различныхъ научныхъ построеній, потому что въ основѣ всякой науки лежитъ вѣра и со всякою вѣрою неизрѣнно находится въ связи наука. Кто не хочетъ вѣрить въ Бога, Откровеніе и Церковь, тотъ долженъ вѣрить въ міръ, разумъ, природу и изъ этой уже вѣры развивать свое научное міросозерцаніе, тогда какъ вѣрующій христіанинъ развиваетъ свое міросозерцаніе изъ основъ христіанской вѣры. Все это, на нашъ взглядъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но этотъ научный субъективизмъ, который основанъ на такой, или иной вѣрѣ и который желательно было-бы замѣнить христіанскимъ, не долженъ быть превращаемъ въ субъективизмъ теософическій, т. е. въ субъективизмъ, принадлежащій людямъ особеннымъ, исключительнымъ; иначе наука потеряетъ свой всеобщій (универсальный) характеръ и станетъ достояніемъ лишь немногихъ избраниковъ. Главное-же, науки должны стремиться превратить всѣ субъективныя основы свои въ объективныя, общедоступныя и общенормативныя и даже общеобязательныя, разумѣется, въ силу общедоступнаго всѣмъ убѣжденія. Когда, напр., Маргензенъ вмѣстѣ съ теософами говоритъ, что послѣдняя основа достовѣрности всѣхъ научныхъ истинъ лежитъ лишь въ субъективной очевидности и, совершенно въ духѣ протестантизма, требуетъ, чтобы научная истина подтверждалась, выявлялась и доказывалась своимъ собственнымъ свѣтомъ и своею собственною силою *): то онъ подрываетъ или подкапываетъ неизблемое значеніе объективной, научной истины и отдаетъ предпочтеніе теософическому субъективизму предъ объективнымъ характеромъ научныхъ истинъ. У теософа нѣтъ и не можетъ быть другаго критерія достовѣрности и несомнѣнности этихъ истинъ, кромѣ собственной вѣры, кромѣ собственного субъективнаго убѣжденія. Но достаточно-ли всего этого для убѣжденія другихъ? Достаточно-ли этого для сообщенія своимъ субъективнымъ предположеніямъ, или даже несомнѣннымъ положеніямъ характера объективности? Словомъ, достаточно-ли

*) Die christliche Ethik. Gotha. 1872. Die sociale Ethik. S. 334.

личной теософической вѣры, какъ-бы ни была сильна и жива эта вѣра, чтобы возбудить подобную-же вѣру въ обществѣ людей, привыкшихъ къ иному міросозерцанію? Теософы говорятъ, что христіанская истина свѣтла своимъ собственнымъ свѣтомъ, что она доказательна своею собственною силою. Прекрасно. Но этотъ свѣтъ и эта сила присущи сколько самой природѣ ея, столько же и божественному авторитету, съ которымъ они являются въ нашемъ сознаніи. Отнимите у религіозныхъ истинъ этотъ авторитетъ, превратите ихъ въ обыкновенныя человѣческія мнѣнія и предположенія, и ихъ свѣтъ потускнѣетъ для нашего сознанія, и ихъ сила равна будетъ силѣ всякихъ научныхъ и ненаучныхъ гипотезъ, создаваемыхъ нами естественнымъ путемъ. Конечно, теософы тоже говорятъ во имя высшаго авторитета, во имя субъективныхъ откровеній Логоса въ ихъ сознаніи; они выдаютъ себя за какихъ-то вдохновенныхъ глашатаевъ и провозвѣстниковъ вѣщаній этого Логоса. Но достаточно-ли этого субъективнаго убѣжденія для сообщенія объективнаго характера научному христіанскому міросозерцанію? Мы не хотимъ заподозривать ни неискренности, ни справедливости убѣреній теософовъ въ томъ, что они говорятъ и учатъ во имя откровеній своего (внутренняго) Логоса; тѣмъ не менѣе мы сильно сомнѣваемся, чтобы современное образованное и даже необразованное общество могло повѣрить имъ на слово въ этомъ отношеніи и поставить ихъ субъективный авторитетъ внѣ всякихъ сомнѣній и пререканій. Съ этой точки зрѣнія всѣ ихъ научныя системы, на самый лучшій конецъ, могутъ представляться не болѣе какъ вдохновенными поэмами, поэтическими произведеніями, которыхъ истинность, научность и достовѣрность очень сомнительны и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не доказаны, но крайней мѣрѣ для людей невѣрующихъ и сомнѣвающихся въ христіанскомъ откровеніи. Иное дѣло, когда христіанскія истины полагаются въ основу научнаго міросозерцанія не во имя субъективныхъ теософическихъ вѣщаній Логоса, а во имя вселенскаго свидѣтельства вселенской Церкви; тогда эти истины получаютъ достовѣрность незыблемую, несомнѣнную, неопро-

вержимую. Ихъ выснй божественный авторитетъ подтверждается какъ ихъ собственнымъ свѣтомъ и собственной силою, такъ и непрерывнымъ, всеобщимъ и неизмѣннымъ свидѣтельствомъ, во всякомъ случаѣ долженствующимъ имѣть такое-же объективное научное значеніе, какъ и всякое историческое достовѣрное свидѣтельство. Къ сожалѣнію, протестантскій теософъ отвергаетъ вселенскую Церковь, а потому отвергаетъ и ея вселенское свидѣтельство и думаетъ основать свое научное міросозерцаніе на однихъ лишь субъективныхъ началахъ, на сомнительныхъ внушеніяхъ, или вѣщаніяхъ своего внутренняго Логоса.

Теософы говорятъ о вѣрѣ не только будто-бы субъективной, но и объективной, при которой т. е. вѣрующей субъектъ и предметъ или объектъ вѣры сливаются въ единствѣ сознанія, въ которой, слѣдовательно, человекъ въ непосредственномъ чувствѣ находитъ уже извѣстное содержаніе истины,—и притомъ содержаніе объективное, властвующее, необоримое. Но это объективное содержаніе истины, независящее отъ нашего самосознанія и отличающееся нами въ непосредственномъ чувствѣ отъ нашихъ субъективныхъ ощущеній, дѣйствительно-ли отличается характеромъ всеобщности и необходимости и, слѣдовательно, дѣйствительно ли объективно? То, что мы лично, субъективно вынуждаемся признавать это содержаніе всеобщимъ и необходимымъ, можетъ-ли наложить на него печать истинности, печать высшаго авторитета и высшей достовѣрности для всѣхъ? Несколько. Не всякая вѣра непременно вводитъ насъ въ общеніе съ Божествомъ и сообщаетъ намъ высшее наставленіе, вразумленіе и просвѣщеніе. Во время земной Своей жизни, въ первую пасху, Спаситель былъ въ Иерусалимѣ и мнози *вървоваша во имя Его*; но при этомъ Евангелистъ замѣчаетъ: *Самъ же Иисусъ не одалше Себе въ вѣру ихъ* (Іоан. 11, 23, 24), т. е. не ввѣрялъ Себя имъ. Безъ сомнѣнія, субъективная вѣра этихъ людей не дала имъ объективныхъ основъ своей достовѣрности и потому какъ бесплдная, не исполнѣнная, не ввела ихъ въ живое общеніе съ Божественнымъ Учителемъ. Отсюда мы должны заключить, что не всякая вѣра должна быть

признана свѣтомъ просвѣщающимъ, согрѣвающимъ и оживотворяющимъ наше сознание. Теософы говорятъ о вѣрѣ живой и сильной, не имѣющей нужды ни въ какомъ рѣшительствѣ доводовъ и удостовѣреній, или, выражаясь словами Московскаго святителя Филарета, „говорятъ о томъ рѣшительномъ направленіи души къ Божественному, въ которомъ она какъ-бы естественно встрѣчается съ благодатію Божіею“. Допустимъ это. Но и эта вѣра, безъ удостовѣренія Церкви и безъ освящающаго дѣйствія святой Церкви, всецѣло можетъ быть проникнута характеромъ субъективизма, неполноты и несовершенства. Прекрасно разсуждаетъ объ этой вѣрѣ, называя ее сердечною вѣрою, святитель Московскій Филаретъ, когда говоритъ: „но что и сего рода вѣра, даже чудодѣйственная, можетъ иногда быть неполною, неоправдательною и неспасительною, въ томъ не позволяетъ сомнѣваться грозное, но истиннѣ, изреченіе Христова: *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день: Господи, Господи, не въ Твое-ли имя пророцествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы мнози сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ, яко николи-же знахъ васъ; отидите отъ Мене дѣлающе беззаконіе*. (Мѡ. VII, 22, 23). Московскій святитель требуетъ поэтому восполненія этой вѣры нравственною *вѣрностію*,—вѣрностію Богу и Христу въ неизмѣнномъ исповѣданіи православныя вѣры, вѣрностію въ отношеніи къ заповѣдямъ Божиимъ, вѣрностію въ отношеніи къ таинствамъ, дарованіямъ, служеніямъ,—словомъ, вѣрностію церковному руководству и церковной жпзни. (Слова п рѣчи Филарета. Москва, 1848 года 7, 1 стр. 283). Только въ живомъ союзѣ съ святою Церковію вѣра въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно (какъ индивидуумъ) можетъ возвыситься на степень несомнѣнной, неизблемой и достовѣрной истины; безъ этого-же условія она будетъ омрачаться сознаниемъ возможности заблужденій; она скорѣе будетъ потребностію сердца и предчувствіемъ истины, чѣмъ положительнымъ откровеннымъ знаніемъ; она подвержена будетъ колебаніямъ, измѣчивости и ошибкамъ,—словомъ, она всегда и непремѣнно будетъ субъективна. Прекрасно разсуждаютъ отечественные писатели (славяно-

филы), когда говорятъ: „чтобы возвыситься надъ сомнѣніемъ и заблужденіемъ и взойти на степень положительнаго знанія, въ вѣрѣ необходимо возвыситься надъ собою, найти для себя точку опоры во-внѣ, пустить корни въ міръ объективныхъ, въ міръ святыхъ реальностей, въ такой міръ, котораго она сама была бы частию, и частию живою, неотъемлемою, ибо, несомнѣнно, вѣршишь тому міру, точнѣе сказать—знаешь только тотъ міръ, къ которому принадлежишь самъ“. Гдѣ-же можно находить этотъ міръ святыхъ реальностей? „Этотъ міръ, продолжаютъ тѣ-же писатели, не можетъ заключаться ни въ дѣятельности разобщенныхъ между собою человѣческихъ личностей, ни въ ихъ случайномъ согласіи, ни въ рабскомъ отношеніи къ чему-нибудь внѣшнему, чисто человѣческому; онъ заключается только во внутреннемъ единеніи человѣческой субъективности съ реальною объективностью живаго и органическаго міра, въ томъ святомъ единствѣ, законъ котораго не есть ни абстрактъ, ни что-либо другое, изобрѣтенное человѣческимъ разумомъ, а божественная реальность, самъ Богъ въ откровеніи взаимной любви“. Эта божественная любовь изливается на насъ непосредственно, ощутительно, ясно и въ Словѣ Божіемъ и благодатномъ вліяніи на насъ св. Церкви. Божественное откровеніе освѣщаетъ религіозное сознаніе сверхъестественнымъ свѣтомъ и сообщаетъ ему опредѣленное содержаніе, а св. Церковь сообщаетъ намъ благодатныя силы и предохраняетъ склонный къ заблужденіямъ человѣчскій разумъ отъ ложнаго толкованія откровенія; оба-же вмѣстѣ, т. е. и божественное откровеніе и св. Церковь возвышаютъ вѣру изъ субъективной неопредѣленности на степень живаго и разумнаго убѣжденія *). Повторяемъ, только въ живомъ союзѣ съ св. Церковію наша субъективная вѣра, какъ-бы она ни была жива и сильна сама по себѣ, можетъ взойти на степень вѣры объективной, неизмѣемой и несомнѣнной.

Теософы думаютъ спасти себя отъ субъективизма убѣжденіемъ въ своемъ непосредственномъ озареніи Логосомъ, указаніемъ на свой христіанскій гноспесъ, на свое живое богообщеніе и

*) Журналь М. Н. Просвѣщенія. 1880. Кн. XI. См. „Славофильство какъ философское ученіе“, стр. 61—2.

богопросвѣщеніе. Они думаютъ, что ихъ внутренній свѣтъ, какъ и свѣтъ естественный, самъ себя освѣщаетъ, догадывается и уясняетъ; вѣрою они вселяютъ въ себя Христа и вѣрою вселенный Христосъ наставляетъ ихъ на всякую петлю, въ чемъ бы ни состояло это внутреннее наставленіе, въ предохраненіи ли отъ ошлябокъ и заблужденій, или въ положительномъ направленіи мысли къ болѣе глубокому и жизненному пониманію откровенной истины. Но эта увѣренность можетъ ли спасти теософовъ отъ субъективизма? Гдѣ ручательство того, что усвояемый ими себѣ высшій авторитетъ есть дѣйствительный и истинный, а не мечтательный и обманчивый? Конечно, искренній христіанинъ сохраняетъ убѣжденіе, что вѣра есть внутреннѣйшее, свободное сочетаніе духа съ откровенною истиною, а отсюда—съ тріединнымъ Божествомъ, разумѣется, при посредствѣ безцѣнныхъ заслугъ Иисуса Христа и его благодати. Его вѣра есть актъ всемогущій, творческій, ибо этой вѣрою полагается новое начало всему строю жизни и рождается въ насъ новый, таинственный человекъ. И какъ первоначально живая и сильная вѣра возникаетъ отъ нѣкотораго таинственнаго прикосновенія Господа къ сердцу, глаголанія въ сердцѣ, такъ и потомъ она поддерживается, развивается и усиливается этимъ же таинственнымъ прикосновеніемъ Господа при посредствѣ Св. Таинствъ. Изъ этихъ Таинствъ, какъ изъ горнила, вѣра каждый разъ выходитъ обновленною, укрѣпленною и оживотворенною. Такая вѣра есть дѣйствительное ощущеніе въ себѣ жизни Христовой, есть вселеніе въ себя Христа, есть живое общеніе съ Божественнымъ Логосомъ. *Испытайте самихъ себя, говоритъ Апостоль, въ вѣръ-ли вы? Или вы не знаете самихъ себя, что Иисусъ Христосъ въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть* *). Отечественные богословы говорятъ даже, что „сначала вселеніе это (Иисуса Христа или Божественнаго Логоса) мы предполагаемъ только вѣрою, потомъ оно начинаетъ подходить подъ ощущенія сердца, далѣе и подъ понятія разума“ **).

*) 2 Кор. XIII, 5.

**) Сборникъ лекцій профессоромъ Кіевской академіи къ юбилею академіи. Кіевъ. 1869. стр. 244.

Пресвященный Иннокентій (Борисовъ) спрашиваетъ: „какъ можетъ быть въ насъ Христосъ?“—и отвѣчаетъ: „не на словахъ, не въ памяти, не въ желаніи только, но на самомъ дѣлѣ. Нужно чувствовать Его присутствіе, Его жизнь, Его дыханіе. Это есть, такъ сказать, зачатіе Христа въ душѣ вѣрующей. Съ продолженіемъ жизни обращеннаго Іисусъ Христосъ зачатый растетъ, укрѣпляется и доходитъ до того, что одинъ господствуетъ въ человѣкѣ. Священное Писаніе часто сравниваетъ это съ рожденіемъ физическимъ. Жена чувствуетъ при зачатіи что-то иное въ себѣ. Обращенный также чувствуетъ что-то двойственное—свою жизнь и другое начало—Іисуса Христа. Эту двойственность прежде всего замѣчаетъ чувство, потомъ—умъ; нѣкоторымъ Іисусъ Христосъ является даже видимымъ образомъ, какъ на примѣръ Макарію Великому“ *). Такъ учатъ православные богословы о непосредственномъ введеніи Христа въ наши сердца и о непосредственномъ нашемъ общеніи съ Нимъ. Но это высокое благодатное состояніе души невозможно безъ живаго союза съ Церковью, безъ благодати, даруемой Церковію, безъ живаго руководства святою православною Церковію. Митрополитъ Московскій Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей спрашиваетъ: „долго-ли будутъ въ Церкви пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова?“ (Еф. IV, 11—13)—и отвѣчаетъ словами Апостола: *даже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.* Итакъ совершенство святыхъ возможно только при живомъ, благодатномъ союзѣ съ пастырями и учителями церковными, и руководство этихъ пастырей и учителей въ дѣлѣ совершенія святыхъ должно продолжаться до полного единенія всѣхъ въ вѣрѣ и полного достиженія всеми возраста исполненія Христова. Такъ учитъ великій богословъ русской земли. Могутъ-ли, судя по этому, протестантскіе теософы сказать о себѣ, что они достигли этого совершенства святыхъ, что между ними существуетъ полное единеніе въ вѣрѣ, что они стяжали уже исполненіе возраста Хри-

*) Сборникъ, *ibid*, стр. 339.

стова, и что поэтому ихъ учительство, основанное на субъективныхъ внушеніяхъ Логеса, можетъ замѣнить собою учительство церковное? Конечно, нѣтъ. Главное-же, высшее благодатное состояніе богообщенія и непосредственнаго богопросвѣщенія, безъ живаго руководства Церкви и безъ живаго союза съ Церковію, невозможно отличить, на основаніи одной субъективной увѣренности, отъ того состоянія духа, при которомъ человѣкъ руководствуется не столько разумными началами нравственно-религіозной жизни, сколько неясными представленіями и образами фантазіи, которые, овладѣвая его духомъ, увлекаютъ и нерѣдко составляютъ его въ противорѣчіе съ нормальнымъ теченіемъ христіанской жизни. Особенно сильное развитіе этого опаснаго состоянія духа представляетъ ложный мистицизмъ; когда мистикъ надѣется достигнуть духовнаго совершенства и общенія съ Богомъ не въ союзѣ съ Церковію Христовою и не подъ ея руководствомъ, но посредствомъ способовъ, придуманныхъ имъ самимъ, посредствомъ, напр., празднаго погруженія во мракъ таинственныхъ видѣній и созерцаній. Таково вообще состояніе всѣхъ мистическихъ сектъ, напр. квакеровъ, методистовъ, нашихъ „людей Божіихъ“ и пр. Обыкновенно у нихъ является свой духовный Христосъ, свое внутреннее Слово, свой таинственный рай съ его особенными наслажденіями, — и все это не сходится у нихъ съ тѣмъ, во что долженъ вѣровать истинный христіанинъ и чего долженъ надѣяться онъ отъ Бога, — и часто даже все это соединяется у нихъ съ грубымъ *антимомизмомъ* или беззаконіемъ. Впрочемъ, о мистическомъ, или лучше — мистико-пнѣмистическомъ направленіи въ современномъ протестантскомъ обществѣ мы скажемъ подробнѣе, когда востанемъ вопроса о томъ, какимъ образомъ протестанты убѣждаются въ истинности и спасительности своей вѣры, по какимъ признакамъ узнаютъ эту спасительную вѣру. А теперь переходимъ къ выясненію отношеній теософовъ къ Священному Писанію, какъ положительному откровенію Божію. Если прежніе протестанты спасались отъ всѣхъ крайностей субъективизма и мистицизма вѣрою въ безусловный авторитетъ Свя-

ценнаго Писанія, какъ высочайшую норму христіанской истины, то для современныхъ теософовъ нѣтъ этого спасенія въ Священномъ Писаніи, нѣтъ этой нормы въ немъ. Ихъ отношеніе къ Слову Божію, какъ людей, обладающихъ христіанскимъ гносекомъ и непосредственно просвѣщаемыхъ Логосомъ, должно стать и дѣйствительно стало инымъ, особеннымъ и своеобразнымъ.

М. Стояновъ.

(Продолжете будетъ).

МЕТОДЪ ФИЛОСОФІИ.

(Продолженіе *)

1. Особенно важно разъясненіе значенія въ философіи анализа и опыта, такъ какъ съ одной стороны философы часто грѣшили увлеченіемъ апріорными, дедуктивными построеніями съ забвеніемъ правъ опыта, съ другой, въ виду этихъ увлеченій, съ особенною настойчивостію, какъ ихъ противоядіе, рекомендуется въ настоящее время опытъ и опытный методъ изслѣдованія. Мы видѣли, что попытки чисто апріорнаго построенія философской системы оканчивались неудачею. Какъ причину этихъ неудачъ, такъ и средство предотвратить ихъ мы легко найдемъ, если обратимъ вниманіе на сущность дедуктивнаго метода и на дѣйствительный ходъ нашего познанія. Прежде всего, съ понятіемъ дедукціи мы соединяемъ мысль объ одномъ или нѣсколькихъ началахъ или высшихъ понятіяхъ, которыя логически мы должны разрѣшать на понятія низшія, чтобы затѣмъ путемъ комбинаціи ихъ достигать рѣшенія философскихъ вопросовъ. Но спрашивается: откуда философія должна взять эти понятія, эти начала и основоположенія науки? Заимствовать эти понятія откуда-нибудь извнѣ философіи, принявъ ихъ на вѣру какъ непосредственно извѣстныя и несомнѣнныя положенія, значило-бы совершенно противорѣчить идеѣ философскаго знанія, отрицать философію въ самомъ началѣ ея, въ правѣ рациональнаго обоснованія своихъ собственныхъ началъ. Полагать-ли, что начало философіи должно явиться готовымъ въ умѣ философа, какъ Ми-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 20.

перва изъ головы Юпитера? Предполагать-ли вмѣстѣ съ Гегелемъ и Шеллингомъ въ нашей душѣ какую-то особенную способность „интеллектуальнаго воззрѣнія“, для которой вдругъ и неизвѣстно какъ открывается первое начало знанія и бытія? Но такой актъ познанія совершенно не естественъ и психологически невѣренъ. На самомъ дѣлѣ, какъ каждый мыслитель, такъ и они доходили до общихъ началъ своей системы путемъ предварительнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго размысленія, изслѣдованія. Принципы философіи, ими избранный, конечно, не явился въ ихъ головѣ вдругъ, какъ счастливая находка или какъ внезапный проблескъ какого-то умственнаго озаренія; онъ былъ выработанъ ими послѣ критическаго изслѣдованія различныхъ мнѣній и философскихъ направлений и принятъ какъ *результатъ*, казавшійся имъ единственно вѣрнымъ и твердымъ. Что именно этимъ путемъ предварительнаго размысленія и изслѣдованія упомянутые философы доходили до установленія общихъ началъ своихъ системъ, выдаваемыхъ ими за апріорныя, за продуктъ чистаго мышленія (Гегель), или умственнаго созерцанія (Шеллингъ), доказательствомъ тому служить уже то одно, что опредѣленный характеръ ихъ мышленія, окончательная система ихъ философіи образовались у нихъ не вдругъ, во всей цѣлости, но слагались мало-по-малу, путемъ видоизмѣненія и разъясненія ихъ собственныхъ понятій. У Шеллинга, напримѣръ, эти видоизмѣненія въ характерѣ философствованія очень ясно выступаютъ въ различные періоды его философской дѣятельности. Конечно, тотъ предварительный ходъ мышленія, который приводилъ философовъ къ основнымъ началамъ ихъ системы, не изложенъ ими въ своихъ сочиненіяхъ, да и для нихъ самихъ въ послѣдствіи можетъ быть представлялся не совсѣмъ ясно; но что онъ дѣйствительно существовалъ, въ этомъ не станетъ сомнѣваться никто, кому сколько-нибудь извѣстенъ психологическій процессъ образованія нашихъ познаній. Думать иначе—было-бы чистымъ самообольщеніемъ. Замѣчательно, что возможность такого самообольщенія, по отношенію къ другимъ философамъ, очень хорошо понималъ самъ Гегель, хотя въ своей собственной системѣ не замѣчалъ того-же недостатка.

По поводу ученія Якоби о непосредственномъ умственномъ созерцаніи, онъ говоритъ: „къ самымъ обыкновеннымъ опытамъ принадлежитъ тотъ психологическій феноменъ, что истины, о которыхъ очень хорошо извѣстно, что онѣ составляютъ результатъ очень сложныхъ и посредственныхъ актовъ познанія, для тѣхъ, кому такое познаніе сдѣлалось сподручнымъ и привычнымъ, представляются ихъ сознанію непосредственными. Математику и каждому хорошо знакомому съ наукою непосредственно представляются, какъ извѣстные, такіе выводы и положенія, къ которымъ на самомъ дѣлѣ приводитъ очень запутанный анализъ. Каждый образованный человѣкъ имѣетъ въ своемъ сознаніи множество общихъ положеній, истинъ, возрѣпій, какъ непосредственно присущія его уму данныя, но которыя на самомъ дѣлѣ родились въ его душѣ только послѣ долгаго обдумыванія и изъ долгаго опыта жизни. Быстрота и ловкость, которыхъ мы достигаемъ въ какой-нибудь наукѣ или искусствѣ, состоятъ въ томъ, что мы такого рода познанія имѣемъ непосредственно въ своемъ сознаніи, даже во внѣшней дѣятельности и навыкѣ нашихъ членовъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственность знанія не только не исключаетъ предыдущаго посредствованія, но такъ тѣсно соединена съ нимъ, что непосредственное знаніе въ дѣйствительности есть продуктъ и результатъ посредственно приобрѣтенныхъ познаній“ *).

Все это показываетъ, что въ области философіи синтетическому построенію ея необходимо долженъ предшествовать нѣкоторый процессъ мышленія, результатомъ котораго и должны быть тѣ основныя начала или истины, которыя должны служить надежнымъ фундаментомъ философской системы. Какого-же рода этотъ процессъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно обратить вниманіе на обыкновенный, естественный ходъ нашей познавательной дѣятельности, посредствомъ котораго мы достигаемъ, путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго обдумыванія, до какого-либо представляющагося намъ окончательнымъ и вѣрнымъ, общаго результата. Сначала нашему уму предносятся различныя частныя мысли и

*) Encyklopädie, ed. v. Rosenkranz, 1870 p. 92—93.

частныя соображенія и мнѣнія, касающіяся даннаго предмета; мы вникаемъ въ нихъ, сличаемъ, обсуждаемъ, оцѣниваемъ ихъ достоинства и недостатки и, наконецъ, мало-по-малу вырабатываемъ собственную мысль о немъ. Очевидно, здѣсь пріемъ мышленія аналитическій: мы отъ частныхъ мыслей, понятій восходимъ къ понятію общему, вырабатываемъ его путемъ своего рода критики и анализа какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ отдѣльныхъ мнѣній.

Если отъ мышленія обыденнаго мы перейдемъ теперь къ мышленію философскому, то и здѣсь увидимъ въ сущности тотъ-же пріемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что такъ какъ познаніе философское есть познаніе научное, то въ дѣлѣ анализа понятій, для вывода при помощи общихъ началъ, мы не имѣемъ права дѣйствовать на авось, брать во вниманіе случайно возникающія въ нашемъ сознаніи мысли и случайныя мнѣнія другихъ, въ надеждѣ додуматься до какихъ-либо твердыхъ выводовъ, по должны исходить изъ фактовъ и понятій, разъясненіе которыхъ имѣло-бы дѣйствительное значеніе для философіи. И въ дѣлѣ эмпирическаго познанія природы ничего-бы не вышло, если-бы мы стали подвергать наблюденіямъ и экспериментамъ случайно попадающіе нашему вниманію окружающіе насъ предметы и явленія, не производя цѣлесообразнаго выбора подлежащихъ изученію предметовъ и не установивши цѣли нашихъ экспериментовъ. Точно также и въ дѣлѣ философскаго анализа, для того, чтобы онъ привелъ насъ къ опредѣленной цѣли мы должны обращать вниманіе на мысли, понятія, факты, которые имѣютъ значеніе для философскаго познанія, на философскіе, такъ сказать, факты. Какого же рода эти факты? Такъ какъ философія имѣетъ дѣло съ идеями, то предметомъ философскаго анализа, очевидно, должна служить не фемпемпальная сторона бытія, не явленія эмпирическія (изученіе которыхъ дѣло наукъ положительныхъ), но тѣ явленія въ области природы и духа, въ которыхъ съ наибольшою ясностію выражается идеальный элементъ. Какъ въ природѣ, такъ особенно въ области духовнаго бытія предметомъ философскаго анализа должно быть всеобщее, необходимое, единое, основное, — все, въ чемъ мы указали характери-

стическіе признаки бытія идеальнаго. Но какъ въ области опыта и знанія эмпирическаго мы не далеко-бы ушли, если-бы каждый изслѣдователь трудился независимо и самостоятельно, не заботясь о результатахъ, достигнутыхъ другими изслѣдователями, и не зная того, что сдѣлано наукою, такъ точно и въ философіи предметомъ анализа должна служить не одна идеальная сторона бытія, но и отраженіе этой стороны въ сознаніи и знаніи человѣчества,—понятія и мнѣнія о ней. Первоначальные элементы философскаго знанія даны уже въ непосредственномъ сознаніи человѣка, въ присущихъ его уму идеяхъ, затѣмъ они находятъ дальнѣйшее свое развитіе въ языкѣ, въ положеніяхъ общечеловѣческаго смысла (здраваго разума), въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и, наконецъ, въ философскихъ мнѣніяхъ и системахъ. Внимательное изученіе этихъ субъективныхъ фактовъ философіи, достигаемое опять путемъ критическаго анализа ихъ, столько-же, если не болѣе, чѣмъ самостоятельное изученіе идеальныхъ сторонъ дѣйствительности, должно вести насъ къ установленію того философскаго принципа, той точки зрѣнія, съ которой возможно будетъ для насъ образованіе цѣльнаго и вѣрнаго, по нашему мнѣнію, міросозерцанія.

Но такого рода анализъ, также естественно предшествующій синтетическому построенію философіи, какъ и въ обыденномъ мышленіи обсужденіе и соображеніе своихъ и чужихъ мнѣній должно предшествовать окончательному понятію о данномъ предметѣ, самъ по себѣ былъ-бы еще очень недостаточенъ, чтобы сообщить философіи прочную и истинно научную основу. Анализъ данныхъ понятій о философскихъ предметахъ,—понятій, выражающихся какъ въ общемъ сознаніи человѣчества, такъ и въ мнѣніяхъ ученыхъ и философовъ, чтобы быть плодотворнымъ, необходимо предполагаетъ сравнительную ихъ оцѣнку, сужденіе о степени ихъ истины или не истины. Но чѣмъ-бы мы стали руководствоваться въ этомъ сужденіи о достоинствѣ не только чужихъ, но и своихъ собственныхъ мыслей и понятій? Нашимъ непосредственнымъ чувствомъ истины, нашимъ личнымъ мнѣніемъ, по которому мы отвергали бы одно, принимали другое потому, что то кажется намъ

ложнымъ, другое истиннымъ? Правда, такое непосредственное, инстинктивное обсужденіе, при извѣстной врожденной силѣ мышленія, при извѣстной степени общаго образованія, изощрившаго эту силу, можетъ быть вѣрнымъ. Но оно будетъ вѣрнымъ случайно и во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть общезначительнаго, слѣдовательно—научнаго значенія. Другой мыслитель, въ дѣлѣ оцѣнки, придетъ къ результату противоположному нашему мнѣнію и, ссылаясь на свое непосредственное чувство истины, будетъ имѣть одинаковое съ нами право утверждать его истину.

Отсюда видно, что для того, чтобы выведенное путемъ анализа нашихъ и чужихъ понятій общее міросозерцаніе было не личнымъ убѣжденіемъ, а строго обоснованнымъ философскимъ воззрѣніемъ, мы должны имѣть какой-либо несомнѣнный критерій, что мы должны считать истиннымъ и что нѣтъ, и на какомъ основаніи. Но какъ и гдѣ мы можемъ найти такой критерій? Такъ какъ истина (помимо своего объективнаго значенія) составляетъ извѣстное свойство нашего познанія, то очевидно, твердое понятіе объ этой истинѣ мы должны получить не иначе, какъ посредствомъ тщательнаго изученія нашего познанія и той способности, которая служитъ источникомъ и органомъ его,—мышленія. Мы должны обратить вниманіе на мышленіе, какъ на данный въ психологическомъ опытѣ фактъ, и путемъ точнаго анализа отдѣлать въ немъ то, что составляетъ матеріалъ познанія, полученный изъ впечатлѣній опыта и то, что составляетъ самую природу разума, его апріорныя и не зависящія отъ опыта законы и формы его дѣятельности, и посредствомъ изученія ихъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мы имѣемъ возможность и право посредствомъ приложенія ихъ къ фактамъ внѣшняго и внутренняго опыта познавать не только эмпирическую дѣйствительность, но и восходить за предѣлы ея, къ бытію идеальному и познаваемому разумомъ. Вообще, положительному, синтетическому построенію философскаго міросозерцанія должна предшествовать философская теорія познанія, основанная на аналитическомъ изученіи самаго органа познанія,—разума.

Признаніе необходимости аналитическаго изслѣдованія, пред-

шествующаго положительному построению философской системы, есть характеристическая черта и вмѣстѣ преимущество, выгодно отличающее новую философію отъ древней и средне-вѣковой. Родоначальникъ новой философіи—Декартъ обратилъ вниманіе на первую, указанную нами, форму этого анализа,—на предварительное, критическое изслѣдованіе какъ общепринятыхъ, такъ и философскихъ мнѣній объ основныхъ истинахъ знанія. Въ этомъ изслѣдованіи и состоитъ сущность его скептическаго метода. Необходимость второй представленной нами формы философскаго анализа указана отчасти Локкомъ и Юмомъ, но съ особенною ясностію выражена Кантомъ. Его знаменитая „Критика чистаго разума“ представляетъ намъ опытъ аналитическаго изслѣдованія познавательной способности, какъ необходимое условіе для положительнаго рѣшенія философскихъ проблемъ. Какъ съ методами, такъ и съ результатами его критики можно соглашаться и нѣтъ, но самая мысль его о необходимости такой критики несомнѣнна. Она вытекаетъ изъ самаго характера философіи какъ науки, которая должна быть основана на твердыхъ, самостоятельныхъ не заимствованныхъ отъишуды и не *предполагаемыхъ* только несомнѣнными (какъ въ другихъ наукахъ), но проверенныхъ и доказанныхъ, въ ихъ несомнѣнности, началахъ. Но начала философіи заключаются не гдѣ-нибудь внѣ ея, а въ той самой способности, которая служитъ ея источникомъ,—въ разумѣ. Итакъ, изслѣдованіе самаго разума есть первое и существенное ея дѣло. Отъ такого изслѣдованія зависитъ всецѣло не только характеръ дальнѣйшаго, положительнаго направленія философіи, но и самая судьба ея, потому что только критическій анализъ нашего познанія можетъ сказать намъ о возможности и степени достовѣрности рѣшенія философскихъ проблемъ. Мы должны прежде изучить нашъ разсудокъ какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его продуктахъ,—философскихъ теоріяхъ, чтобы видѣть, *можетъ-ли* и *что* можетъ онъ знать, чтобы потомъ не трудиться, можетъ быть напрасно, надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, недоступныхъ нашей познавательной силѣ. Вообще, каждая философская система, которой не предшествуетъ критическое изслѣдованіе познавательной способ-

ности, есть, по выраженію Канта, не рациональное знаніе, а догматизмъ, т. е. она основывается на неизслѣдованномъ, а потому и не доказанномъ (догматическомъ) предположеніи, что нашъ разумъ способенъ къ познанію истины.

Съ справедливою послѣднѣю замѣчанію Канта, равно какъ и съ мыслию о необходимости аналитико-критическаго изслѣдованія познанія, предваряющаго положительную философію, повидимому, нельзя не согласиться. Но тѣмъ не менѣе эта мысль вызвала возраженія, на первый взглядъ казущіяся уважительными. Намъ говорятъ: вы требуете предшествующей философіи критики познанія; но критическое изслѣдованіе, способно-ли наше мышленіе къ познанію истины, уже само по себѣ есть философское мышленіе; такого рода изслѣдованіе можетъ заслуживать довѣрія, очевидно, при томъ только *предположеніи*, что процессъ мышленія, при помощи котораго оно совершается, вполне достовѣренъ. Такимъ образомъ критика уже предполагаетъ то, чего, повидимому, допустить она не хочетъ,—предварительную увѣренность въ истинѣ тѣхъ законовъ мышленія, по которымъ сама она совершается, и въ той возможности знанія, которую она собирается еще доказать. Такимъ образомъ упрекая вмѣстѣ съ Кантомъ всякій другой способъ философствованія въ догматизмъ, вы сами оказываетесь виновными въ такомъ же догматизмѣ, если только можно называть догматизмомъ, предшествующую каждой познавательной дѣятельности, увѣренность въ возможности знанія и въ достовѣрности тѣхъ законовъ, по которымъ оно происходитъ. Противъ защищающихъ подобный методъ философствованія Гегель замѣчаетъ, что въ философіи, не желающей мыслить прежде чѣмъ узнаютъ, какъ и о чемъ должно мыслить, похожи на того схоластика, который изъ опасенія утонуть далъ обѣтъ не прикасаться къ водѣ прежде, чѣмъ выучится плавать. Но никто не можетъ выучиться плавать прежде, чѣмъ коснется воды; никто не можетъ философски изслѣдовать способности познанія, не коснувшись самой философіи *).

Если бы въ вопросѣ о критикѣ познанія дѣло шло только о томъ, въ предѣлахъ-ли самой философіи или внеъ ея должна

*) Hegel's Werke. B. XI, 1832, p. 29.

происходить эта критика и если-бы дѣйствительно были философы, утверждавшіе послѣднее, то конечно Гегель былъ бы правъ. Но едва-ли кто стапеть отстаивать ту мысль, что критическое изслѣдованіе познанія не есть философское изслѣдованіе и что, занимаясь подобнымъ изслѣдованіемъ, мы еще не мыслимъ философски; оно существенно входитъ въ составъ самой же философіи. Вопросъ, очевидно, не о мѣстѣ этого изслѣдованія въ области познанія и не о названіи его,—не о томъ, предшествуетъ-ли оно философіи и можетъ-ли быть названо философскимъ, а о томъ, возможно-ли и законно-ли оно въ области самой философіи? Но поставивъ такъ вопросъ, мы должны дать на него утвердительный отвѣтъ, котораго не можетъ обезсилить замѣчаніе, что, подвергая философскому анализу познаніе, съ цѣлью избѣгнуть догматизма, мы внадаемъ въ тотъ же догматизмъ, руководясь при этомъ анализѣ предположеніемъ возможности достигнуть истины и достовѣрности законовъ нашего мышленія. Дѣло въ томъ, что выставлющіе это возраженіе намѣренно не хотятъ замѣтить существеннаго различія между обыкновеннымъ и научнымъ, некритическимъ и критическимъ, философскимъ мышленіемъ. Несомнѣнно, что всякое познаніе, въ томъ числѣ и философское, начинается непосредственнымъ довѣріемъ къ мышленію и непосредственною увѣренностью въ возможности при помощи его узнать истину. Безъ такого довѣрія, безъ такого своего рода догматизма общаго или здраваго смысла, невозможно и первый шагъ на пути познанія. Но подобный догматизмъ есть только первая стадія познанія вообще, за которою можетъ слѣдовать другая стадія рефлексіи надъ первою и самоповѣрки ея; эта-то вторая стадія въ процессѣ научнаго мышленія и должна быть, собственно для философіи, *первою* стадіею въ ея собственной области. Сначала познавательная дѣятельность человѣка обращается на вышній міръ и мало-помалу на нѣкоторые факты психологическаго опыта, затѣмъ въ силу способности человѣка къ рефлексіи на самого себя и самопознанія, она обращается къ критическому изслѣдованію собственной познавательной дѣятельности; здѣсь начало философіи. Наконецъ, какъ скоро результатъ этого изслѣдованія

окажется удовлетворительнымъ въ смыслѣ утвержденія возможности философскаго познанія и способовъ его, слѣдуетъ установленіе и положительнаго міросозерцанія на твердой и обследованной почвѣ нашего познанія. Нѣтъ спора, что мы должны исходить изъ довѣрія къ нашей познавательной силѣ, а не изъ недоувѣрія къ ней, если желаемъ достигнуть какого-либо результата. Но это довѣріе, первоначально слѣпое, непосредственное, не должно оставаться такимъ. Какъ скоро возникаютъ недоумѣнія или сомнѣнія относительно того, соответствуетъ-ли наше познаніе вообще, или въ какихъ-либо частныхъ сторонахъ его, дѣйствительности и истинѣ, мы не можемъ уже насильственно устранять эти сомнѣнія, ссылаясь на простую довѣренность нашу къ нашему познанію. Мы обязаны критически изслѣдовать наше мышленіе и этому критическому мышленію или размышленію надъ самымъ мышленіемъ должны оказывать довѣріе до тѣхъ поръ, пока не выяснятся особенные какіе-либо поводы отказывать въ немъ. Мы должны изслѣдовать эти поводы, являющіеся намъ какъ возраженія противъ всего-ли-то познанія или нѣкоторыхъ сторонъ его, выставляемыя философскими системами различныхъ направленій, и какъ скоро они окажутся несостоятельными, убѣдиться уже не догматически и непосредственно, а философски, въ истинѣ нашего познанія съ точнымъ опредѣленіемъ границъ его.

Но недостаточно дать анализу мѣсто только въ началѣ нашей науки, видѣть въ немъ только способъ къ открытію и установленію общихъ принциповъ ея, такъ чтобы въ послѣдствіи можно было уже смѣло довѣрить ея одному синтезу. Нельзя думать, что какъ скоро путемъ анализа нашей познавательной способности и ея произведеній открыты общія начала и положенія, мы имѣемъ право ограничиться однимъ чистымъ мышленіемъ и независимымъ отъ аналитическаго изслѣдованія фактовъ (будутъ-ли-то факты опыта, или факты мышленія) выведеніемъ частнаго изъ общаго. Противъ этого говорить уже самая связь и взаимозависимость двухъ главныхъ методовъ въ дѣйствительномъ ходѣ нашего познанія. Мы имѣли уже случай замѣтить, что методы аналитическій и синте-

тическій, въ ихъ рѣзкой отдѣльности и отличіи одинъ отъ другаго, излагаются только въ логикахъ; на самомъ же дѣлѣ, въ живомъ процессѣ познавательной дѣятельности они постоянно переплетаются, одинъ переходитъ въ другой и помогаетъ другому въ дѣлѣ изслѣдованія истины. Если мы говоримъ, что такой-то наукѣ свойственъ тотъ, а другой этотъ методъ, то никакъ не въ смыслѣ исключительнаго господства одного изъ нихъ, а въ смыслѣ преобладанія и преимущественнаго употребленія, чѣмъ нисколько не устраняется помощь другаго. Это общее явленіе имѣетъ мѣсто и въ философіи и по совершенно основательнымъ причинамъ. Прежде всего мы не можемъ ограничиться тѣмъ, чтобы по установленіи общихъ принциповъ путемъ критическаго анализа, положительно выводить изъ нихъ дальнѣйшее содержаніе, не обращая никакого вниманія на другія, несогласныя съ нашими воззрѣнія и мнѣнія. Напротивъ, какъ показываютъ и примѣры философскихъ системъ, положительному рѣшенію частныхъ вопросовъ почти всегда или предшествуетъ, или сопровождаетъ его разборъ различныхъ существующихъ въ философскомъ мірѣ воззрѣній, опроверженіе возраженій и т. п. Все это предполагаетъ критику и анализъ не только въ началѣ, но и въ дальнѣйшемъ развитіи философской системы. Но этого мало. Сопровождающій синтетическое построеніе анализъ долженъ простирается не на одну только критику чужихъ мнѣній и возраженій; его приложеніе идетъ гораздо дальше, онъ долженъ быть апалитическимъ изслѣдованіемъ самой дѣйствительности, объясняемой философіею, съ цѣлію сличенія понятій философскихъ съ фактами опыта для повѣрки первыхъ послѣдними.

Въ исторіи философіи много примѣровъ, что въ основаніе системы были полагаемы и вѣрныя начала, но къ удивленію, чѣмъ дальше шла система отъ этихъ началъ къ ихъ результатамъ, тѣмъ больше и больше расходилась съ истиною. Конечно, причина этихъ уклоненій отъ истины, свачала мало замѣтныхъ, а потомъ болѣе и болѣе ясныхъ, могла заключаться въ недостаткѣ логической строгости мышленія, въ допущенномъ гдѣ-нибудь незамѣтно скачкѣ въ цѣпи выводовъ и умозаключеній. Самое малое и незначительное, напримѣръ, уклоненіе отъ

прямой линіи, сначала незаметное, дальше и дальше обнаруживается все сильнѣе и сильнѣе. Но есть тому и другая болѣе важная причина—въ излишнемъ довѣріи къ дедуктивному методу и въ пренебреженіи анализа и опыта. Еслибы наши понятія и предметы, обозначаемые понятіями, всегда совпадали, еслибы законы мышленія были и законами бытія, еслибы вообще была вѣрна идеалистическая мысль о тождествѣ мышленія и бытія, то конечно для образованія вполне вѣрной системы философскаго знанія, не могло бы быть ничего проще и естественнѣе, какъ взявши твердо обоснованное общее понятіе или принципъ науки, строго логически развивать его до послѣднихъ выводовъ. Такая, созданная силою чистаго мышленія, система знанія была бы самою точною картиною бытія,—даже болѣе, система знанія и строй бытія совершенно совпали-бы. Но ни одна философская система, основанная на предположеніи тождества мышленія и бытія, не представила намъ такого отраднаго явленія, и это одно уже колеблетъ наше довѣріе къ безусловной силѣ дедуктивнаго метода, въ какой бы частной формѣ (напримѣръ діалектической) намъ его ни рекомендовали. Философія въ послѣдствіи покажетъ намъ, что наши понятія и законы мышленія, хотя и не суть субъективныя только представленія о вещахъ и формы знанія, не соответствующія дѣйствительности (другая крайность, въ которую впалъ Кантъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и не совершенно тождественны съ предметами и законами бытія (какъ думалъ Гегель). Между понятіями полнаго тождества и полной противоположности мышленія и бытія, двумя крайностями, есть среднее понятіе соответствія или сходства. Все наше познаніе основывается на той увѣренности (которую должна оправдать философія), что познаваемые посредствомъ нашего мышленія предметы дѣйствительно такъ существуютъ, какъ познаются нами. Но эта истина познанія не есть безусловная, которая можетъ принадлежать только существу безусловному, по относительная, свойственная существу ограниченному. Истина бытія, конечно, отражается въ нашемъ познаніи, но не вполне, а въ нѣкоторой только степени, судя по характеру и силѣ познавательной дѣятельности и по условіямъ, при которыхъ она происходитъ.

Словомъ, объекты, какъ они существуютъ для нашего познанія и въ немъ отражаются, и объекты, какъ они существуютъ сами по себѣ, независимо отъ нашего познанія, находятся въ отношеніи болѣе или менѣе точнаго соответствія, сходства, но не тождества. Если-же таково отношеніе нашего познанія къ познаваемому, то очевидно мы не должны довѣряться одной силѣ отвлеченнаго мышленія и ожидать, что оно изъ какого либо общаго принципа можетъ вывести тотъ стройный міръ дѣйствительности, который существуетъ внѣ насъ, какъ система вселенной. Сходство и соответствіе предполагаетъ большую или меньшую *степень* приближенія къ истинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только возможность, но и необходимость постоянного сличенія понятій о вещахъ, составляемыхъ нашимъ разумомъ, съ дѣйствительными вещами, системы вселенной, создаваемой нашимъ мышленіемъ, съ дѣйствительнымъ бытіемъ. Такое сличеніе должно быть реальнымъ критеріемъ философской истины въ то время, какъ логика съ ея требованіями должна быть критеріемъ формальнымъ. Если дѣйствительность не подходитъ подъ понятія, выведенныя изъ началъ разума, если она представляетъ намъ факты, которые явно противорѣчатъ нашей системѣ или не находятъ въ ней объясненія и смысла,—ясный знакъ, что наша теорія или невѣрна или неполна. Но такая повѣрка, очевидно, невозможна безъ изученія самыхъ фактовъ,—изученія, которое совершается при помощи анализа. Конечно говоря это, мы не думаемъ предъявлять невыполнимаго требованія, чтобы философъ былъ обязанъ самъ изучить все предметы эмпирически или знать даже все положительныя науки во всехъ подробностяхъ; такой энциклопедизмъ былъ бы не подъ силу и гениальному мыслителю. Но онъ обязанъ имѣть въ виду общіе результаты, достигнутыя эмпирическимъ изученіемъ міра физическаго и духовнаго и сравнивать эти результаты, добытыя разумомъ путемъ восходящимъ отъ дѣйствій къ причинамъ, съ результатами своихъ изслѣдованій, достигнутыхъ путемъ нисходящимъ, дедуктивнымъ. Если того и другаго рода результаты, выводы наукъ положительныхъ и философіи, совпадутъ, то это признакъ ихъ истины. Если нѣтъ, то очевидно гдѣ-нибудь скрывается ошибка, или въ недоста-

точности и невѣрности эмпирическаго званія, или въ несостоятельности философской системы. Долгъ философа открыть, гдѣ скрывается источникъ заблужденія и стараться достигнуть истины. Во всякомъ случаѣ подобное сличеніе будетъ полезно для него тѣмъ, что хотя и не откроетъ ему прямо истины, но предохранитъ его отъ заблужденій и отъ увлеченія односторонностію.

Такимъ образомъ, не только въ началѣ философскаго познанія для установленія основныхъ его принциповъ, но и въ дальнѣйшемъ его движеніи, анализу должно принадлежать законное мѣсто, какъ способу къ разъясненію, подтвержденію и повѣркѣ его выводовъ.

Изъ сказаннаго нами о значеніи и употребленіи анализа въ философіи достаточно ясно, чѣмъ отличается анализъ философскій отъ той формы этого метода, которая по преимуществу имѣетъ приложеніе въ наукахъ естественныхъ и носитъ названіе метода индуктивнаго. Можно сказать, что какъ въ томъ, такъ и другомъ нашъ умъ исходитъ изъ фактовъ данныхъ въ опытѣ и путемъ аналитическаго разложенія этихъ фактовъ восходитъ къ общимъ результатамъ. Но существенное различіе здѣсь въ томъ, что тогда какъ въ эмпирическихъ наукахъ эти факты суть конкретныя данныя внѣшняго опыта, въ философіи они суть общія понятія и идеи, данныя или въ общечеловѣческихъ убѣжденіяхъ, или въ мнѣніяхъ философовъ, или во внутреннемъ опытѣ, въ мыслящей природѣ нашего духа по преимуществу. Вслѣдствіе этого и дальнѣйшее отношеніе нашего мышленія къ первоначальнымъ даннымъ въ эмпириіи и философіи различно. Въ эмпирическомъ познаніи мы отъ частнаго, конкретнаго, множественнаго, методически и послѣдовательно восходимъ къ болѣе и болѣе общимъ выводамъ. Въ знаніи философскомъ, первоначальныя факты анализа сами по себѣ уже суть нечто общее и абстрактное, такъ напримѣръ: религіозныя и философскія мнѣнія, категорическія понятія нашего разсудка, идеи нашего ума. Философскій анализъ этихъ фактовъ поэтому главнымъ образомъ долженъ состоять въ тщательномъ разъясненіи ихъ для нашего сознанія, въ сравненіи ихъ между собою, въ указаніи степени ихъ досто-

вѣрности, въ основанной на логическихъ законахъ разума комбинаціи ихъ и въ выводѣ чрезъ то общихъ и основныхъ истинъ философскаго знанія. Отсюда видно, что хотя и философія, подобно эмпирическимъ наукамъ, исходитъ изъ данныхъ опыта и употребляетъ формально сходный съ ними аналитическій методъ изслѣдованія, но не есть наука опытная (эмпирическая), а *раціональная*, такъ какъ первоначальныя ея данныя заключаются не во внѣшнемъ опытѣ, но въ самомъ разумѣ, и такъ какъ пользованіе этими данными въ дальнѣйшемъ процессѣ философскаго мышленія имѣетъ свои характеристическія особенности, которыя дѣлаютъ его не индуктивнымъ, но чисто раціональнымъ, хотя и аналитическимъ, процессомъ. Конечно, имѣя въ виду то, что важнѣйшія первоначальныя данныя философіи главнымъ образомъ заключаются въ самосознаніи (внутреннемъ опытѣ) и разъясняются путемъ анализа ихъ, мы могли-бы вполне согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что и философія, какъ и другія науки, должна исходить изъ опыта и основываться на опытѣ, еслибы съ словомъ *опытъ* не соединялось и въ обыкновенномъ и въ научномъ словоупотребленіи столько недоразумѣній и неясныхъ представленій. Общее сознаніе съ словомъ *опытъ* обыкновенно связываетъ понятіе о внѣшнемъ опытѣ, касающемся предметовъ и явленій физическихъ. Не такого рода опытъ, конечно, долженъ служить началомъ философіи. Но еслибы даже для большей определенности мы прибавили выраженіе: *внутренній, психологическій опытъ*, то и въ такомъ случаѣ не предотвратили бы всѣхъ недоразумѣній. И *внутренній опытъ* можетъ быть чисто эмпирическимъ опытомъ, какъ скоро онъ ограничивается анализомъ конкретныхъ психологическихъ явленій и выводитъ отсюда индуктивнымъ путемъ ближайшіе эмпирическіе законы психической жизни. Но ограничиваясь имъ однимъ, мы могли-бы создать только эмпирическую психологію (которая, конечно, имѣетъ свое научное значеніе), но не философію во всей полнотѣ ея содержанія. Для рѣшенія важнѣйшихъ философскихъ проблемъ мы должны исходить не изъ конкретныхъ психическихъ явленій, но изъ общихъ и необходимо данныхъ въ разумѣ понятій и идей, въ разъясненіи которыхъ свою долю участія можетъ имѣть и пси-

хологія, но полное и окончательное раскрытіе которыхъ возможно лишь путемъ независимаго отъ опыта логическаго и рациональнаго изслѣдованія ихъ сущности и соотношеній. Отсюда видно, что и при аналитическомъ методѣ изслѣдованія философія не теряетъ своего рациональнаго характера и ея анализъ имѣетъ полное право называться не опытнымъ, а рациональнымъ анализомъ.

В. Нудравцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

IX.

Французская философія XVIII в. Отличительный характеръ ея. Вопросъ объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ въ средневѣковой и новой философіи. Какъ относилась французская философія XVIII в. къ религіозной вѣрѣ? Значеніе знаній и умственно познавательной дѣятельности по понятіямъ французскихъ философовъ. Сенсуализмъ во взглядѣ французскихъ философовъ на познаніе. Сенсуализмъ въ Англіи. Здравый или общій смыслъ по понятіямъ англичанъ и французовъ. Сближеніе рационализма съ сенсуализмомъ или эмпиризмомъ въ философіи Локка. Натуральное и противонатуральное. Локкъ о натуральномъ дѣйствиіи разума. Вѣра не противоположна разуму по Локку. Додвель и Юмъ противъ деизма. Рационализмъ англійскій и французскій.

Французская философія XVIII в. мало представляетъ, по содержанію своему, поваго и оригинальнаго сравнительно съ предшествующими ей, выше разсмотрѣнными, философскими ученіями. А потому и нельзя смотрѣть на нее, какъ на особую дальвѣйшую ступень въ развитіи новой философіи. Французская философія XVIII в. собственно въ философскомъ отношеніи имѣетъ мало значенія: она не выработала никакихъ новыхъ взглядовъ и идей по вопросамъ, бывшимъ въ ходу въ прежней философіи; равно она не поставила такихъ новыхъ философскихъ вопросовъ, которые бы дали совершенно новое направленіе мысли; она либо повторяетъ положенія и взгляды прежнихъ философскихъ ученій, либо доводитъ до крайности, въ рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, точку зрѣнія, принятую въ прежней философіи, особенно англійской, которая оказала наибольшее вліяніе на французскихъ философовъ. Но французская философія, при всей своей бѣдности и малозначитель-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 20.

ности собственно въ философскомъ отношеніи, имѣла важное значеніе и заслуживаетъ особаго вниманія по своему обширному и рѣшительному вліянію на умы какъ своего, такъ и послѣдующаго времени. Можно сказать, что и теперь еще продолжается вліяніе французской философіи. Обширное и сильное вліяніе этой философіи, при недостаткѣ своеобразнаго содержанія, не должно казаться удивительнымъ; напротивъ, тѣмъ именно и изъясняется, что вся задача французской философіи заключалась не въ дальнѣйшей разработкѣ философскихъ вопросовъ, поставленныхъ прежнею философіею, а только лишь въ распространеніи, въ самыхъ широкихъ общественныхъ кругахъ цѣлой Европы, идей и доктринъ, которыя въ основныхъ и существенныхъ чертахъ уже были выражены въ прежнее время. Задача эта могла быть выполнена французскими философами лишь благодаря особенно выдающемуся ихъ дару общедоступнаго и блестящаго изложенія. Французскіе философы счумѣли сдѣлать философствованіе потребностію общества; имъ принадлежитъ заслуга изобрѣтенія той формы общедоступнаго изложенія (въ видѣ энциклопедическихъ словарей) научныхъ свѣдѣній, теорій и философскихъ взглядовъ, благодаря которой познанія и идеи стали быстро распространяться, такъ какъ сдѣлалось возможнымъ, конечно самое поверхностное, усвоеніе ихъ даже для людей, лишенныхъ серьезнаго образованія и научной подготовки. Вслѣдствіе того образовался извѣстный общераспространенный образъ пониманія и рѣшенія коренныхъ вопросовъ жизни въ извѣстномъ духѣ и смыслѣ. И такой повсюду распространенный, отмѣченный общими, одинаковыми вездѣ чертами, образъ пониманія и рѣшенія коренныхъ жизненныхъ вопросовъ получилъ тогда названіе *просвѣщенія*. Поэтому французскихъ философовъ, по ихъ историческому положенію и значенію, можно приравнять древнимъ софистамъ, которые также никакихъ новыхъ взглядовъ и идей не внесли въ исторію философіи, но за то потребность философскаго образованія возбудили въ цѣломъ обществѣ и, какъ умѣли, удовлетворяли этой потребности. Софисты въ свое время дѣйствовали съ немалымъ блескомъ и успѣхомъ, въ качествѣ представителей новаго тогда философскаго образованія, какъ и французскіе философы XVIII вѣка.

Такъ какъ французская философія XVIII вѣка въ сущности состояла лишь въ распространеніи въ обществѣ идей и учений, получившихъ начало гораздо ранѣе, то понятно, что собственно философскія требованія и свойства, какія мы видимъ обыкновенно въ строго философскихъ изслѣдованіяхъ, каковы единство и выдержанность принятой точки зрѣнія, послѣдовательность въ развитіи мысли, основательность и убѣдительность аргументаціи, спокойствіе и осмотрительность въ ходѣ мысли и въ самомъ тонѣ изложенія,—вообще свойства неразлучныя съ серьезнымъ вниманіемъ въ самое существо предмета, протекающимъ изъ чистаго влеченія къ познанію истины, какъ не соответствующія самой задачѣ французской философіи, болѣе или менѣе отсутствуютъ и уступаютъ мѣсто другимъ свойствамъ. Въмѣсто единства мы видимъ здѣсь разнообразіе основныхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія у того-же писателя и въ отношеніи къ тому-же предмету; основательность и доказательность замѣняется живостію представленія, энергіею и силою выраженія; вмѣсто спокойствія и осмотрительности выступаютъ страстное одушевленіе и безразсудныя крайности. Вообще отличительный характеръ французской философіи XVIII вѣка состоитъ въ томъ, что ея прямою цѣлью было не изслѣдованіе, а дѣйствіе на умы въ извѣстномъ направленіи; различныя теченія мысли прежняго времени сталкиваются и образуютъ у французскихъ философовъ одинъ бурный потокъ представленій и пылкихъ страстныхъ рѣчей, въ которомъ наиболѣе выдающимся мотивомъ является рѣшительное отрицаніе всего прежняго склада и направленія вѣрованій, идей, правовъ. Поэтому, при обзорѣ французской философіи, нѣтъ необходимости и даже возможности разсматривать въ отдѣльности ученіе каждаго философа, за исключеніемъ развѣ Вольтера и Дидро, которыхъ можно признать наиболѣе типичными выразителями отличительныхъ свойствъ французской философіи. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь можетъ быть не столько объ отдѣльныхъ философахъ, сколько объ общихъ взглядахъ, идеяхъ и ученіяхъ, встрѣчающихся у разныхъ писателей, и различномъ сочетаніи. По своимъ основнымъ и важнѣйшимъ чертамъ это тѣ-же самыя идеи, взгляды и ученія, которыя уже извѣстны

намъ, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь прежде выраженные идеи и ученія доводятся въ пылу борьбы противъ основныхъ началъ тогдашней жизни, до послѣдней крайности, — выражаются въ рѣзкой и односторонней формѣ.

Въ самомъ началѣ новой философіи, первые представители ея, какъ выше показано, главною своею задачею считали — указать путь къ пріобрѣтенію истиннаго познанія вещей. Въ связи съ этимъ вопросомъ о познаніи, именно о томъ, какъ происходитъ на самомъ дѣлѣ процессъ познания и какъ далеко простирается возможный для насъ объемъ познанія, — этотъ вопросъ, поставленный на первыхъ-же порахъ историческаго развитія новой философіи, получаетъ въ ней значеніе первостепенное. Въ средневѣковой философіи, какъ мы видѣли, главный интересъ состоялъ въ томъ, чтобы вѣру согласить съ разумомъ и чрезъ то возвысить ее на степень научно обоснованной системы, но притомъ не въ ущербъ самаго содержанія вѣры, которое при этомъ должно было остаться неприкосновеннымъ: свѣтъ мысли, или разумнаго познанія, требовалось внести въ область вѣры, но такъ, чтобы точный смыслъ того, чему учить вѣра, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, остался безъ измѣненія. Когда-же признано было необходимымъ раздѣлить совершенно богословіе отъ философіи, которая, такимъ образомъ, пріобрѣла полную самостоятельность. когда вѣра отдѣлена была отъ разума и познаніе признано независимою цѣлью дѣятельности разума, тогда снова мы видимъ попытки преобразовать вѣру въ интересъ познанія, но теперь эту цѣль имѣлось въ виду осуществить уже не съ сохраненіемъ во всей неприкосновенности самаго содержанія вѣры (какъ было въ средніе вѣка), а напротивъ съ измѣненіемъ этого содержанія во имя правъ и требованій разума. Прежде, именно въ средніе вѣка, авторитетъ вѣры полагали выше разума: философія, какъ выразительница правъ и требованій разума, подчинялась вѣрѣ; въ новой-же философіи авторитетъ разума былъ признанъ безусловнымъ, неограниченнымъ, и потому разумъ не только уже не подчинялся вѣрѣ, напротивъ былъ провозглашенъ судьей въ дѣлѣ вѣры: интересъ и достоинство познанія, въ которомъ разумъ проявляетъ свою дѣятельность, по-

ставлены выше интереса и значенія принадлежащаго вѣрѣ, а въ связи съ тѣмъ и самая вѣра допускается настолько, насколько признають ее согласною съ интересами и требованіями разума, и находятъ для нея опору и подтвержденіе въ разумномъ познаніи вещей. Наконецъ, во французской философіи, въ лицѣ многихъ ея представителей (хотя и не всѣхъ) религіозная вѣра уже не просто подчиняется интересу познанія разумнаго (именуемаго просвѣщеніемъ), а исключается во все ради этого интереса; просвѣщеніе, разумное познаніе, является теперь орудіемъ не преобразованія вѣры, а рѣшительной противъ нея борьбы. Вѣра уже не отдѣляется отъ разумнаго познанія, а противопоставляется познанію въ томъ-же смыслѣ, какъ мракъ противопоставляется свѣту, какъ зло противопоставляется добру, какъ безуміе—мудрости. Религіозная вѣра отождествляется съ невѣжествомъ: просвѣщеніе опирается на разумъ и производится имъ, а потому и не можетъ быть инымъ, какъ только раціональнымъ; между тѣмъ вѣра всегда противопоставалась разуму,—слѣдовательно, вѣра религіозная ничего общаго не можетъ имѣть съ просвѣщеніемъ. Однакожъ и для тѣхъ, которые отрицали религіозную вѣру, было очевидно, какое всеобъемлющее значеніе она имѣла всегда и въ жизни общественной, и въ частной жизни, а потому если, какъ полагали французскіе философы, религіозная вѣра не совместима съ просвѣщеніемъ, то самое просвѣщеніе не должно-ли имѣть такое-же всеобъемлющее и коренное значеніе въ жизни, какое всегда имѣла и имѣетъ вѣра религіозная? Какъ иначе могло-бы просвѣщеніе вытѣснить и замѣнить религіозную вѣру, если бы оно не давало человѣку съ избыткомъ того-же, что доселѣ давала религіозная вѣра? Дѣйствительно, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ французскихъ, общество можетъ существовать и благоденствовать безъ религіозной вѣры (атеистическое); иные полагали даже, что иначе и не достижимо счастье, какъ только по мѣрѣ распространенія въ обществѣ просвѣщенія и изгнанія религіозной вѣры, которая дѣлаетъ людей несчастными, препятствуя имъ безбоязненно наслаждаться жизнью. А такъ какъ основою просвѣщенія служитъ знаніе, то отсюда, придавая столь рѣшительное значеніе просвѣщенію, не иначе,

ковечно, должны были смотрѣть на знаніе, какъ на силу должествующую преобразовать міръ. Уже Бэконъ въ знаніи видѣлъ главное основаніе и вмѣстѣ мѣрило человѣческаго могущества: могущество человѣка, по Бэкону, настолько простирается, насколько простирается знаніе. Еще болѣе широкое значеніе знанію придаютъ французскіе философы. Каковы-бы ни были наши мнѣнія, говоритъ Дидро, нельзя не имѣть добрыхъ нравовъ, коль скоро три четверти жизни проводится въ изученіи наукъ ¹⁾. Знаніе, сказано въ *системѣ природы* Гольбаха, основанное на опытѣ, есть источникъ всякаго разумнаго дѣйствія. Физика и опытъ—вотъ тѣ руководители, съ которыми должно сообразоваться въ религіи, въ нравственности, въ законодательствѣ, равно какъ въ наукахъ и искусствахъ ²⁾. Сердце, воспламененное любовью къ истинѣ, говоритъ Ламетри, не чувствуетъ-ли себя, такъ сказать, вдругъ перенесеннымъ въ міръ болѣе прекрасный, гдѣ вкушаетъ удовольствія достойныя боговъ? Изъ всего, что есть привлекательнаго въ природѣ, ни что не сравнится съ притягательною силою философіи. Стоитъ представить только наслажденіе (*bonheur*), доставляемое простымъ размышленіемъ о мысляхъ другаго: какъ-же велико удовольствіе, когда у насъ рождаются собственныя мысли (*si l'on arrive à penser par soi-même*)? Что такое это рожденіе идей, производимыхъ любовью къ природѣ и изслѣдованіемъ истины? Изысканіе также нерѣдко рождаетъ экстазъ, какъ и любовь,—это каталепсія духа, очарованнаго предметомъ, который такъ его приковываетъ и прельщаетъ, что онъ кажется отрѣшеннымъ, чрезъ отвлеченіе, отъ своего собственнаго тѣла и отъ всего, что только окружаетъ его. Нѣтъ, завоеваніе цѣлаго міра не можетъ сравниться съ удовольствіемъ, которое философъ вкушаетъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный нѣмыми друзьями, однако говорящими ему то, что онъ желаетъ слышать. Видѣть всякій день, какимъ образомъ на глазахъ и собственными руками создается и возрастаетъ

¹⁾ *Memoires pour servir a l'histoire de la philosophie au XVIII. S. par Ph. Dairon, tome premier, p. 282.*

²⁾ *Diderot and the Encyclopaedists, by John Morley. 359. (Переводъ Невѣдомскаго, 370).*

дѣло, что можетъ быть сладостивѣ этого? Кто не пойметъ восхищеній Линнея при видѣ природы? Кто не пойметъ Мопергюи, оставляющаго столъ своего друга, наиболѣе великаго изъ королей, дабы посовѣтываться съ Ньютономъ? Что можетъ быть лучше очарованій, испытываемыхъ физиками, химиками, геометрами, особенно же медиками, обладающими великимъ искусствомъ лечить, которыхъ одинъ взглядъ, какъ бы посредствомъ магін, успокоиваетъ волненіе крови, низводитъ въ мятущуюся душу миръ и возраждаетъ сладкую надежду въ сердцахъ смертныхъ? Итакъ, первая польза наукъ въ томъ заключается, чтобы ими заниматься (*les cultiver*); это благо дѣйствительное и прочное. Счастливъ, кто имѣетъ склонность къ приобрѣтенію знаній (*le goût de l'étude*), а еще болѣе счастливъ тотъ, кому удастся посредствомъ знаній освободить свой умъ отъ иллюзій, а сердце отъ суетности. Такой человѣкъ научается мыслить,— по истинѣ знаніе рѣдкое, особенно въ людяхъ ученыхъ, а между тѣмъ оно должно быть плодомъ всѣхъ другихъ 1). Въ приведенныхъ выше словахъ Гольбаха указывается не только на то рѣшительное значеніе въ жизни, какое онъ придастъ знанію, но также и на то, какое именно знаніе, по его мнѣнію, имѣетъ наибольшую важность: только знаніе, основанное на опытѣ, служитъ источникомъ всякаго разумнаго дѣйствія. Ламетри также говоритъ объ удовольствіяхъ, достающихся на долю натуралистовъ, физиковъ, химиковъ, особенно медиковъ. Правда, онъ наиболѣе, кажется, прославляетъ философію. Но философію разумѣлъ онъ реальную, основанную на опытныхъ знаніяхъ, матеріалистическую. Еще Бэконъ, вида въ знаніи источникъ человѣческаго могущества, усвоилъ такое значеніе только знанію, основанному на опытѣ, каково именно знаніе законовъ природы. Далѣе Локъ, какъ мы видѣли, доказывалъ, что и всякое познаніе основывается на опытѣ, что опытъ есть единственный первоначальный источникъ всякаго познанія, ибо первичные элементы всякаго знанія, простыя идеи, заимствуются изъ опыта. Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи познанія французскіе философы тѣмъ охотнѣе соглаша-

1) *Memoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siecle, par Damiron, tome premiere, p. 16 (1858).*

лись, что рѣшеніе это исключало собою гипотезу о врожденныхъ идеяхъ, между тѣмъ какъ эта гипотеза, полагая въ числѣ прирожденныхъ идей идею Бога, тѣмъ самымъ давала нѣкоторую, немаловажную притомъ, опору для религіозной вѣры. И вотъ мы видимъ, что всѣ французскіе философы XVIII в.: Вольтеръ, Дидро, Кондильякъ, Гельвецій, Ламетра, Гольбахъ принимаютъ какъ-бы за аксіому то положеніе, что вначалѣ человѣкъ ничего не имѣетъ кромѣ пяти внѣшнихъ чувствъ, т. е. кромѣ способности чувственного воспріятія, что основная способность, которой мы обязаны всѣми приобрѣтеніями духовной жизни, всѣми идеями, познаніями, способностями и стремленіями—есть чувствительность. Локкъ признавалъ опытъ, т. е. наблюденіе, единственнымъ первоначальнымъ источникомъ идей, придавая однако нѣкоторое самостоятельное значеніе разсудку; но Кондильякъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе французскіе философы утверждали, что и самый разсудокъ есть не что иное, какъ дальнѣйшее послѣдствіе или видоизмѣненіе чувствительности. Вся древность, говоритъ Вольтеръ, полагала, что ничего нѣтъ въ нашемъ разсудкѣ (*entendement*), чего не было бы въ нашихъ чувствахъ. Декартъ въ своихъ романахъ (*sic*) утверждаетъ, что мы имѣемъ метафизическія идеи еще до знакомства съ грудью нашей кормилицы (*avant de connaître le tétou de notre nourrice*). Богословскій факультетъ отвергнулъ это ученіе не потому, что оно было ложно, а потому что было новостью; затѣмъ онъ принялъ это заблужденіе, потому что оно было разрушено Локкомъ, англійскимъ философомъ, и такъ какъ было нужно, чтобы англичанинъ былъ неправъ. Наконецъ, послѣ столь частой перемѣны мнѣнія, онъ рѣшился отвергнуть эту старую истину, что чувства—ворота для разсудка; онъ поступилъ въ этомъ случаѣ подобно задолжавшимъ правительствомъ, которыя то даютъ ходъ нѣкоторымъ векселямъ, то изъемяютъ ихъ изъ обращенія; но такъ было сдѣлано спустя долгое время послѣ того, какъ уже никто не желаетъ векселей этого факультета. Всѣ факультеты въ мірѣ не помѣшаютъ никогда философамъ видѣть, что мы начинаемъ съ ощущеній и что наша память есть не что иное, какъ продолженное ощущеніе. Человѣкъ, у котораго отъ рожденія не доставало-бы всѣхъ

пяти чувствъ, не имѣлъ бы никакой идеи, еслибы такой человекъ могъ жить. Понятія метафизическія не иначе возникаютъ, какъ при посредствѣ чувствъ. Развѣ возможно измѣрять кругъ или треугольникъ, не видя ихъ и не прикасаясь къ нимъ? Возможно ли образовать идею безконечнаго, не отодвигая границъ, а какимъ образомъ—переступить границы, не видя и не ощущая ихъ? Ощущеніе скрываетъ (*enveloppe*) въ себѣ всѣ наши способности, сказалъ великій философъ (Кондильякъ) ¹⁾. Ничто не возникаетъ въ разсудкѣ безъ представленія (*sans une image*). Чтобы вы пріобрѣли эту смутную идею о безконечномъ пространствѣ, для этого нужно вамъ имѣть образъ пространства въ нѣсколько шаговъ. Дабы у васъ могла явиться идея о Богѣ, для этого необходимо, чтобы сначала образъ какой-либо вещи, болѣе васъ могущественной, долгое время возбуждалъ вашъ мозгъ ²⁾. Нѣтъ чувствъ, говорилъ Ламетри, тогда и идей нѣтъ; меньше чувствъ, менѣе и идей, мало воспитанія—и идей немного; нѣтъ ощущеній, тогда и идей нѣтъ ³⁾. Въ своемъ сочиненіи *о духѣ*, именно въ первомъ разсужденіи (о духѣ въ себѣ самомъ) *Гельвецій* начинаетъ свое изслѣдованіе опредѣленіемъ духа, причемъ говоритъ, что подъ названіемъ духа должно разумѣть либо дѣйствіе способности мыслить, т. е. совокупность мыслей человека, либо самую способность мыслить, и затѣмъ чтобы видѣть, что такое духъ въ томъ и другомъ смыслѣ, онъ считаетъ нужнымъ показать, отъ какихъ причинъ происходятъ наши идеи. Таковыми причинами, производящими въ насъ идеи, онъ признаетъ двѣ способности: способность воспринимать впечатлѣнія отъ вещей внѣшнихъ, т. е. чувствительность, и способность сохранять воспринятія впечатлѣнія, т. е. память, которая, по Гельвецію, есть не что иное, какъ чувствительность продолжающаяся, но только уже осла-

¹⁾ Dictionnaire philosophique, art. sensation.

²⁾ Ibid. art. imagination (section II).

³⁾ Point de sens, point d'idées.

Moins on a de sens, moins on a d'idées.

Peu d'éducation, peu d'idées.

Point de sensations reçues, point d'idées.

Essai sur la Métrie par Nérée Querat, p. 67.

бывшая ¹⁾. Итакъ по своимъ взглядамъ на происхождение и сущность познанія философія французская XVIII в. была *сенсуалистическою*.

Послѣдовательный сенсуализмъ (т. е. признаніе чувствительности единственнымъ источникомъ идей) въ Англіи привелъ къ *скептицизму*. Ибо если основаніемъ нашего познанія служатъ единственно ощущенія, а ощущенія дамы въ нашемъ сознаніи, существуютъ только въ насъ, а не внѣ насъ, то о чемъ-либо существующемъ внѣ насъ, отдѣльно отъ ощущеній, мы ничего не знаемъ и не можемъ знать. Вотъ тотъ выводъ относительно познанія, къ какому пришелъ Юмъ. Знаніе наше ограничивается исключительно ощущеніями или идеями, т. е. воспроизведенными въ памяти ощущеніями и состоитъ въ разнообразномъ сочетаніи идей. Такая или иная ассоціація представленій и есть то, что мы называемъ знаніемъ. Важнѣйшими изъ ассоціацій, по всеобщему своему значенію, должны быть признаны: *идеи причинности и субстанціальности*. Въ силу понятія причинности мы признаемъ вещи дѣйствующими одна на другую, а также на насъ самихъ, равно какъ и себѣ усвояемъ такую-же способность дѣйствовать на что-либо иное, наконецъ на томъ-же понятіи опирается даже идея о Богѣ, какъ *причинѣ* міра и существующаго въ немъ порядка. На основаніи идеи субстанціальности мы усвояемъ представляемымъ нами вещамъ бытіе субстанціальное, т. е. отдѣльное отъ насъ, и такимъ образомъ является у насъ убѣжденіе въ бытіи внѣшняго міра, а также и собственное наше я отдѣляемъ отъ представленій, вслѣдствіе чего оно является намъ, какъ существо *само по себѣ* существующее. Между тѣмъ, когда намъ представляется, что извѣстная вещь производитъ другую или дѣйствуетъ на другую, производитъ извѣстную переменную въ другой, то въ сущности мы имѣемъ здѣсь только простую послѣдовательность идей, связанныхъ между собою силою привычки до такой степени, что стоитъ только возникнуть въ нашемъ сознаніи одной идеѣ, дабы вслѣдъ затѣмъ явилась и другая. Если также мы полагаемъ вещи существующими внѣ насъ, хотя на дѣлѣ что мы называемъ вещью есть лишь совокупность

¹⁾ Memoires... Damiron, tome premiere, p. 400.

представленій, то и это происходитъ отъ того, что постоянно повторяющееся сочетаніе однихъ и тѣхъ-же представленій сознается нами, имѣнно вслѣдствіе многократнаго повторенія, какъ нѣчто независимое и, слѣдовательно, отдѣльное отъ насъ. По тому-же самому и наше я, которое есть не что иное, какъ непрерывно продолжающійся рядъ представленій, мы различаемъ отъ самыхъ представленій.

Итакъ, по Юму, самыя крѣпчайшія, непреодолимая и основныя убѣжденія, неизмѣнно присущія общему человѣческому смыслу, дѣло привычки. Всякое убѣжденіе здраваго смысла есть послѣдствіе привычнаго для насъ сочетанія идей. Привычнымъ для насъ дѣлается то, что постоянно одинаковымъ образомъ повторяется. Отсюда, коль скоро многократно возобновляется въ нашемъ сознаніи въ извѣстномъ сочетаніи, одновременномъ или послѣдовательномъ, какая-либо группа идей, то сила сдѣлленія между ними дѣлается столь великою, что мы уже не можемъ представлять одной идеи безъ другихъ, съ нею обычно соединенныхъ. Не только поэтому въ практической жизни человѣка, но и вообще въ его сознаніи господствующее значеніе имѣетъ сила привычки, обычая; привычка властвуетъ не только надъ волею, но и надъ умомъ человѣка. И эта власть привычки состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ слѣпой непреодолимой вѣрѣ, внушаемой постоянно и независимо отъ нашей воли повторяющимися представленіями, въ ихъ необходимое для насъ и реальное значеніе.

Такой выводъ Юма о безусловномъ значеніи для человѣка обычая, привычки былъ вполнѣ въ духѣ англійскаго народа, который, какъ извѣстно, такъ высоко чтитъ преданія своей исторіи и свято хранитъ древніе обычаи, вообще отличается приверженностію къ старинѣ. Но означенный выводъ Юма не могъ быть усвоенъ французскими философами, не смотря на то, что повидимому онъ является у Юма прямымъ послѣдствіемъ сенсуализма, а сенсуализмъ, какъ выше показано, и у французскихъ философовъ XVIII вѣка сдѣлался общепринятымъ взглядомъ на познаніе. Дѣло въ томъ, что насколько высоко въ понятіяхъ англичанъ ставится авторитетъ общепринятаго, въ силу преданія, обычнаго, основаннаго на долговременной прак-

тивѣ жизни и образовавшагося подѣ вліяніемъ опыта многихъ поколѣній, настолько-же, на взглядѣ французскихъ философовъ, выше всякаго иного авторитета стоитъ авторитетъ разсудка, рефлектирующей силы личнаго сознанія. И англичане высоко цѣнятъ общій или здравый смыслъ, разсудокъ, но у нихъ здравый смыслъ собственно означаетъ принятіе въ руководство, и въ сужденіяхъ и въ дѣйствіяхъ, понятій общепризнаваемыхъ, повсюду распространенныхъ въ обществѣ. Для французовъ-же разсудокъ есть по преимуществу сила личнаго разумѣнія. Различіе это въ умственномъ направленіи англичанъ и французовъ отпечатлѣлось даже на характерѣ стремленій ихъ первыхъ представителей новой философіи. Бэконъ смотрѣлъ на предпринятую имъ реформу наукъ не какъ на свое личное дѣло, но какъ на дѣло общее, выполненіе котораго онъ предоставлялъ будущему. Напротивъ, Декартъ прямо говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду преобразовать лишь собственные свои мысли, не навязывая другимъ того, къ чему онъ пришелъ. Съ этимъ ограниченіемъ своей философской дѣятельности сферою личнаго сознанія, своего разумѣнія, у Декарта соединяется увѣренность въ непогрѣшимости разума. По Декарту разумъ не можетъ заблуждаться, такъ какъ самъ въ себѣ обладаетъ истиною, и задача философіи состоитъ лишь въ томъ, чтобы обладаемое разумомъ сдѣлать, посредствомъ методическаго размышленія, ясно и раздѣльно сознаваемымъ. Напротивъ, Бэконъ съ недоувѣріемъ относится къ человѣческому уму, однакожъ настолько, насколько дѣятельность умственная является привязанною къ личному сознанію. Въ этомъ именно смыслѣ, какъ обнаруженіе личнаго разумѣнія, умъ человѣческій представляется Бэкону недостаточнымъ для пріобрѣтенія истинныхъ знаній. Познаніе истинное и плодотворное не достижимо путемъ единоличныхъ усилій, ибо такое познаніе должно быть заимствовано не изъ малаго (т. е. личнаго), а изъ великаго міра, общаго для всѣхъ, слѣдовательно оно должно быть дѣломъ общимъ; а такимъ оно можетъ быть только при существованіи метода для всѣхъ пригоднаго, который-бы регулировалъ употребленіе личнаго разума и чрезъ то направлялъ-бы усилія отдѣльныхъ личностей къ общей цѣли.

Однакожь, какъ мы видѣли, между раціонализмомъ Декарта и эмпиризмомъ Бэкона произошло сближеніе въ философіи Локка. Поэтому раціонализмъ мы видимъ и въ англійской философіи, но здѣсь онъ не былъ до такой степени вліятельнымъ, какимъ оказался потомъ во Франціи. Вотъ какимъ образомъ раціонализмъ былъ введенъ, такъ сказать, въ англійскую философію Локкомъ. Цѣль, какую Бэконъ предназначалъ наукѣ, заключается въ изученіи природы, въ познаніи ея законовъ. Но природа существуетъ и дѣйствуетъ не только внѣ насъ, а также и въ насъ самихъ. Слѣдуетъ ли человѣка отдѣлять и противопоставлять природѣ? Не человѣка слѣдуетъ отдѣлять отъ природы, а въ самомъ человѣкѣ, именно въ его дѣятельности, въ понятіяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ несомнѣнно существующее различіе натуральнаго, т. е. согласнаго съ его природою и противонатуральнаго, т. е. искусственно измышленнаго, необходимо имѣть въ виду. Уже Декартъ разумъ обозначаетъ характеристическимъ именемъ *натуральнаго свѣта*, противопоставляя этотъ натуральный свѣтъ *откровенію*, какъ сверхъ-натуральному источнику познанія. Но кромѣ этой противоположности натуральнаго и *сверхъ-натуральнаго*, есть еще противоположность натуральнаго и *противо-натуральнаго*, или по крайней мѣрѣ, искусственнаго. Эту именно послѣднюю противоположность имѣли въ виду англійскіе деисты и моралисты, когда отыскивали натуральныя основанія какъ для религіозной вѣры, такъ и для морали. Но прежде всего въ самомъ познаніи не проявляется ли тоже различіе натуральнаго и *противо-натуральнаго*? Дѣйствительно, Локкъ имѣлъ въ виду выяснить по преимуществу натуральный образъ дѣятельности нашего разума. Но Локку разумъ вообще состоитъ въ усмотрѣніи согласія или несогласія между идеями, и такое усмотрѣніе бываетъ или непосредственное (познаніе интуитивное), или же при посредствѣ иныхъ идей, ближайшимъ образомъ относящихся къ тѣмъ идеямъ, согласіе или несогласіе которыхъ требуется опредѣлить (познаніе демонстративное). Локкъ утверждалъ при этомъ, что разумъ самъ по себѣ имѣетъ свойство усматривать согласіе или несогласіе идей между собою, не нуждаясь для этого въ какомъ-либо искусственномъ

орудіи, каковы напримѣръ различныя формы силлогизмовъ. „Есть, говоритъ онъ, глаза, которые нуждаются въ очкахъ, чтобы видѣть ясно и раздѣльно предметы; но тѣ, которые ими пользуются, не должны, по этой причинѣ, говорить, что никто не можетъ хорошо видѣть безъ очковъ. Вполнѣ основательно можно сказать о тѣхъ, кто такъ поступаетъ, что они упижуютъ *природу* въ пользу *искусства*, которому они, быть можетъ, обязаны. Когда разумъ твердъ и приученъ къ соответственному ему дѣйствию, то онъ видитъ быстрѣе и съ большею ясностію, чрезъ собственное проникновеніе, безъ помощи силлогизма, чѣмъ при его посредствѣ“¹⁾. Если же всякія искусственныя орудія и правила для разума излишни въ дѣлѣ познанія истины, то не должно ли быть употребленіе разума вполнѣ свободнымъ и въ той области, гдѣ по преимуществу стѣсняется свобода разума,—именно въ области религіозной вѣры? И здѣсь разумъ долженъ быть вполнѣ свободнымъ и свобода эта должна состоять въ томъ, чтобы каждому предоставлялось принимать за истину лишь то, что можетъ быть оправдано доказательствами убѣдительными для разума. „Я считаю, говоритъ Локкъ, нужнымъ замѣтить, что сколько бы ни противоплагали вѣру разуму,—она есть не что иное, какъ твердое признаніе ума, каковое признаніе, если только оно направляется должнымъ образомъ, не можетъ быть дано никакой вещи иначе, какъ только въ силу достаточныхъ основаній, и слѣдовательно, вѣра на самомъ дѣлѣ не можетъ быть противоположна разуму. Тотъ, кто вѣритъ, не имѣя никакого основанія вѣрить, быть можетъ влюблеть въ свои собственныя фантазіи, но нельзя сказать, что онъ ищетъ истины, и что онъ оказываетъ должное повиновеніе своему Господу, Которому конечно угодно, чтобы каждый пользовался познавательными своими способностями, какими одаренъ для предохраненія себя отъ заблужденій и ошибокъ“²⁾. Но противъ этого усвоенія разуму рѣшающаго значенія въ дѣлѣ вѣры, породившаго англійскій деизмъ, *Додвелъ* указалъ на то, что вѣра не была бы общеобязательною, если бы подлежало доходить до нея путемъ

1) Ess. concern. human. understand, IV, XVII § 4.

2) Ibid, IV, XVII, § 23.

предварительныхъ изысканій разума, къ чему не всё даже и способны; въ такомъ случаѣ было бы скорѣе обязательно невѣріе, ибо научное безпристрастіе требуетъ не держаться никакого опредѣленнаго рѣшенія прежде всесторонняго и тщательнаго изслѣдованія вопроса. Далѣе Додвелъ возражалъ, что хотя бы даже вѣра и могла быть плодомъ предварительныхъ научныхъ изысканій, но такая вѣра была бы не въ состояніи побѣдить міръ, она была бы лишена твердости и непоколебимости свойственной истинной вѣрѣ; на этомъ основаніи вопросъ о происхожденіи вѣры религіозной онъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что истинная вѣра есть непосредственное дѣйствіе божественной благодати на духъ человѣка и, слѣдовательно, отъ разума, человѣчества независима ¹⁾. Въ свою очередь Юмъ, какъ это уже было представлено, доказывалъ, что значеніе разума, даже въ собственно ему принадлежащей области, именно въ познаніи, крайне ограничено; ибо чтò мы называемъ познаніемъ, по теоріи Юма, есть дѣло не столько разума, сколько привычки; большею частью оно опирается не на доказательства, строяемыхъ разумомъ, а на привычкой для насъ ассоціаціи идей.

Такимъ образомъ, хотя въ Англіи и было выражаемо требованіе безусловной свободы разума, или, по крайней мѣрѣ, такая свобода была признаваема необходимымъ условіемъ для познанія истины не въ наукѣ только, но и въ религіи, однако наряду съ этимъ были также указываемы и ограниченія, которыми разумъ нашъ частію подлежитъ по самой своей природѣ, а частію и долженъ подлежать въ силу требованій, представляемыхъ жизненнымъ опытомъ. И эти ограниченія всегда съ такою живостію были сознаваемы и такъ твердо признавалось обязательное или необходимое ихъ значеніе, что свобода мысли никогда на самомъ дѣлѣ тамъ не выходила изъ должныхъ предѣловъ. Достаточно сказать, что хотя англійскіе философы и противопоставляли натуральное искусственному, однако никогда это противоположеніе не доходило до рѣшительнаго предпочтенія всему искусственному, т. е. созданному исторіею и разумомъ человѣческимъ, чисто натуральнаго строя жизни. Во-

¹⁾ См. Victor Lechler, Geschichte des englischen Deismus, 1841.

обще рационализмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно признать основателемъ его Декарта, въ смыслѣ господства рефлектирующей силы личнаго сознанія, не могъ проявиться въ Англии во всей силѣ, такъ какъ вліяніе его на умы въ значительной степени было ограничено искони существовавшимъ тамъ уваженіемъ къ практикѣ жизни. Это видно уже изъ того, что даже Локкъ, не смотря на то, что, повидимому, требовалъ вполне свободнаго употребленія разума даже въ отношеніи предметовъ религіозной вѣры,—однимъ изъ главныхъ основаній или критеріевъ, съ которыми должно сообразовать свои рѣшенія и сужденія въ дѣятельности нравственной,—признавалъ общественное мнѣніе, т. е. общепринятая, слѣдовательно выработанная самою жизнію понятія о добромъ и дурномъ.

Иное мы видимъ во Франціи. Здѣсь господство рационализма, въ смыслѣ разсудочной рефлексіи, было неограничено и потому представляетъ наиболѣе выдающуюся черту во французской философіи. По Декарту, разумъ въ своихъ выводахъ долженъ опираться на основаніяхъ, содержащихся въ немъ самомъ, т. е. на прирожденнымъ ему идеямъ и положеніямъ. Отсюда Декартъ признавалъ первою и главнѣйшею задачею философіи сдѣлать выводъ основныхъ положеній или принциповъ, съ тѣмъ чтобы, уже при посредствѣ этихъ принциповъ, могло быть выведено все дальнѣйшее познаніе. Такимъ образомъ, само по себѣ предположеніе о врожденныхъ идеяхъ предопредѣляло систематическое и строго послѣдовательное построеніе философіи. Когда-же вслѣдъ за Локкомъ французскіе философы отвергли гипотезу о врожденныхъ идеяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе Декартовой философіи—установить прежде всего принципы, сдѣлать выводъ основныхъ положеній,—должно было утратить свое значеніе. Было признано, что никакихъ необходимыхъ истинъ, прирожденныхъ разуму, нѣтъ, а потому основаніемъ или исходнымъ пунктомъ рефлектирующаго мышленія теперь служить обыкновенно не общее какое-либо положеніе, признаваемое необходимою истинною, а случайно, на удачу взятый фактъ, отдѣльное наблюденіе, односторонне понятое; отсюда и самыя разсужденія французскихъ философовъ отличаются характеромъ случайности: системы никакой, а лишь

случайныя размышленія по случайнымъ поводамъ; если въ чемъ и является французская философія систематическою, то лишь въ отрицаніи, доводя это отрицаніе до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Ибо вмѣсто уваженія, воспитаннаго историческимъ опытомъ, къ основнымъ началамъ общественнаго благоустройства, мы видимъ здѣсь полное недовольство тогдашнимъ состояніемъ жизни и рѣшительное отрицаніе. Какъ въ теоріи познанія была отвергнута гипотеза, нѣкоторымъ образомъ вѣра въ существованіе необходимыхъ и всеобщихъ истинъ разума, такъ и по отношенію къ самой жизни никакое изъ основныхъ началъ существовавшаго порядка вещей не было признаваемо необходимымъ и общеобязательнымъ. Теоретическій радикализмъ въ Англіи не сопровождался радикализмомъ практическимъ вслѣдствіе того уваженія къ обычаю и преданію, какое тамъ всегда существовало. Напротивъ, во Франціи на все созданное исторіею смотрѣли какъ на искаженіе нормальнаго состоянія жизни, а нормальнымъ состояніемъ признавалось лишь чисто натуральное, т. е. которое таковымъ считали. „Все хорошо, говоритъ Ж. Ж. Руссо, что выходитъ изъ рукъ Творца всѣхъ вещей; все извращается въ рукахъ человѣка“. Итакъ все выработанное собственною дѣятельностію человѣка, все нажитое долговременнымъ историческимъ опытомъ и созданное разумомъ,—все это не слѣдуетъ относить къ природѣ человѣка, къ ея необходимымъ потребностямъ и проявленіямъ; напротивъ, все это нужно исключить, чтобы составить вѣрное понятіе о томъ, что такое человѣкъ по существеннымъ свойствамъ своей природы и чѣмъ онъ долженъ быть. Человѣкъ могъ только извратить свою природу, подобно тому какъ онъ извращаетъ природу другихъ существъ. А потому все достигнутое человѣкомъ, всѣ основныя начала выработанной исторіею жизни, все это должно быть отброшено, коль скоро требуется опредѣлить, какова истинная природа человѣка; руководящими основаніями въ рѣшеніи этого вопроса должны служить единственно такія проявленія и свойства человѣка, которыя неизмѣнно и необходимо ему присущи, при всѣхъ условіяхъ его существованія, и слѣдовательно должны быть принадлежностію его въ самомъ первобытномъ его состояніи, когда человѣкъ

еще могъ измѣниться подѣ вліаніемъ искусственныхъ условій быта. Отсюда особенную важность получаетъ вопросъ о первобытномъ состояніи человѣка. Вопросъ этотъ, конечно, могъ рѣшаться только произвольно, ибо при этомъ теорія впадала въ безысходный кругъ, такъ какъ первобытное состояніе человѣка приходилось опредѣлять по тѣмъ свойствамъ, которыя признавались первоначальными и необходимыми, а самія эти свойства указывались сообразно съ тѣмъ, какъ было понимаемо первобытное состояніе человѣка. Впрочемъ, важнѣйшій интересъ подобныхъ соображеній заключался единственно въ отрицательной критикѣ существующихъ формъ жизни и ея проявленій въ религіозно - нравственной и политико - общественной сферахъ.

Въ особенности религія, со всѣмъ принадлежащимъ къ ней, подвергалась наиболѣе усерднымъ, самымъ настойчивымъ и многообразнымъ нападеніямъ французскихъ философовъ. Это и не удивительно; ибо весь строй жизни въ наибольшей степени опредѣлялся тогда религіозными вѣрованіями и обычаями. И прежде всего теологію требовалось устранить, какъ важнѣйшее наслѣдіе средневѣковой учености, между тѣмъ какъ все средневѣковое нужно было разрушить, чтобы основать жизнь на совершенно новыхъ началахъ, на началахъ гуманизма, главное достоинство котораго въ томъ и полагалось именно, что онъ ни въ чемъ не расходился съ первобытными свойствами и требованіями природы, напротивъ вполне согласовался съ природою человѣка. Важнѣйшимъ представителемъ французскаго раціонализма въ этомъ именно отношеніи, насколько т. е. онъ проявился въ отрицательной критикѣ религіозныхъ установленій и вѣрованій, слѣдуетъ признать *Вольтера*.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

П И С Ь М О I *).

УДОВОЛЬСТВИЕ — НЕ РАДОСТНОЕ ДОВОЛЬСТВО; ПОСЛѢДНЕЕ ИСХОДИТЬ ИЗЪ САМОУГЛУБЛЕНІЯ И САМОИЗУЧЕНІЯ.

Большое удовольствіе испыталъ я отъ твоего письма: позволь мнѣ употреблять слова въ обыденномъ ихъ значеніи, и не возводи ихъ до значенія ихъ у стоиковъ. Мы думаемъ, что удовольствіе—порокъ. Пусть такъ; однако мы это слово обыкновенно употребляемъ для указанія на свѣтлое настроеніе души. Я знаю, что и удовольствіе, если распредѣлять слова по нашему словарю, есть вещь, не къ чести служащая; знаю и то, что радость ни съ кѣмъ не соприкасается, кромѣ мудраго. Ибо она есть высокій полетъ души, довѣряющей своимъ нетипнымъ благамъ. Въ обыденной жизни мы однако выражаемся такъ, какъ будто бы говорили, что великую радость доставило намъ избраніе въ консулы того или другаго, или сватьба, или разрѣшеніе отъ бремени; хотя все эти вещи столь немного имѣютъ радостнаго, что не рѣдко бывають началомъ грядущей скорби. Съ радостью же сопряжено свойство не прекращаться и не обращаться въ противоположное. Итакъ когда нашъ *Виргилій* говоритъ: „и несчастныя радости души“, хотя и выразительно онъ говоритъ, но не совѣмъ точно, ибо нѣтъ радости, заключающей въ себѣ несчастіе. Онъ это выраженіе **) приложилъ къ удовольствіямъ, и, что хотѣлъ, от-

*; Ер. 59.

**); Mala gaudia mentis.

мѣтлѣ; ибо онъ обозначилъ людей, которые радуются собственному несчастію. Оттого-то я не безъ причины сказалъ, что отъ твоего письма воспринялъ большое удовольствіе. Ибо хотя бы по справедливой причинѣ былъ радостенъ не имѣющій опытности человѣкъ, все-таки настроеніе его, не властвующее собой и готовое склониться тотчасъ же къ противоположному, я называю *страстнымъ волненіемъ*, — удовольствіемъ, возбуждающимся отъ представленія о лживомъ благѣ, несоразмѣреннымъ и пепомѣрнымъ. — Но, дабы воротиться къ предмету рѣчи, послушай, что меня порадовало въ твоемъ письмѣ. Ты управляешь словами: рѣчь у тебя не льется черезъ край, и не заноситъ тебя дальше, чѣмъ ты назначилъ. Есть много людей, которые красотой какого-нибудь любимаго слова увлекаются писать въ смыслѣ, въ какомъ и не предполагали. Съ тобою этого не бываетъ: все, *что ты пишешь*, сжато и находится въ ладу съ дѣломъ. Ты говоришь, сколько желаешь, и даешь знать больше, чѣмъ сказалъ: это указываетъ на дѣло еще большей важности. Ясно, что и душа твоя не имѣетъ ничего ни излишняго, ни чрезмѣрнаго. Впрочемъ, я нахожу у тебя образно употребляемыя выраженія *), не безразсудно смѣлыя и настолько удачныя, что они вошли уже въ употребленіе. Я *тутъ* нахожу также картинныя выраженія; и если кто запрещаетъ намъ пользоваться ими, и рѣшаетъ, что онѣ могутъ быть предоставлены однимъ поэтамъ, — тотъ, мнѣ кажется, не читалъ никого изъ древнихъ, которые *однако* еще не гоцились за рѣчью, улавливающею рукоплесканія толпы. Эти мужи, высказывавшіеся просто и съ намѣреніемъ предположить ясно предметъ, свое изложеніе испещрили уподобленіями: я вывожу необходимость ихъ не изъ той причины, какъ поэты, а изъ того, что они служатъ подспорьемъ нашему слабо идущему впередъ языку, и потому, что онѣ и говорящему и слушающему дѣло представляютъ до наглядности. Вотъ теперь, когда я особенно читаю Секстія **), остроумнаго мужа,

*) Въ риторикѣ называемыя метафорами.

**) Секстія — знаменитый римлянинъ изъ времени первыхъ императоровъ, пытавшійся согласить строгое нравственное ученіе школы стоиковъ съ пифагорейскою системою.

излагавнаго свои философскія воззрѣнія на языкѣ грековъ, но въ духѣ римлянъ,—меня поражаетъ слѣдующее сравненіе, употребленное имъ: „войско,—говоритъ онъ,—которому врагъ чудится отовсюду, двигается четырехъ - угольникомъ, чтобы быть готовымъ къ битвѣ. То-же долженъ дѣлать и мудрый: свою доблестность онъ долженъ развивать со всѣхъ сторонъ, дабы, гдѣ ни явится что-либо враждебное, наготовѣ была защита, и, по маповенію вождя, безъ смущенія дѣлала врагу отпоръ. Что, какъ мы видѣли, дѣлается въ войскахъ, которыя размѣщаются великими полководцами такъ, чтобы распоряженіе вождя всѣ отряды могли замѣтить въ одно время,—такъ располагаются, чтобы по данному сигналу и пѣхота и конница могла выступить въ одно время,—то въ гораздо большей степени необходимо намъ“. Вѣдь войска часто боятся врага безъ причины, и переходъ, который подозрительному взору только что казался опаснѣйшимъ, бываетъ самымъ безопаснымъ. Для неразумія пѣтъ перемірія: боязнь у него тѣмъ больше поднимается, чѣмъ оно глубже ютится *въ челоуѣкъ*; она присаживается къ нему съ обонхъ боковъ. Опасности рядомъ съ нимъ и навстрѣчу ему идутъ—оно предъ всѣмъ дрожитъ; оно не привелепо въ оборонительное положеніе, и охватывается страхомъ даже предъ идущей помощью. А мудрый, укрѣпленный противъ всякаго набѣга и съ не престающею мыслью о его возможности, не обратится всячь, придавливая ли его бѣдность, скорбь, безславіе, или страданіе. Безъ боязни онъ пойдетъ противъ нихъ и среди нихъ. Многія вещи заключаютъ насъ въ оковы, многія обезенливаютъ насъ: мы давно погрязли въ порокахъ; трудно смыть ихъ, ибо мы не просто загрязнены, но насквозь пропитаны ими.

Дабы не перебрасываться съ одного предмета на другой, я желалъ бы спросить о томъ, что часто самъ съ собою разбираю: отчего это такъ упорно завладѣло нами неразуміе? Во-первыхъ, отъ того, что не отталкиваемъ его съ твердостью, и не цѣпляемся со всѣмъ напряженіемъ силъ за спасительное; во-вторыхъ, потому, что мудрыми мужами найденнымъ *спасительнымъ средствамъ* не достаточно вѣримъ, и не воспринимаетъ ихъ открытыми сердцами, и становимся въ легкомыс-

ленное отношеніе къ такому важному дѣлу. Какъ можетъ усвоить себѣ науку противъ пороковъ, насколько это необходимо, тотъ, который изучаетъ ихъ, только пока пороки не занимаютъ у него всего времени? Никто изъ насъ не спустился въ глубь *этого знанія*; мы только срывали верхушки; и потратить малость времени для философіи, при нашей занятости, для насъ было довольно и даже изобильно. То особенно задерживаетъ наше шествіе впередъ, что мы слишкомъ скоро заключаемъ миръ сами съ собой: пайдется человѣкъ, который назоветъ насъ честными, благоразумными, непорочными мужами, — мы признаемъ это за подлинное. Нѣтъ въ насъ довольства хвалой *неполной*, умеренной: все, что соберетъ для насъ безстыдная лесть, мы забираемъ къ себѣ, какъ должное; всѣмъ увѣряющимъ, что мы люди самые благонастроенные и съ высоко развитымъ вкусомъ къ мудрости, мы не противорѣчимъ, хотя и знаемъ, что они нерѣдко вѣщаютъ прямую ложь. И до того мы цотакаемъ себѣ, что желаемъ похвалы себѣ за то, въ чемъ мы поступаемъ какъ-разъ наоборотъ. Иной охотно прислушивается къ тому, какъ его называютъ самымъ мягкосердымъ при его мучительствѣ, самымъ щедрымъ при грабительствѣ, самымъ воздержнымъ при его склонности къ излишествамъ въ питъѣ и похотливости. Отсюда слѣдуетъ, что мы не хотимъ перемѣниться оттого, что мнимъ видѣть въ себѣ лучшихъ людей. Александръ, когда уже дѣлалъ походы въ Индію и производилъ военныя опустошенія среди племенъ, даже и сосѣдямъ недостаточно извѣстныхъ, — при осадѣ одного города, объѣзжая стѣны и отыскивая слабѣйшія мѣста крѣпости, былъ пораженъ стрѣлой; не смотря на это, упорно продолжалъ въ теченіи долгаго времени держаться на конѣ и вести начатое дѣло. Но когда, послѣ унявшейся крови, боль въ сухой ранѣ усилилась, и свѣшивавшаяся при сидѣньѣ на конѣ голень мало-по-малу сдѣлалась какъ деревянная, — то, принужденный слѣзть, онъ сказалъ: „всѣ съ клятвой увѣряютъ меня, что я сынъ Юпитера, а рана эта кричитъ о томъ, что я человѣкъ“. Не мѣшаетъ и намъ поступать точно такъ-же. Теперь, когда лесть ослѣпляетъ насъ, cadaго въ свою мѣру, — будемъ говорить *льстецамъ*: „вы утверждаете, положимъ,

что я человѣкъ благоразумный; но самъ-то я вижу, какъ много я похотствую такого, что для меня бесполезно, какъ много желаю изъ того, что мнѣ послѣ повредитъ. Я не распознаю даже того, на что указываетъ животнымъ сытость; я не беру съ тѣмъ, какая должна быть мѣра пищи и питья: я еще не вѣдаю, сколько воспринимать того и другаго“. Теперь я научу тебя, какъ ты можешь дойти до мысли, что ты еще — не мудрый. Мудрый полонъ радости, свѣтелъ и миренъ, безтревоженъ; его жизнь течетъ точно такъ-же, какъ жизнь боговъ. Допроси теперь себя самъ: если ты никогда не бываешь унылъ, если ни одна мысль не тревожитъ твоей души при взглядываніи въ будущее, если топъ душевной жизни въ теченіи сутокъ стоитъ на одинаковой высотѣ и душа неизмѣнно остается въ согласіи сама съ собой, — то ты дошелъ до вершины человѣческаго блага. Но если ты посвящаешь на чувственныя удовольствія, повсюду, и на всякія: то знай, что тебѣ столько же не хватаетъ до мудрости, сколько и до радости. Ты желаешь добыть ее, но ты ошибаешься, когда надѣешься дойти до нея среди богатства. Ты ищешь ее среди почестей, т. е. среди безпокойствъ? Эти вещи, къ которымъ ты такъ порываешься, какъ имѣющимъ доставить радость и удовольствіе, суть источники скорбей. Всѣ, говорю я, имѣютъ притязаніе на радость; но не вѣдаютъ того, откуда приходитъ продолжающаяся и сильная радость. Одни думаютъ — отъ участія въ пирушкахъ и извѣженной, ни въ чемъ себѣ не отказывающей, жизни; другой — отъ удовлетвореннаго честолюбія и отъ почтительно толпящейся около него свиты кліентовъ; третій — отъ взаимности любви; иной видитъ се въ безплодномъ хвастовствѣ тѣмъ, что онъ занимается изящными искусствами и ни мало его не улучшающими науками. Всѣхъ этихъ людей отвлекаютъ въ сторону обманчивыя и кратковременныя улады, такія, какъ, *напримѣръ*, удовольствіе опьяненія, которое за одинъ часъ безумнаго веселья расплачивается долговременной тоской, — или милость и одобреніе рукоплещущей и радостно привѣтствующей толпы, которая пріобрѣтается и искупаются великимъ безпокойствомъ. Итакъ, подумай объ этомъ: эта равномерность радости есть со-

стояніе, совершающееся дѣйствиємъ мудрости. Настроеніе мудраго—какъ надзвѣздное небо: тамъ всегда ясно. Теперь не скажешь, что нѣтъ основанія желать себѣ мудрости: она вѣдь никогда не существуетъ отдѣльно отъ радости. И радость эта рождается только тамъ, гдѣ есть сознаніе мужественной доблестности. Радости не можетъ быть ни у кого, кромѣ твердаго духомъ, справедливаго, соблюдающаго мѣру. Что-же? скажешь, глупые и злые не имѣютъ радости? Не болѣе, чѣмъ лвы, заолучившіе добычу. вмѣстѣ съ утомленіемъ отъ вина и похотливости, послѣ того какъ ночь промелькнетъ въ *чаду* порочныхъ дѣяній, послѣ того какъ въ малопомѣстительное тѣло введенныя свыше его силъ удовольствія начнутъ подрѣзывать здоровье,—тогда несчастнымъ этимъ остается изъ глубины души произнести этотъ стихъ Виргилія:

Какъ провели мы послѣднюю ночь, погружившись въ утѣхи,
Ложь намъ гласящія, помнишь? *)

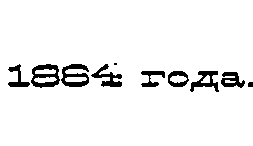
У изнѣженныхъ всякая ночь проходитъ среди несущихъ разочарованіе утѣхъ, какъ будто она самая послѣдняя *въ ихъ жизни*. А то радованіе, которое сожителствуетъ съ богами, и съ людьми, ревнующими о состояніи, свойственномъ Божеству, не прерывается, ни конца не имѣетъ; оно прекращалось-бы, когда свой источникъ имѣло-бы отъинуду: поелику-же оно не есть чуждый даръ, то и отъ чужаго произвола не зависитъ. Чего не давала судьба, того и отнять не можетъ.

*) Аен. VI, 513.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1884 года.

Содержаніе: Уставы и штаты православныхъ духовныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1883⁸⁴ учебный годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

УСТАВЫ И ШТАТЫ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ И УЧИЛИЩЪ.

Уставъ православныхъ духовныхъ семинарій.

(Продолженіе *)

Гл. XII.— О помѣщеніи и содержаніи учениковъ семинаріи.

§ 152. Ученики семинаріи помѣщаются на житье или въ самой семинаріи, согласно § 12 устава, или у родителей и родственниковъ, или же на наемныхъ квартирахъ.

§ 153. Казеннокоштные, живя въ семинаріи, пользуются отъ нея полнымъ или половиннымъ содержаніемъ. Своекоптные принимаются или *полными пансіонерами*, или въ качествѣ *полупансіонеровъ*, не получающихъ изъ полнаго содержанія только одежды.

§ 154. Плата за полныхъ пансіонеровъ, также и за тѣхъ, которые пользуются отъ семинаріи только помѣщеніемъ и столомъ, опредѣляется, по представленію правленія семинаріи, епархіальнымъ архіереемъ, для каждой мѣстности особо, сообразно съ потребными на то или другое содержаніе расходами.

§ 155. Плата вносится по третямъ года, въ теченіе первой половины перваго третяго мѣсяца; не удовлетворившіе этому требованію, по истеченіи означеннаго срока, увольняются изъ семинарскихъ общежитій, при-

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 20.

чемъ съ нихъ взыскиваются слѣдующія по расчету деньги за неоплаченное время.

Примѣчаніе. За ученика, поступающаго въ семинарское общежитіе не съ начала трети, плата взимается по расчету времени съ 1 числа того мѣсяца, въ который поступилъ воспитанникъ.

§ 156. Въ случаѣ выбытія ученика изъ общежитія до истеченія трети, полученныя за него деньги не возвращаются.

§ 157. Классныя комнаты и, отдѣльно отъ нихъ, спальни по вѣстности должны соответствовать числу назначаемыхъ въ тѣ и другія учениковъ.

§ 158. Больницы при семинаріяхъ устроятся въ тѣхъ-же семинарскихъ здапіяхъ, но, по возможности, отдѣльно отъ жилыхъ ученическихъ помѣщеній, и содержатся во всѣхъ отношеніяхъ соответственнo ихъ назначенію.

§ 159. Всѣ ученическія помѣщенія въ семинаріяхъ должны быть какъ можно чаще освѣжаемы воздухомъ, надлежаще отопляемы и освѣщаемы.

§ 160. Чистота и опрятность въ содержаніи ученическихъ помѣщеній, а также всѣхъ вещей, служащихъ къ употребленію учениковъ, должны быть наблюдаемы со всею строгостію.

§ 161. Пища дается воспитанникамъ простая, но изъ свѣжихъ припасовъ и въ достаточномъ количествѣ при завтракѣ, обѣдѣ и ужинѣ.

§ 162. Одежду носятъ ученики однообразную и приличную, соответственнo временамъ года. Правило это распространяется и на всѣхъ приходящихъ учениковъ.

§ 163. Число вещей, выдаваемыхъ ученикамъ изъ одежды, обуви и бѣлья, и сроки пользованія оными, опредѣляются, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, правленіемъ семинаріи.

§ 164. При окончаніи курса, казеннокоштнымъ ученикамъ предоставляется право удерживать за собою находившіеся у нихъ въ употребленіи платье и бѣлье.

§ 165. Правила, изложенныя въ §§ 159 и 160, распространяются и на наемныя квартиры своекоштныхъ учениковъ.

§ 166. Квартиры эти должны быть наняемы, по возможности, ближе къ семинаріи, у семейныхъ обывателей съ добрымъ именемъ, преимущественно у духовныхъ.

§ 167. Начальство семинаріи, наблюдая за образомъ жизни воспитанниковъ на вольнонаемныхъ квартирахъ, обращаетъ, вѣстѣ съ тѣмъ, постоянное вниманіе на благонадежность, въ нравственномъ отношеніи, лицъ, отдающихъ квартиры, и другихъ живущихъ съ ними.

§ 168. Въ случаѣ сомнѣній въ благонадежности сихъ лицъ, начальству семинаріи предоставляется требовать отъ родителей немедленнаго перемѣщенія ихъ дѣтей на другія квартиры и вообще указывать родителямъ людей, извѣстныхъ правленію семинаріи.

§ 169. Казеннокоштные ученики семинаріи, въ случаѣ выхода изъ духовнаго званія и вѣдомства въ гражданское до окончанія учебнаго курса или послѣ оного, обязываются возвратить сумму, употребленную на ихъ содержаніе. Правленію семинаріи предоставляется разсрочивать, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, взыскиваемую уплату.

§ 170. Содержаніе всей семинаріи опредѣляется приложеннымъ къ уставу штатомъ.

Гл. XIII.—О правахъ и преимуществахъ семинарій.

§ 171. Семинарія имѣютъ собственныя печати, большую и малую, съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: „печать правленія такой-то семинаріи“.

Примѣчаніе. Большая печать хранится у ректора, а малая — у секретаря правленія.

§ 172. Семинарія свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправление по дѣламъ ихъ и за ихъ печатью бумаги и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 173. Семинарія свободны отъ гербоваго сбора, отъ платежа крупнотныхъ и пныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всемъ касающимся до нихъ дѣламъ.

§ 174. Семинарскія зданія свободны отъ квартирной повинности, какъ построекъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правло сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ семинаріямъ зданій, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ.

§ 175. Права и преимущества служащихъ при семинаріи лишь опредѣляются особымъ положеніемъ.

§ 176. Ученики, окончившіе полный курсъ ученія въ семинаріи по первому разряду, получаютъ званіе студента.

§ 177. Студенты семинаріи, при опредѣленіи на епархіальную или духовно-училищную службу, пользуются преимуществами предъ неполучившими сего званія; въ случаѣ же поступленія на гражданскую службу, опредѣляются въ оную, безъ различія состоянія, съ чиномъ четырнадцатаго класса.

§ 178. Ученики, получившіе свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса ученія въ семинаріи, но не удостоенные званія студента, въ случаѣ поступленія на гражданскую службу, если по пропхожденію имѣютъ право на оное, производятся въ первый классный чинъ, по выслугѣ сроковъ, опредѣленныхъ въ 309 ст. Свода законовъ т. III. Уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства (изд. 1876 г.).

§ 179. Аттестаты, выдаваемые окончившимъ курсъ ученія въ семинаріи, принимаются въ соображеніе при поступленіи ихъ въ духовныя академіи и другія высшія учебныя заведенія, на основаніи уставовъ сихъ заведеній.

Росписаніе учебныхъ предметовъ для семинарій, съ показаніемъ числа уроковъ по каждому изъ нихъ. (Приложеніе къ уставу духовныхъ семинарій № 1-й).

Наименованіе предметовъ.	Число уроковъ въ классахъ.						Итого уроковъ въ семинаріи.
	I	II	III	IV	V	VI	
Священное Писаніе.	4	2	4	3	3	3	19
Вѣблейская исторія	—	2	—	—	—	—	2
Русская словесность съ исторіей литературы	4	4	3	—	—	—	11
Греческій языкъ	4	4	2	2	1	1	14
Латинскій языкъ	4	4	2	2	1	1	14
Математика	3	3	3	—	—	—	9
Физика	—	—	—	3	—	—	3
Исторія всеобщая и русская.	3	3	3	—	—	—	9
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Психологія	—	—	—	2	—	—	2
Начальныя основанія и краткая исторія философіи.	—	—	—	3	—	—	3
Церковная исторія, исторія россійской церкви и обличеніе раскола	—	—	2	3	3	4	12
Литургика	—	—	—	1	2	—	3
Гомилетика	—	—	—	2	1	1	4
Основное богословіе	—	—	—	1	2	—	3
Догматическое богословіе	—	—	—	—	3	3	6
Сравнительное богословіе	—	—	—	—	—	1	1
Нравственное богословіе	—	—	—	—	—	2	2
Практическое руководство для пастырей	—	—	—	—	2	2	4
Дидактика	—	—	—	—	1	1	2
Церковное пѣніе	1	1	1	1	1	1	6
Итого уроковъ въ педѣлю.	23	23	22	23	20	20	

- Примѣчанія:* 1) Французскій, нѣмецкій и еврейскій языки, иконописаніе и гимнастика полагаются внѣ класснаго времени.
2) Существующія нынѣ и содержимыя на мѣстныхъ средства каведры обличенія русскаго раскола остаются на прежнемъ основаніи.

	Штатъ духовныхъ семинарій.		Въ одной семинаріи.	
	Число лицъ.	Число уроковъ.	Число лицъ.	Годовое содержаніе.
1. Ректору (при казенной квартирѣ)	1	3	1	1,200 р.
Ему столовыхъ	—	—	—	800 „
2. Инспектору (при казенной квартирѣ)	1	3	1	900 „
Ему столовыхъ	—	—	—	600 „

Примѣчаніе. Ректоръ и инспекторъ получаютъ означенное въ 1 и 2 ст. содержаніе вмѣстѣ и за обученіе предметамъ, преподаваемымъ ими по §§ 28 и 29 устава.

3. Помощнику инспектора (при казенной квартирѣ) . — — 900 р.

Примѣчаніе. Число помощниковъ инспектора въ разныхъ семинаріяхъ назначается различное, причѣмъ берется во вниманіе число обучающагося воспитанниковъ.

а) Въ семинаріяхъ, имѣющихъ до 250 учениковъ, полагается по одному помощнику инспектора . 1 — 900 „

б) Въ семинаріяхъ, имѣющихъ отъ 250 до 350 учениковъ, полагается по два помощника инспектора 2 — 1,800 „

в) Въ семинаріяхъ съ числомъ учениковъ отъ 350 до 450 полагается по три помощника инспектора 3 — 2,700 „

4. Учителямъ:

а) *Въ семинаріяхъ, не имѣющихъ параллельныхъ отдѣленій:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи 1 15 1,080 „

Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія 1 12 900 „

Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей 1 11 900 „

Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола 1 12 900 „

Исторіи гражданской всеобщей и русской 1 9 900 „

Словесности и исторіи русской литературы 1 11 900 „

Логикѣ, психологіи, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики 1 9 900 „

Алгебры, геометріи, началъ и физики 1 12 900 „

Греческаго языка 1 14 1,020 „

Латинскаго 1 14 1,020 „

Французскаго 1 6 300 „

Нѣмецкаго 1 6 300 „

Еврейскаго 1 2 150 „

Церковнаго пѣнія 1 6 300 „

б) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ по два отдѣленія въ первомъ классѣ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи 2 19 1,800 „

Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія 1 12 900 „

Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей 1 11 900 „

Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола 1 12 900 „

Всеобщей гражданской и русской исторіи 1 12 900 „

Словесности и исторіи русской литературы 1 15 1,080 „

Логикѣ, психологіи, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики 1 9 900 „

Алгебры, геометріи, пасхалии и физики.	1	15	1,080	р.
Греческаго языка	1	18	1,260	„
Латинскаго	1	18	1,260	„
Французскаго	1	6	300	„
Нѣмецкаго	1	6	300	„
Еврейскаго	1	2	150	„
Церковнаго пѣнія	1	6	300	„

в) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ по два отдѣленія при первомъ и второмъ классахъ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи	2	23	1,800	„
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	1	12	900	„
Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей.	1	11	900	„
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	1	12	900	„
Гражданской исторіи, всеобщей и русской	1	15	1,080	„
Словесности и исторіи русской литературы.	1	19	1,320	„
Логикѣ, психологіи, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	9	900	„
Алгебры, геометріи, пасхалии и физики.	1	18	1,260	„
Греческаго языка	2	22	1,800	„
Латинскаго	2	22	1,800	„
Нѣмецкаго	1	6	300	„
Французскаго.	1	6	300	„
Еврейскаго	1	2	150	„
Церковнаго пѣнія	1	6	300	„

г) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ по два отдѣленія при I-мъ, II-мъ и III-мъ классахъ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи	2	27	1,980	„
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	1	12	900	„
Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей.	1	11	900	„
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола.	1	14	1,020	„
Всеобщей гражданской и русской исторіи	1	18	1,260	„
Словесности и исторіи русской литературы.	2	22	1,800	„
Логикѣ, психологіи, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	11	900	„
Алгебры, геометріи, пасхалии и физики.	2	21	1,800	„
Греческаго языка	2	24	1,800	„
Латинскаго	2	24	1,800	„
Французскаго	1	6	300	„
Нѣмецкаго.	1	6	300	„
Еврейскаго	1	2	150	„
Церковнаго пѣнія	1	6	300	„

д) Въ семинаріяхъ, имѣющихся по два отдѣленія при I-мъ, II-мъ, III-мъ и IV-мъ классахъ:

Священнаго Писанія и библейской исторіи	2	30	2,160 р.
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	1	13	960 "
Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей	1	14	1,020 "
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	1	17	1,200 "
Всеобщей гражданской и русской исторіи	1	18	1,260 "
Словесности и исторіи литературы	2	22	1,800 "
Логики и психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	16	1,140 "
Алгебры, геометріи, паскаліи и физики	2	24	1,800 "
Греческаго языка	2	26	1,920 "
Латинскаго	2	26	1,920 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

е) Въ семинаріяхъ, имѣющихся по два отдѣленія при I-мъ, II-мъ, III-мъ, IV-мъ и V-мъ классахъ:

Священнаго Писанія и библейской исторіи	2	33	2,340 "
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	1	18	1,260 "
Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей	1	19	1,320 "
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	1	20	1,380 "
Всеобщей гражданской и русской исторіи	1	18	1,260 "
Словесности и исторіи русской литературы	2	22	1,800 "
Логики, психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	17	1,200 "
Алгебры, геометріи, паскаліи и физики	2	24	1,800 "
Греческаго языка	2	27	1,980 "
Латинскаго	2	27	1,980 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

ж) Въ семинаріяхъ, имѣющихся по два отдѣленія во всѣхъ шести классахъ:

Священнаго Писанія и библейской исторіи	3	36	2,700 "
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	2	24	1,800 "

Гомилетикъ, литургикъ и практическаго руководства для пастырей	2	22	1,800 р.
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	2	24	1,800 "
Всеобщей гражданской и русской исторіи	1	18	1,260 "
Словесности и исторіи русской литературы	2	22	1,800 "
Логикъ, психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	18	1,260 "
Алгебры, геометріи, пascal'а и физики	2	24	1,800 "
Греческаго языка	2	28	2,040 "
Латинскаго	2	28	2,040 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

з) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ три отдѣленія въ I-мъ классѣ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи	3	40	2,940 "
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	2	24	1,800 "
Гомилетикъ, литургикъ и практическаго руководства для пастырей	2	22	1,800 "
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	2	24	1,800 "
Всеобщей гражданской и русской исторіи	2	21	1,800 "
Словесности и исторіи русской литературы	2	26	1,920 "
Логикъ, психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дидактики	1	18	1,260 "
Алгебры, геометріи, пascal'а и физики	2	27	1,980 "
Греческаго языка	2	32	2,280 "
Латинскаго	2	32	2,280 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

и) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ по три отдѣленія въ I-мъ и II-мъ классахъ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи	3	44	3,180 "
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	2	24	1,800 "
Гомилетикъ, литургикъ и практическаго руководства для пастырей	2	22	1,800 "
Всеобщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	2	24	1,800 "
Всеобщей гражданской и русской исторіи	2	24	1,800 "
Словесности и исторіи русской литературы	2	30	2,160 "

Логики, психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философій и дидактики	1	18	1,260 р.
Алгебры, геометріи, пасхалии и физики	2	30	2,160 "
Греческаго языка	3	36	2,700 "
Латинскаго	3	36	2,700 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

і) *Въ семинаріяхъ, имѣющихъ по три отдѣленія въ I-мъ, II-мъ и III-мъ классахъ:*

Священнаго Писанія и библейской исторіи	4	48	3,600 "
Основнаго, догматическаго, нравственнаго и сравнительнаго богословія	2	24	1,800 "
Гомилетики, литургики и практическаго руководства для пастырей	2	22	1,800 "
Всесообщей церковной исторіи, исторіи русской Церкви и обличенія раскола	2	26	1,920 "
Всесообщей гражданской и русской исторіи	2	27	1,980 "
Словесности и исторіи русской литературы	2	33	2,340 "
Логики, психологій, начальныхъ основаній и краткой исторіи философій и дидактики	1	20	1,380 "
Алгебры, геометріи, пасхалии и физики	2	33	2,340 "
Греческаго языка	3	38	2,820 "
Латинскаго	3	38	2,820 "
Французскаго	1	6	300 "
Нѣмецкаго	1	6	300 "
Еврейскаго	1	2	150 "
Церковнаго пѣнія	1	6	300 "

5. Духовнику (онъ-же священникъ семинарскаго церкви) при казенной квартирѣ	1	—	500 "
6. Эконому (при казенной квартирѣ)	1	—	450 "
7. Врачу	1	—	300 "
8. Секретарю правленія	1	—	200 "
Ему столовыхъ	—	—	200 "
9. Учителю гимнастики	1	—	100 "
Библиотечарю добавочнаго жалованья	1	—	120 "

Примѣчаніе. Въ семинаріяхъ, гдѣ учителю всеобщей гражданской и русской исторіи назначено вознагражденіе 900 р. при 9-ти урокахъ, должность библиотечаря возлагается на сего учителя безъ особаго по сей должности вознагражденія.

(Продолженіе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 188²/₈₃ учебный годъ.

I. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ училищѣ, сравнительно съ концомъ 188²/₈₃ учебнаго года, произошли слѣдующія перемѣны: а) По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ помощницы воспитательницъ, по окончаніи годичнаго срока своей службы, выбыли изъ училища и на ихъ мѣсто, по представленію и. д. начальницы училища, опредѣлены Совѣтомъ на 188³/₈₄ учебный годъ окончившія курсъ въ іюнѣ 1883 года дѣвочки Бутковская Евфросинія, Веселовская Анна, Грекова Серафима, Попова Ольга, Труфанова Наталія и Черникова Евдокія и только для VI-го класса помощницею воспитательницы назначена исполнявшая эту должность въ 188²/₈₃ учебномъ году въ одномъ изъ низшихъ классовъ, дѣвица Ольга Вертеловская.

б) На вакантную должность начальницы училища 13 іюня 1883 года избрана Совѣтомъ бывшая классной дамой въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, которая, по представленію Преосвященнаго, и утверждена въ сей должности Св. Синодомъ 1 августа того же года.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 10—12 августа г-жѣ начальницѣ, по ея просьбѣ, предоставлены, бывшіе свободнымъ съ 23 апрѣля 1883 года, уроки французскаго языка.

г) Въслѣдствіе перехода воспитанницъ параллельнаго отдѣленія изъ III-го класса въ IV уроки въ послѣднемъ, во исполненіе указа Св. Синода отъ 12 мая 1875 года за № 1307, требующаго, чтобы уроки въ старшихъ классахъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища зачислялись лицами съ высшимъ образованіемъ, журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 10—12 августа 1883 года поручены преподавателямъ тѣхъ же предметовъ въ IV-мъ нормальномъ классѣ, за исключеніемъ уроковъ словесности, которые предоставлены преподавателю семинаріи, М. В. Доброправову, такъ какъ преподаватель словесности въ IV нормальномъ классѣ училища не располагать для этого свободнымъ временемъ.

д) Во исполненіе указа Св. Синода отъ 28 іюля—11 августа 1882 года за № 1493-мъ, резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 26 августа 1883 года въ должность предсѣдателя Совѣта опредѣленъ священникъ Харьковской кладбищенской Іоанно-Успенской церкви, Тимофей Вуткевичъ;

неполюнявній же эту должность, по выбору отъ духовенства, священникъ Михаилъ Румянцевъ оставленъ членомъ училищнаго Совѣта.

е) Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 5 сентября 1883 года священникъ Румянцевъ уволенъ, по прошенію, отъ должности члена Совѣта отъ духовенства и на его мѣсто назначенъ, избранный X-ымъ Харьковскимъ Епархіальнымъ Съѣздомъ 23 сентября 1881 года кандидатомъ на эту должность, священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви, Николай Мощенковъ.

ж) Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 30 сентября 1883 года уволенъ отъ должности почетнаго блюстителя по хозяйственной части въ училищѣ харьковскій 2-й гильдіи купецъ, М. С. Куличенко; на его мѣсто избранъ Совѣтомъ 5 ноября 1883 года харьковскій купецъ Н. А. Чикинъ, который 7 того же ноября Его Преосвященствомъ утвержденъ въ должности.

з) 17 января 1884 года умеръ преподаватель географіи въ старшихъ классахъ училища, В. Л. Снаескій, и на его мѣсто, 27 января того же года избранъ Совѣтомъ, посредствомъ закрытой баллотировки, учитель петоріи въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвиць, В. В. Ланникъ, который 30-го января и утвержденъ въ этой должности Его Преосвященствомъ.

и) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 20—24 апрѣля 1884 года освобождена, по прошенію, отъ завѣдыванія училищною фундаментальною бібліотекою воспитательница I-го класса училища, Е. П. Попова, и на ея мѣсто назначена воспитательница IV параллельнаго класса, М. П. Попова.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ переѣздовъ, къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

А. Составъ Совѣта.

Предсѣдатель Совѣта, священникъ Харьковской кладбищенской Иоанно-Усекновенской церкви, Томошей Ивановичъ Буткевичъ, кандидатъ богословія, служитъ безвозмездно, въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна Рейцигъ, окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвиць, жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ и столѣ,—500 руб. въ годъ,—съ 1 августа 1883 года.

Инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ Іоновичъ Оникевичъ, кандидатъ богословія, жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ,—съ 30 марта 1873 года.

Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Николаевской церкви, Панкратій Дмитріевичъ Ивановъ, студентъ Харьковской духовной

семинаріи, жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ,—съ 23 сентября 1881 года.

Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Свято-Духовской церкви, Николай Платоновичъ Мощенковъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи, жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ,—съ 5 сентября 1883 года.

Попечительница училища, Александра Васильевна Гордѣенко, служитъ безвозмездно,—въ настоящей должности съ 1871 года.

Почетный блюститель по хозяйственной части, Харьковскій купецъ, Николай Александровичъ Чикинъ, служитъ безвозмездно,—съ 7 ноября 1883 г.

Секретарь педагогическихъ собраній совѣта, преподаватель училища, Алексѣй Федоровичъ Вертеловскій,—получаетъ жалованья 120 руб. въ годъ,—съ 1 января 1882 года.

И. д. дѣлопроизводителя училищнаго совѣта,—онъ же и письмоводитель,—отставной унтеръ-офицеръ писарь Константинъ Козьмичъ Санинъ,—жалованья по объѣмъ должностямъ получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 400 руб. въ годъ,—съ 15 апрѣля 1873 года.

В. Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ.

Закона Божія въ обояхъ отдѣленіяхъ IV, въ V и VI классахъ—Инспекторъ классовъ священникъ Никандръ Оникевичъ, кандидатъ богословія (12 уроковъ по 75 руб.), жалованья получаетъ 900 руб. въ годъ,—съ 30 марта 1873 года.

Того-же предмета въ I, II и III-мъ классахъ,—священникъ Харьковской кладбищенской Иоанно-Успенской церкви Георгій Ивановичъ Волобуевъ; онъ же совершаетъ богослуженіе въ училищной церкви; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи (12 уроковъ по 50 р.), жалованья получаетъ 600 руб. и за совершеніе богослуженія 120 руб., всего 720 руб. въ годъ,—съ 16 августа 1871 года.

Русской словесности въ IV нормальномъ, V и IV-мъ классахъ преподаватель того-же предмета въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ, Александръ Алексѣевичъ Снегиревъ, кандидатъ богословія (10 ур. по 75 руб.), жалованья получаетъ 750 руб. въ годъ,—съ 18 августа 1876 года.

Русской словесности въ VI параллельномъ классѣ—преподаватель греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, Михаилъ Васильевичъ Доброправовъ, кандидатъ богословія (3 ур. по 75 руб.), жалованья получаетъ 225 р. въ годъ,—съ 12 августа 1883 года.

Русскаго языка въ I, II и III-мъ классахъ—дѣвица Евфросинія Александровна Горбачевская, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ

женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы (12 урок. по 50 руб.), жалованья получаетъ 600 руб. въ годъ, — съ 27 августа 1880 года.

Арифметики въ обонхъ отдѣленіяхъ IV-го въ V и VI-мъ классахъ, геометріи, физики и космографіи—надворный совѣтникъ, Александръ Павловичъ Эльтековъ, кандпдатъ университета по физико-математическому факультету (17 урок. по 75 р.), жалованья получаетъ 1275 руб. въ годъ, — съ 4 августа 1876 года.

Арифметика въ I, II и III-мъ классахъ—дѣвица Ольга Константиновна Рудинская, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы (12 урок. по 50 руб.), жалованья получаетъ 600 руб. въ годъ, — съ 27 августа 1880 года.

Гражданской исторіи въ обонхъ отдѣленіяхъ IV-го, въ V и VI-мъ классахъ—преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ, Алексѣй Федоровичъ Вертеловскій, кандидатъ богословія (11 урок. по 75 руб.), жалованья получаетъ 825 руб. въ годъ, — съ 12 августа 1875 года.

Географіи, въ обонхъ отдѣленіяхъ IV, въ V и VI классахъ—учитель исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Валентинъ Васильевичъ Ланинъ, кандидатъ университета по историко-филологическому факультету (11 урок. по 75 р.), жалованья получаетъ 825 р. въ годъ, — съ 30 января 1884 г.

Географіи въ II и III-мъ классахъ—воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна Дьякова, слушала спеціальныя курсы по исторіи и географіи въ Харьковской женской гимназіи (4 урок. по 50 руб.), жалованья получаетъ 200 руб. въ годъ, — съ 25 сентября 1881 года.

Педагогика въ V и VI-мъ классахъ—преподаватель философій и педагогики въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ, Николай Николаевичъ Страховъ, кандидатъ богословія (3 урока по 75 руб.), жалованья получаетъ 225 руб. въ годъ—съ 16 августа 1877 года.

Чистописанія, черченія и рисованія во всѣхъ классахъ, губернской секретарь Дюметій Осиповичъ Ланевскій, выдержалъ спеціальныя экзамены въ испытательной комисіи при Харьковскомъ университетѣ (14 ур. по 35 р.), жалованья получаетъ 490 руб. въ годъ, — съ 21 августа 1874 года.

Церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ—священникъ Харьковской Троицкой церкви, Стефанъ Ивановичъ Петровскій, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи (8 урок. —оба отдѣленія IV класса учились вѣстѣ), жалованья получаетъ 250 руб. въ годъ, — съ 1 августа 1861 г.

Учительница рукодѣлій, дѣвица Меланья Дмитріевна Чернявская, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 120 р. въ годъ, — съ 16 августа 1877 года.

Учительница рукодѣлій, вдова помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, Александра Ивановна Соколова, обучалась въ частномъ пансіонѣ въ г. Витебскѣ, получаетъ жалованья при казенной квартирѣ и столѣ 120 руб. въ годъ, — съ 17 августа 1880 года.

В. Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

Французскаго языка — начальница училища, Евгенія Николаевна Гейцыгъ (12 урокъ. по 50 р.), жалованья получаетъ 600 р. въ годъ, съ 1 августа 1883 г.

Учитель музыки Николай Александровичъ Орловскій, окончилъ курсъ въ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ, жалованья получаетъ за 15 ученицъ по 25 руб. и за 10 ученицъ по 15 руб. съ каждой, — съ 28 августа 1882 года.

Учительница музыки, дѣвица Серафима Гавриловна Вертеловская, обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ, — съ 24 августа 1879 г.

Учительница музыки, дѣвица Марія Степановна Любимская, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ, — съ 18 августа 1878 года.

Учительница музыки, дѣвица Анна Александровна Кустова, обучалась въ частномъ пансіонѣ г. Харькова, жалованья получаетъ по 15 руб. съ ученицы въ годъ, — съ 20 сентября 1883 года.

Учительница музыки Варвара Петровна Эварницкая, окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ въ г. Харьковѣ, получаетъ жалованья по 15 руб. съ ученицы въ годъ, — съ 20 сентября 1883 года.

Учительница музыки Елена Григорьевна Речинская, обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ, жалованья получаетъ по 15 руб. съ ученицы въ годъ, — съ 20 сентября 1883 года.

Учительница музыки, дѣвица Любовь Павловна Игнатьева, окончила курсъ въ Одесскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, жалованья получаетъ по 15 руб. съ ученицы въ годъ, — съ 7 ноября 1883 года.

Г. Воспитательницы:

Воспитательница I класса, дѣвица Евдокія Павловна Попова, она же и старшая воспитательница, окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 руб. въ годъ, — съ 13 сентября 1871 года.

II класса, дѣвица Александра Петровна Петрова, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 руб. въ годъ, — съ 17 августа 1880 года.

III класса дѣвица Елена Эдуардовна Штегеръ, окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 руб. въ годъ,—съ 20 августа 1870 года.

IV нормальнаго класса, дѣвица Людмила Ефимовна Дьякова, окончила курсъ въ Харьковской женской гимназій, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 руб. въ годъ,—съ 10 сентября 1872 г.

IV параллельнаго класса—дѣвица Маріамна Павловна Попова; V класса—дѣвица Анна Григорьевна Подольская; VI класса, дѣвица Вѣра Даниловна Капустина;—всѣ три окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашнихъ учительницъ, жалованья получаютъ при казенной квартирѣ и столѣ по 240 р. въ г., а Попова и Капустина, сверхъ того, за завѣдываніе фундаментальною и ученическою бібліотеками получаютъ по 25 р. въ годъ; состоятъ на службѣ: Попова съ 16 августа 1882 г., Подольская съ 25 іюля 1878 года и Капустина съ 29 ноября 1876 г.

Надзирательница училищной педагогической школы, дѣвица Софья Захаровна Нестерова, окончила курсъ въ бывшемъ Харьковскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 150 руб. въ годъ,—съ 1870 года.

Д. Помощницы воспитательницъ.

Въ I классѣ—дѣвица Ефросинія Бутковская; во II классѣ—дѣвица Евдокія Черникова; въ III классѣ—дѣвица Серафима Грекова; въ IV параллельномъ классѣ—дѣвица Анна Веселовская; въ V классѣ—дѣвица Наталія Труфанова и въ VI классѣ—дѣвица Ольга Вертеловская; всѣ семь окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашнихъ учительницъ, жалованья получаютъ при казенной квартирѣ и столѣ по 50 руб. и по 50 руб. на одежду; состоятъ на службѣ первыя шесть съ 15 іюня 1883 года, а Вертеловская съ 15 іюня 1882 г.

Е. Другія служащія съ училищъ лица.

Врачъ при училищной больницѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Севастьяновичъ, докторъ медицины, жалованья получаетъ 300 руб. въ годъ,—съ 13 января 1877 года.

Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна Ковалева, домашнего образованія, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ,—съ 1 сентября 1871 года.

Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагія Петровна Прокофьева, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 100 руб. въ годъ,—съ 4 октября 1880 года.

II. д. училищнаго эконома, мѣщанинъ Харитонъ Клементьевичъ Певда-

ховъ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ,—съ 13 апрѣля 1879 года.

Примѣчаніе: Кроме вышепоименованныхъ лицъ въ училищѣ состояли еще: а) костелянна, заведывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ и б) ключница, заведующая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

II. Составъ учащихся.

Въ отчетномъ учебномъ году въ училищѣ было семь классовъ: 6 нормальныхъ и 1 параллельное отдѣленіе въ IV' классѣ. Приготовительнаго класса не было.

а) Къ началу отчетнаго учебнаго года всѣхъ воспитанницъ въ училищѣ, вмѣстѣ съ принятыми вновь въ первый и другіе классы, было 306. По классамъ онѣ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ I классѣ 45, во II—49, въ III—48, въ—IV' нормальномъ 40, въ IV' параллельномъ 41, въ V—47 и въ VI классѣ 36 воспитанницъ.

Въ теченіе года вышло изъ училища 6 воспитанницъ, именно: изъ I класса 1 воспитанница (по прошенію родителей), изъ III класса 2 воспитанницы (обѣ по прошеніямъ родителей) и изъ IV' класса 3 воспитанницы (двѣ по прошеніямъ родителей и 1 уволена Совѣтомъ за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причины).

Въ теченіе года принято вновь 1 воспитанница въ I классъ. Такимъ образомъ ко времени годичныхъ испытаній въ училищѣ числилось 301 воспитанница, именно: въ I классѣ 45, во II классѣ 49, въ III классѣ 46, въ IV' нормальномъ 40, въ IV' параллельномъ 38, въ V—47 и въ VI—36 воспитанницъ.

б) Изъ этого общаго числа учащихся (301) на церковно-епархіальныя средства содержалось 60 воспитанницъ, на счетъ благотворителей 19; своихъ коштныхъ пансіонерокъ съ полнымъ взносомъ (75 р. въ годъ безъ необязательныхъ предметовъ) было 207, уменьшенная плата (50 р.) вносила за 15 воспитанницъ.

в) Изъ того-же общаго числа (301) дочерей духовенства Харьковской епархіи было 291, въ томъ числѣ дочерей протоіереевъ и священниковъ 228, дочерей діаконровъ 30 и дочерей псаломщиковъ 33; иносархіальныхъ было двѣ, обѣ дочери священниковъ; свѣтскихъ 8, именно: 3 дочери дворянъ, 2 дочери чиновниковъ, 1 дочь почетнаго гражданина, 1 дочь купца и 1 дочь крестьянина.

г) Приходящихъ воспитанницъ въ училищѣ въ отчетномъ году не было, а всѣ жили въ училищномъ зданіи.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища объявляетъ къ свѣдѣнію духовенства епархіи:

1. Въ настоящемъ 1884/85 учебномъ году въ училищѣ состоитъ безплатныхъ вакансій 88, а именно: стипендій епархіальныхъ 60, Леонидовскихъ—2, священника Степурскаго 1, г. Любickaго 1; пансіонерскихъ: Преосвященнаго Амвросія 2, Святогорскаго монастыря 5, Ахтырскаго монастыря 2, Николаевскаго женскаго монастыря 2, Усѣвновенскаго кладбища 3 и свѣчнаго епархіальнаго завода 10. Всѣ эти вакансіи заняты въ настоящее время воспитанницами-сиротами.

2. По постановленію VII епархіальнаго съѣзда, въ училищѣ положено содержать 15 вакансій съ уменьшенной платою (по 50 р. вмѣсто полнаго взноса 75 р.); сверхъ того въ училищѣ имѣется еще 1 вакансія уменьшенной платы, образовавшаяся изъ остаточной суммы отъ стипендіи священника Степурскаго. Всѣ вакансіи съ уменьшеннымъ взносомъ предоставляются воспитанницамъ бѣднѣвшихъ родителей и только на одинъ лишь учебный годъ, такъ что въ концѣ каждаго учебнаго года, вакансіи эти считаются уже свободными.

Вышеозначенныя 16 вакансій, по журнальнымъ постановленіямъ Совѣта, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ предоставлены на 1884/85 учебный годъ слѣдующимъ воспитанницамъ училища: *I класса* Геневакой Маріи, Филевской Параскевѣ, Степурской Маріи, Самойловой Аниѣ, Романовой Софьи, Илюковой Маріи; *2 класса* Збукаревой Ниѣ (сирота); Паниратьевой Софьи; *3 класса* Николаевской Александрѣ, Петинной Маріи, Истремской Елизаветѣ, Дикаревой Аниѣ; *2 класса* Киприановой Александрѣ, Моценковой Аниѣ (сирота), Хижняковой Варѣ и *1 класса* Мартыновичъ Анастасіи.

Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи.

На украшеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма и возобновленіе ризницы поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ прихожанъ Харьковской Вознесенской церкви 7 руб. и 45 коп.; отъ прихожанъ Харьковской Христо-Рождественской церкви 33 р.; отъ Харьковской Николаевской церкви 6 р. 51 к.; отъ Рождество-Богородичной церкви села Алексѣевки Харьковскаго уѣз-

да 2 р.; отъ Константино-Еленовской церкви села Малой Даниловки того-же уѣзда 1 р.; отъ священника Василя Марченкова 2 р.; отъ и. д. псаломщика Михаила Марченкова 60 к.; отъ церковныхъ старость Кирилла Блохи и Александра Дубоваго 80 к.; отъ прихожанъ Харьковской Александро-Невской церкви 2 р. 95 к.; отъ причта и прихожанъ Покровской церкви заштатнаго города Вѣлполя, Сумскаго уѣзда, 8 р.; отъ прихожанъ слободы Мурафы Богородуховаго уѣзда, 51 к.; отъ священника села Голой Долины, Изюмскаго уѣзда Іакова Арефьева 2 р.; отъ священника села Тимоновой, Старобѣльскаго уѣзда, Стефана Любидкаго и его прихожанъ 13 р.; отъ священника города Сумъ Андрея Ставровскаго 5 р.; отъ крестьянина г. Зміева Ѳомы Стефановича Майбороды 10 р.; отъ священника слободы Гусинки, Купянскаго уѣзда, 25 р.; отъ Харьковскаго мѣщанина А. И. Пафнутьева 30 р.; отъ Харьковскаго купца П. А. Гаврилова 50 р.; отъ крестьянина Родіона Игнатова 5 р.; всего 204 р. и 82 к.

Всѣмъ вышеозначеннымъ жертвователямъ Правленіе Харьковской семинаріи считаетъ непремѣннымъ долгомъ выразить глубокую благодарность. Пожертвованія могутъ быть присылаемы на имя Правленія семинаріи, или на имя ректора семинаріи, или-же на имя церковнаго старосты при семинарской церкви, преподавателя Семена Ѳоменко.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Настоятель Петро-Павловской церкви сл. Дружелюбовки, Купянскаго уѣзда, священникъ *Николай Линникій* и настоятель Троицкой церкви сл. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, священникъ *Іоакимъ Ѳедоровъ*, согласно прошенію ихъ, епархіяльнымъ начальствомъ перемѣнены 26 октября н. г. одинъ на мѣсто другого.

— При Усѣкновенской кладбищенской церкви г. Харькова священническое мѣсто помощника настоятеля Его Преосвященствомъ 3 текущаго ноября предоставлено настоятелю Троицкой церкви сл. Гусаровки, Изюмскаго уѣзда, протоіерею *Павлу Ковалевскому*.

— Священникъ слоб. Боровеньки, Старобѣльскаго уѣзда, *Павелъ Поповъ*, вслѣдствіе прошенія уволенъ за штатъ, а на мѣсто его перемѣненъ священникъ сл. Чебаповки, Старобѣльскаго у., *Григорій Канустьянскій*.

— Священники Предтечевской церкви села Токарей, Сумскаго уѣзда, *Евѣмій Ястремскій* и Владимірской церкви села Могрицы того-же

уѣзда, *Іоаннъ Чесфриновъ*, согласно прошенію, 19 октября н. г. переѣзжены одинъ на мѣсто другого.

— 1884 года октября 25 дня утверждены въ должности законоучителей мѣстныхъ начальныхъ народныхъ училищъ, священники церквей: Николаевской села Гниловки, *Григорій Назаревскій*, Рождество-Богородичной села Губаровки, *Николай Жуковский*, Георгіевской села Филенкова, *Василій Муслинъ*, Вознесенской села Яблочнаго, *Андрей Стеллецкій*, Одноробовской церкви *Константинъ Рудневъ* и Зміевского уѣзда, *Владиміръ Раевскій*; въ Задонецкое начальное народное училище, учрежденное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Барановскимъ*, утвержденъ законоучителемъ диаконъ Зачуговской Николаевской церкви, Зміевского уѣзда, *Петръ Никитинъ*.

— Псаломщикъ Изюмскаго Преображенскаго собора *Андрей Сидоровъ* Его Преосвященствомъ рукоположенъ 22 октября н. г. во діакона.

— Награждены похвальными листами церковные старосты: Покровской церкви слоб. Терновъ Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Іванъ Демиляръ* и Сергіе-Анастасіевской церкви слоб. Ольшаной, того-же уѣзда, крестьянинъ *Петръ Семенюта*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Рождество-Богородичной церкви села Станчанаго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Антонъ Воробьевъ*; къ Рождество-Богородичной церкви села Лагерей, Зміевского уѣзда, крестьянинъ *Даниль Чумаченко*; къ Петро-Павловской церкви села Книжнаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Яковъ Гребенникъ* и къ Николаевской церкви села Червленого, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Михаилъ Машинъ*.

— Церковный староста Покровской церкви села Гришцева, Лебединскаго уѣзда, подпоручикъ *Тимченко Рубанъ* уволенъ согласно прошенію 19 октября отъ должности.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

При Вознесенской церкви въ слободѣ *Чебанюкѣ*, Старобѣльскаго уѣзда — *настоятельское*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Постриженіе въ монашество.—Общее собраніе Православнаго Палестинскаго общества.— По вопросу объ обезпеченіи духовенства.— Пчеловодство, какъ средство къ улучшенію матеріальнаго быта сельскихъ причетниковъ.— О бывшемъ въ м. Коростышевѣ случаѣ соприкосновенія двухъ, несогласныхъ между собою, вѣроисповѣданій (Изъ L'Union de Chrétienne).— По поводу сѣтованій изъ Рима на наше правительство.— Дѣло о 14-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныя преступленія.— Важное значеніе общественной запашки.— Что можетъ сдѣлать крестьянское общество при отсутствіи злоупотребленій со стороны его непосредственныхъ „властей“—старшины, писаря и пр.— Простое средство отъ золотухи.— Некрологъ.

— Въ Петербургской духовной академіи 13 октября имѣлъ мѣсто уже четвертый со времени вступленія въ должность новаго ректора академіи случай поступленія студента академіи въ монашество. Въ субботу, во время всеобщаго бдѣнія, ректоромъ академіи, епископомъ Ладожскимъ Арсеніемъ, съ участіемъ монашествующихъ Александро-Невской лавры, совершенно было постриженіе въ монашество студента IV курса академіи Якова Мещерякова. Въ своей привѣтственной рѣчи къ новопоставленному иноку Серафиму (какое имя избралъ для себя въ монашествѣ г. Мещеряковъ) преосвященный ректоръ указалъ на исполненіе давнишняго его желанія — посвятить себя на служеніе Церкви въ иноческомъ санѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ похвалою отозвался о твердой преданности Церкви и храненіи христіанскаго благочестія въ русскомъ простомъ народѣ, изъ среды котораго вышелъ г. Мещеряковъ. Дѣйствительно, новопоставленный инокъ Серафимъ—сынъ крестьянина Пензенской губерніи, первоначальное образованіе свое получилъ въ Пензенской классической гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ серебряною медалью. Во все время обученія въ здѣшней духовной академіи г. Мещеряковъ содержался на тѣ скудныя средства, которыя доставалъ самъ, давая уроки въ различныхъ петербургскихъ семействахъ. При переводѣ на четвертый курсъ г. Мещеряковъ писалъ кандидатское сочиненіе на тему по Священному Писанію ветхаго завѣта: „Исторія пророка Балаама“.

18 октября, въ квартирѣ оберъ-прокурора Св. Синода состоялось общее собраніе Православнаго Палестинскаго общества. Предсѣдательство въ собраніи принялъ на себя Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ. Въ числѣ присутствовавшихъ, кромѣ нѣкоторыхъ членовъ августѣйшаго семейства, находились архіепископы: Ярославскій Іоаннъ, и Тверской Савва, епископы: Тамбовскій Палладій и Выборгскій Арсеній, ми-

нистръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь Н. Д. Делиновъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и нѣсколько другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Засѣданіе отърылось отчетомъ секретаря общества, изъ котораго видно, что число членовъ общества возросло до 576, денежные средства увеличились болѣе чѣмъ на 31,000 руб., достигая до 201,000 руб.; за произведенными-же расходами имѣется въ остаткѣ свыше 91,000 руб. Непркосновенный капиталъ превышаетъ 80,000 руб. Сообщивъ затѣмъ о результатахъ раскопокъ близъ храма Воскресенія Христова и объ изданіяхъ общества, секретарь, между прочимъ, довелъ до свѣдѣнія собравшихся, что готовятся къ выпуску самая вѣрная и точная карта святаго града Іерусалима. Далѣе отчетъ упоминаетъ о новыхъ работахъ правленія по облегченію паломничества: между прочимъ, для паломниковъ открыть новый путь отъ Воронежа черезъ Кіевъ до Иффы, стоимостью проѣзда въ оба конца въ третьемъ классѣ всего 47 руб. Кромѣ заботъ о бѣднѣйшихъ паломникахъ, правленіе позаботилось и о классахъ болѣе достаточныхъ: съ 1 ноября текущаго года открывается удешевленное сообщеніе на Востокъ для пассажировъ 1 и 2 классовъ. Главныя уступки сдѣланы русскимъ обществомъ пароходства и торговли. Чтобы лучше ознакомиться съ нуждами и потребностями простыхъ паломниковъ, правленіе поручило А. В. Елисеѣву совершить путешествіе въ ихъ средѣ, при одинаковой обстановкѣ. Путешествіе это оказалось очень полезнымъ по своимъ результатамъ и указаніямъ. Для улучшенія и расширенія русскихъ странно-пріимныхъ домовъ на Востокѣ, правленіе уже командировало В. П. Мансурова. Въ заключеніе отчета были сдѣланы предложенія: а) ходатайствовать о дополненіи устава въ смыслѣ разрѣшенія открывать отдѣлы общества, и б) командировать В. П. Хитрово въ Палестину, для обзора учрежденій общества, съ цѣлью ихъ улучшеній.

Затѣмъ докторъ А. В. Елисеѣвъ сдѣлалъ докладъ о положеніи русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ. Простые паломники отправляются иногда съ 60—70 руб. и въ этомъ случаѣ крайне бѣдствуютъ; путешествующіе съ суммою отъ 150 до 300 руб. не испытываютъ уже никакихъ лишеній. Въ Одессѣ паломники охотнѣе всего останавливаются на афонскихъ подворьяхъ. Путешествіе на пароходахъ русскаго общества сопряжено съ большими неудобствами; для паломниковъ отводятъ гораздо худшія помѣщенія, чѣмъ для перевозки скота. Въ Константинополѣ паломники останавливаются подъ гостепрійнымъ кровомъ афонскихъ монастырей, безъ

которыхъ простой русскій паломникъ совсѣмъ пропалъ-бы. За два дня пребыванія въ монастырѣ, при готовомъ содержаніи, паломники платятъ рубль и даже полтину. Весьма стѣснительнъ для путешественниковъ существующій въ Константинополѣ порядокъ пропуски и явки паспортовъ, обходящихся свыше 3 руб. Черезъ 14 дней морскаго пути паломники прибываютъ въ Иффу. Здѣсь они останавливаются въ греческомъ монастырѣ св. Георгія и претерпѣваютъ всевозможныя неудобства и лишенія. Черезъ два дня караваннаго пути, путешественники прибываютъ въ Іерусалимъ. Здѣсь страннопріимныя дома устроены на 800 человекъ, а паломниковъ бываетъ болѣе 3,000. Помѣщенія душны, грязны и тѣсны; пребываніе-же въ греческихъ монастыряхъ обходится слишкомъ дорого, такъ какъ даже воды нельзя тамъ получить бесплатно. Дневное содержаніе паломника обходится въ 50 коп. За рубль въ день можно прожить очень сносно. Въ Іерусалимѣ есть два, три трактирчика, содержимыя русскими евреями, гдѣ за гривенникъ можно выпить чаю и за недорогую плату получить супъ съ говядиною. Призрѣніе больныхъ крайне неудовлетворительно. При нашихъ постройкахъ имѣется госпиталь только на 50 кроватей; что крайне недостаточно при появленіи эпидемическихъ заболѣваній. Положеніе почтовой части самое плачевное: за доставку простаго письма нужно приплачивать почтальону до 40 коп., иначе письма совсѣмъ не будутъ доставляемы. Денежныя посылки часто совсѣмъ исчезаютъ. Наша духовная миссія, состоящая изъ трехъ старцевъ, занятыхъ церковною службою, совершенно недостаточна для удовлетворенія духовныхъ потребностей паломниковъ. Хорошихъ вожаковъ по святымъ мѣстамъ совсѣмъ не имѣется. Былъ одинъ монахъ Іоаннъ, но и тотъ почему-то замѣненъ отставнымъ солдатомъ. Большое лишеніе для паломниковъ составляетъ отсутствіе службы на славянскомъ языкѣ въ храмѣ Воскресенія. Таковая бываетъ только пять-шесть разъ въ годъ, хотя въ числѣ богомольцевъ обыкновенно бываетъ два-три десятка грековъ и тысячи русскихъ и славянъ. Обзоръ святыхъ мѣстъ обходится отъ 10 до 15 руб. Въ заключеніе своего сообщенія, г. Елисѣевъ, описавъ посѣщеніе паломниками святыхъ въ окрестностяхъ Іерусалима, закончилъ слѣдующими положеніями: 1) освободить паломниковъ отъ паспортнаго сбора въ Константинополѣ; 2) улучшить наши страннопріимныя дома и учредить дешевыя столовыя; 3) усилить духовную миссію; 4) пріобрѣсти хорошихъ вожаковъ, и 5) установить хотя разъ въ мѣсяцъ службу на славянскомъ языкѣ въ храмѣ Воскресенія.

Въ концѣ засѣданія были избраны почетными членами: Варсонофій, епископъ Симбирскій и Сызранскій, и М. М. Киселева, и дѣйствительными: А. В. Чуваевъ, Е. А. Хрештова, К. М. Алексѣевъ, П. О. Рузановъ и священникъ Гумилевскій.

— „Спб. Вѣдомости“ останавливаются на вопросѣ объ обезпеченности духовенства и говорятъ, что средства для содержанія на постоянномъ жалованьи приходскаго духовенства потребовались-бы весьма значительныя, въ виду численности его личнаго состава. По послѣднимъ свѣдѣніямъ состоитъ на лицо: протоіереевъ 1439, священниковъ 35,978, діаконовъ 7,706, причетниковъ 48,743, всего 93,866. Всѣ они люди женатые, и въ большинствѣ семейные, такъ что въ случаѣ замѣны добротныхъ приношеній постояннымъ жалованьемъ, послѣднее пришлось-бы выдавать въ размѣрѣ, достаточномъ для содержанія почти 90,000 семей. Считая семью священнослужителя или причетника состоящею въ среднемъ числѣ всего изъ 4 человекъ и полагая на содержаніе человека въ годъ только 50 руб., т. е. сумму средняго годоваго заработка обыкновеннаго рабочаго, получится, что содержаніе церковнаго причта на постоянномъ жалованьи обошлось-бы ежегодно свыше 18.000,000 р. Очевидно, что такой крупный расходъ въ настоящее время не подъ силу ни земствамъ, ни даже государственной казнѣ. Но та-же цѣль легко можетъ быть достигнута косвеннымъ путемъ, именно развитіемъ приходскихъ школъ, чему и положено начало послѣдовавшими прошлымъ лѣтомъ правительственными распоряженіями. Возможно большее сосредоточеніе начальнаго обученія въ рукахъ духовенства,—причемъ учителями въ школахъ по преподаванію грамотности могутъ быть не сами священники, а члены ихъ семьи или семей діаконовъ и причетниковъ,—сдѣлаетъ то, что значительнѣйшая часть бюджета народнаго (въ тѣсномъ смыслѣ слова) образованія будетъ соединена съ расходами на содержаніе духовенства, пополнять недостатки послѣдняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ установится и болѣе тѣсная нравственная связь приходскаго духовенства съ крестьянскимъ населеніемъ, а послѣдствіемъ этой связи неизбежно явится большая умѣренность въ требованіяхъ за совершеніе браковъ, молебновъ, водосвятій и другихъ требъ, вошедшихъ въ обычай и составляющихъ религіозную потребность народа.

— Разрѣшеніе давнишняго вопроса о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства, по словамъ „Нов. Врем.“, въ настоящее время сводится къ учрежденію въ епархіяхъ эмеритальныхъ кассъ для духовенства. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такія кассы, съ устѣ-

хоть и пользою для мѣстнаго духовенства, существуютъ уже нѣсколько лѣтъ. Въ Рижской епархіи существуетъ „погребальная касса“, изъ которой выдаются пособія по случаю смерти и на погребеніе участниковъ кассы. Въ Саратовской епархіи эмеритальная касса духовенства, за 15 лѣтъ своего существованія, дала слѣдующіе результаты: всѣхъ ссудъ выдано 842,597 руб.; возвращено обратно ссудъ—641,000 р. Чистой прибылью касса получила, за всѣми расходами, сдѣланными ею въ разное время—347,922 р.; московское духовенство недавно выработало уставъ эмеритальной кассы для служащихъ по духовному вѣдомству и для священно-церковно-служителей Московской епархіи. Уставъ былъ представленъ московскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ Святѣйшій Синодъ, а изъ Синода былъ переданъ на разсмотрѣніе хозяйственнаго управленія. Исправленный управленіемъ уставъ эмеритальной кассы вновь поступилъ въ Синодъ и признанъ соотвѣтствующимъ цѣли обезпеченія духовенства. Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ московскому духовенству ввести въ дѣйствіе уставъ кассы, въ видѣ опыта, на 10 лѣтъ. Къ концу этого срока, когда уже имѣеть накопиться значительный капиталъ для выдачи пенсій участникамъ кассы и ихъ семействамъ, — уставъ московской духовной кассы долженъ быть снова представленъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, для исправленія его по указаніямъ 10-ти лѣтняго опыта и для окончательнаго затѣмъ утвержденія. Къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ епархій не возникало даже и рѣчи объ учрежденіи вспомогательныхъ для духовенства обще-епархіальныхъ кассъ.

— Одинъ изъ причетниковъ Полтавской епархіи помѣстилъ въ „Ц. О. В.“ замѣтку, въ которой онъ указываетъ на пчеловодство, какъ на одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ улучшенію матеріальнаго быта сельскихъ причетниковъ. Считаемо не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этой краткой замѣткой.

Коротко зналъ горемычную жизнь сельскаго причетника, пишетъ корреспондентъ, я хочу предложить испытанное мною средство къ улучшенію матеріальнаго быта его. Надо бы только отъ всей души полюбить предлагаемое средство и всецѣло предаться ему, безъ чего средство это никогда не принесетъ существенной пользы. Предлагаемое мною средство къ улучшенію матеріальнаго быта — это пчеловодство, которое, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, доставитъ еще и нравственное удовольствіе. Дѣйствительность этого средства я испыталъ на себѣ. Въ 1871 году выставилъ я изъ ошаника 14 семействъ пчель, — семейства эти въ теченіи роевой поры удвоились;

лѣтомъ 1872 года, прошлогоднее количество также удвоилось, въ 1873 году пасѣка моя по примѣру прошлыхъ двухъ лѣтъ опять удвоилась, такъ что осенью того-же года я продалъ сто семействъ пчель за 617 руб. 50 коп. сер., за исключеніемъ двѣнадцати семействъ, оставленныхъ для расплода, и четырехъ пудовъ меду, поступившаго въ мою экономію. Такимъ образомъ, въ три года пчелы наградили меня шестьюстами семнадцатью съ половиною рублями, кромѣ того, за все, что въ настоящее время я имѣю (20 десят. собственности и проч.), я обязанъ единственно пчеламъ. Изъ этого видно, какая полезная отрасль пчеловодство и какую значительную цифру даетъ оно дохода, при внимательномъ и правильномъ уходѣ за пчелой! Вѣдь подобный доходъ, полученный мною отъ 14 семействъ пчель (чрезъ три благопріятныхъ для пчеловодства года), равняется псаломщику жалованію за 18, а понамарскому за 20 лѣтъ слишкомъ.

Нужно сказать правду, что большинство изъ причетниковъ въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время проводить досугъ свой въ праздности; а нѣкоторые (не въ обиду будь сказано) и того хуже — упражняются въ пьянствѣ, въ ущербъ себѣ и своему бѣдному семейству. Такимъ горемыкамъ я особенно и совѣтую эту полезнѣйшую и посылную отрасль. Для хлѣбопашества и другихъ занятій требуются порядочныя средства и физическій трудъ, для пчеловодства-же на первый разъ достаточно затратить десять руб. да приложить стараніе, руководствуясь разумными книжными совѣтами, и можно ручаться, что въ теченіи 8—10 лѣтъ можно совершенно стать на ноги. Надобно только руководствоваться разумными книжными указаніями на этотъ предметъ, а не причитайми да напентываніями невѣждъ — простыхъ пасѣчниковъ, отравляющихъ жизнь пчель перцомъ и тому подобными слабостями.

Указавъ на одно изъ средствъ къ улучшенію матеріальнаго быта причетника, долгомъ считаю указать и на лучшія сочиненія по пчеловодству. Я намѣчу лучшія—въ виду того, что на святой Руси существуютъ и такія сочиненія, руководствуясь которыми никогда нельзя научиться правильно ухаживать за пчелой. Для начинающихъ самымъ подходящимъ будетъ—„Пчела и ея жизнь, краткое руководство для пчеляковъ“, составилъ А. Бутлеровъ, 2-е изданіе, значит. дополненное, цѣна 30 коп.; съ этимъ достойнымъ руководствомъ совершенно правильно и съ успѣхомъ можно вести пасѣчное дѣло, не имѣя возможности читать другихъ руководствъ. Желаящимъ-же вполне обогатить познанія свои по пчеловодству со-

вѣтую приобрести руководство польскаго пчеловода Любенецкаго (цѣна 5 р.) и г. Кулланды (цѣна 1 р.). Руководство Кулланды основано, такъ сказать, на послѣднемъ словѣ науки по пчеловодству. За руководствами Бутлерова и Любенецкаго можно обращаться въ Петербургъ, въ Императорское вольное экономическое общество; впрочемъ, ихъ можно приобрести и въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ губернскихъ городовъ; за руководствомъ-же Кулланды адресоваться къ самому автору: Пенза. Иларіону Семеновичу Кулландѣ. Многіе могутъ найти указанные руководства и у своихъ прихожанъ-помѣщиковъ, занимающихся пчеловодствомъ. Въ этихъ прекрасныхъ руководствахъ можно найти и теорію и всевозможныя правила рациональнаго пчеловодства.

— L' Union Chretienne сообщаетъ такія сужденія о бывшемъ въ с. Коростышевѣ, Кіевской епархіи, случаѣ соприкосновенія двухъ, несогласныхъ между собою, вѣроисповѣданій:

„L' Univers (органъ католической прессы, обречшій себя на безусловную защиту папства) не могъ также измѣнить привычнымъ ему ненависти и лжи по поводу отношенія его высокопреосвященства, кіевскаго митрополита Платона, къ католическимъ обывателямъ Коростышева. Le Nord упрекнулъ выставляющую себя благочестивою газету въ недостатокъ любви къ православной Церкви и указалъ ей на примѣръ преосвященнаго Платона. Католическій журналъ отвѣтилъ на это слѣдующими словами:

„Въ виду представленнаго Le Nord'омъ образа осуществленія въ Россіи официальной любви къ католикамъ, понятно, намъ мало заботы о томъ, чтобы имѣть отъ него одобреніе нашего способа пониманія и проявленія любви; почему и не будемъ съ нимъ спорить по этому пункту.

„Но Le Nord еще болѣе неудаченъ въ дѣлаемомъ имъ выборѣ примѣра для обличенія католиковъ въ нетерпимости. Дѣйствительно, не смотря на все искусство, съ какимъ онъ выставляетъ фактъ, о коемъ идетъ дѣло, ясно видно, что кіевскій схизматическій митрополитъ не только, въ этомъ качествѣ, вошелъ въ католическую церковь, но и произнесъ въ ней рѣчь, которая, видимо, направлена была къ тому, чтобы убѣдить правовѣрующихъ, что они не имѣютъ нужды строго держаться ученія католическаго. Какимъ-же именемъ назвать подобную рѣшимость? И римско-католическій житомирскій епископъ не вправѣ ли былъ, по этому одному, напомнить католическому священнику, котораго поведеніе въ этомъ обстоятельствѣ оказываетъ совершенное невѣдѣніе или забвеніе своихъ обязанно-

стей,—напомнить то, къ чему онъ обязывался предписаніями каноническаго права?“

„Но это, между тѣмъ, не все. Le Nord, который имѣетъ такое странное понятіе о любви, не менѣе странное имѣетъ и объ истинѣ. Не ранѣе какъ нынче мы получили *точный* разсказъ, въ официальномъ актѣ его преосвященства епископа житомирскаго, о фактѣ, подавшемъ поводъ къ обвиненіямъ Nord'a. Мы опубликуемъ его завтра, и изъ него можно будетъ увидѣть, что, вмѣсто того, чтобы войти въ католическую церковь скромно и какъ-бы уврадкой, схизматическій митрополитъ кіевскій велѣлъ себя оповѣстить, принять быть съ помшою и въ предшествіи этого великолѣпія, произнесъ свою *лукавую рѣчь* (perfidie discours).

„Можно-ли, послѣ этого, сказать, что преосвященный епископъ житомирскій, имѣя въ виду заставить соблюдать законы церкви, которые, конечно, не иные суть въ Польнѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, поступилъ противъ терпимости? Не надобно-ли, напротивъ, сказать, что онъ относительно своего вѣрующаго народа и даже относительно самаго злополучнаго священника, нынѣ раскаивающагося, совершилъ тотъ высшій актъ любви, который состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все для охраненія драгоценнаго благодѣянія истинной вѣры, тѣмъ, которые имѣютъ счастье пользоваться имъ?“

Точное извѣстіе, которое обѣщали своимъ читателямъ *Univers*, взято изъ гнуснаго памфлета, публикуемаго имъ періодически подъ заглавіемъ: *Lettres de Pologne et de Russie* (писема изъ Польши и изъ Россіи). Вотъ этотъ *точный* разсказъ, начинающійся рѣшеніемъ житомирскаго епископа, въ такой формѣ составленнымъ:

„Настоятель римско-католической церкви въ Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, Викентій Моравичъ, 15 іюня текущаго года, позволилъ себѣ выйти изъ церкви въ священническомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ и святою водою, окруженный народомъ, чтобы ввести въ эту церковь, при пѣніи гимновъ, одного не католика, кіевского митрополита Платона, который, выслушавъ священныя пѣсни, произнесъ отъ себя къ народу рѣчь“.

„Принимая во вниманіе, что каноническіе законы запрещаютъ всякое общеніе въ священныхъ дѣлахъ (*communicatio in sacris*) съ не католиками, мы, по обязанности нашей блюсти съ возможною заботливостію за сохраненіемъ католическаго ученія во всей его силѣ, объявляемъ, что реченный Викентій Моравичъ запрещается въ отправленіи церковныхъ службъ и въ соединенныхъ съ тѣмъ правахъ“.

„Реченный священникъ уже смиренно и подчинился положенной нами на сіе епетиміи, принося искреннее раскаяніе. Мы сообщаемъ это вамъ къ свѣдѣнію, господивъ деканъ (благочинный), и желаемъ, чтобы вѣрная копія съ этого письма сообщена была всеѣмъ священникамъ вашего деканата (благочинія) отдѣльно“.

„Полученныя нами изъ тѣхъ мѣстъ корреспонденціи памъ уже раскрыли дѣло до обнародыванія приведеннаго циркуляра, и, прибавляемыя ими къ объясненію факта, подробности таковы:

„Коростышовъ есть небольшой городокъ, населенный частію поляками-католиками, частію русскими, бывшими униатами, по со времени Николая насильственно обращенными въ схизму. Есть въ немъ *церковь схизматическая* и *церковь католическая*. Кіевскій митрополитъ, объѣзжая свою епархію по обязанности своего званія, пріѣхалъ и въ этотъ городокъ. Священникъ Моравичъ, заступавшій мѣсто отсутствующаго настоятеля (сосланнаго или умершаго), человекъ характера робкаго, трепещущій передъ русскими властями, вообразилъ, что его обязанностію было отдать честь такому важному лицу, какъ кіевскій митрополитъ, а въ противномъ случаѣ онъ будетъ наказанъ. Онъ вышелъ на встрѣчу ему, какъ рассказываетъ циркуляръ. Но то, чего не говоритъ онъ, заключается въ слѣдующемъ: *митрополитъ пытался въ своемъ смиліи примирить схизму и католичество на почвѣ спиритуалистической философіи. Онъ, какъ мы видѣли, именуется Платонъ и потому счелъ себя обязаннымъ, въ силу своего имени, проводить въ Коростышевской церкви чистый платонизмъ. Онъ утверждалъ существованіе Бога совершеннаго, безсмертіе души, но о всѣхъ другихъ догматахъ какъ католическихъ, такъ и схизматическихъ, трактовалъ слегка. Къ счастью, немногіе изъ присутствовавшихъ его поняли, потому что говорили по русски“.*

„Епископъ, узнавши о происшедшемъ, немедленно призвалъ къ себѣ священника и показалъ ему каноническій законъ, по которому онъ подвергался отлученію большому (*excommunicatio major*). Священникъ пришелъ отъ того въ ужасъ. Оказалось, что онъ не зналъ этого закона и боялся губернатора. Его раскаяніе такъ было искренно, что, не довольствуясь выраженіемъ его передъ епископомъ, онъ послалъ въ единственный, издающійся на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ журналъ, подъ наименованіемъ: *Крај*, объявленіе, что преступленіе содѣяно имъ—по невѣдѣнію и что онъ глубоко въ томъ раскаивается“.

Наши читатели, говоритъ вслѣдъ за этимъ нашъ почтенный за-

щитникъ православія на западѣ, о. Владиміръ Гетте, хорошо знаютъ всѣ подробности факта и могутъ видѣть, что инсинуцій въ *Univers* не знаетъ даже мѣстности, о которой хочетъ говорить.

„Всѣ журналы напечатали небольшую рѣчь преосвященнаго Платона. Но корреспондентъ *Univers*'а ее не читалъ. Въ дѣлаемомъ имъ, какъ будто-бы, нѣкоторомъ разборѣ ея нѣтъ ни слова правды. Онъ простеръ ложь, безсовѣстность или невѣжество до крайнихъ предѣловъ.

Этотъ невѣжественный и желчный корреспондентъ не знаетъ даже, что—существуетъ имя святаго Платона и что это имя принимается давними обѣтъ иноческаго житія. Онъ въ глупости своей думаетъ, что это православные монахи принимаютъ такое имя въ честь греческаго философа а, можетъ быть, даже воображаетъ, что это есть фамилія кіевскаго митрополита.

Вообще, *Univers* и его корреспонденты, *настоящіе* ли то, или *измышленные*, не могутъ говорить о православной Церкви, не обнаруживая своего грубаго невѣжества и самаго омерзительнаго и тупоумнаго фанатизма“ (*L'Union Chrétienne*, 1884, mois octobre, № 10, стр. 306 и сл.“

Этимъ ограничиваетъ парижскій издатель журнала *L'Union Chrétienne* свой отзывъ о католическомъ образѣ представленія коростышевскаго случая. Предоставляемъ отечественнымъ публицистамъ дополнить его своими замѣчаніями и разсужденіями, невольно вызываемыми злонамѣренною фальшивою пониманія факта. Мы-же считаемъ себя удовлетворительно и въ достаточной полнотѣ и вѣрности представившими все дѣло въ двухъ №№ нашего журнала за сентябрь мѣсяць (см. „Листокъ для Харьк. епархіи“ въ первой сентябрьской книжкѣ, стр. 515 и во второй, стр. 545 и сл.).

— Прошелъ только годъ со времени соглашенія нашего правительства съ римскою куріею относительно признанія извѣстныхъ правъ римско-католическаго епископата въ западной Россіи, и ни та, ни другая изъ согласившихся сторонъ не чувствуютъ уже себя довольными другъ другомъ. — Изъ Рима раздались сѣтованія на наше правительство за гоненіе, будто бы испытываемое католичествомъ въ Россіи. Поводами къ такимъ сѣтованіямъ могли послужить не только сокращеніе содержанія епископу Козловскому за поступокъ оскорбительный для православнаго митрополита кіевскаго, но и Высочайшее повелѣніе -- выяснить римско-католическимъ епископамъ, что по 44 ст. устава иностранныхъ исповѣданій римско-католическому епархіальному начальству принадлежитъ право

надзора только за духовными учрежденіями и за поведеніемъ духовенства, но отнюдь не право вмѣшательства въ распоряженія свѣтской власти, предписанія коей должны быть въ точности исполняемы всѣми безъ различія.— Съ другой стороны, русское правительство можетъ указать на цѣлый рядъ дѣйствій римско-католическихъ епископовъ западной Россіи, которыми вполне оправдываются указанныя мѣры, возвращающія римско-католическое духовенство въ границы его дѣйствительныхъ правъ. Газета „Свѣтъ“ (№ 231) воспроизводитъ этотъ рядъ дѣйствій, въ которомъ мѣра, принятая епископомъ Козловскимъ противъ ксендза Моравича, составляетъ уже давно всѣмъ извѣстный фактъ. Вышеуказанное Высочайшее повелѣніе о вышененіи римско-католическимъ епископамъ ихъ правъ и обязанностей вызвано послѣдовавшимъ отъ могилевскаго митрополита приказомъ подчиненному ему духовенству не исполнять непосредственно никакихъ приказаній гражданскихъ властей, а о всякихъ со стороны административныхъ властей требованіяхъ, касающихся церковныхъ дѣлъ, предварительно доносить ему и ожидать его распоряженія. Потомъ, почти всѣ нынѣшніе римско-католическіе епископы въ западно-русскомъ краѣ являются не столько слугами католичества, сколько апостолами польскаго языка. Они всѣ, начиная съ митрополита Гинтовта, заявляютъ, что польскій языкъ нерасторжимъ съ римско-католическимъ богослуженіемъ въ Россіи и съ обученіемъ римско-католиковъ закону Божію. Они являются такимъ образомъ слугами той польской идеи, которая постоянно враждовала съ русскою государственною идеею. Въ Вилянь епископомъ Гриневецкимъ уволенъ отъ званія прелата, предѣдателя консисторіи, назначенный правительствомъ и отличенный за службу весьма достойный человекъ Александръ Канцуговичъ; въ званіи же офиціала консисторіи назначенъ за то ксендзъ Герасимовичъ, бывший нѣкогда ректоромъ римско-католической епархіальной семинаріи и за сопротивленіе правительству по введенію русскаго языка въ школу и дополнительное богослуженіе потерявшій мѣсто. На видныя мѣста настоятелей Верковскаго и Остробрамскаго костеловъ назначены — братъ епископа, Александръ Гриневецкій, за участіе въ мятежѣ бывший въ ссылкѣ, послѣ помилованія получившій право поселиться въ Ригѣ и неизвѣстно, имѣющій ли еще и теперь право жить внѣ Риги, и ксендзъ Францкевичъ, сопровождавшій въ ссылку епископа Красинскаго. Первый изъ нихъ назначенъ сверхъ того и прелатомъ виленскаго кафедральнаго капитула. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ газета,—ссылка заняла вид-

ныи мѣста, а бывшіе правительственные друзья потеряли свои мѣста. Начались гоненія на людей, вводившихъ русскій языкъ въ школу и богослуженіе“. Кромѣ вышеназваннаго ксендза Канцуговича и давно уже извѣстнаго по гоненію, воздвигнутому на него польско-католическою справою, ксендза Сенчиковскаго, газета указываетъ еще на гродненскаго архидіакона и настоятеля соборнаго костела, Іоанна Милашевича, заслужившаго себѣ во всѣхъ слояхъ общества глубокое уваженіе, ревностно исполнявшаго Высочайшее повелѣніе о введеніи русскаго языка въ школы и богослуженіи, но за то въ первое же свиданіе съ епископомъ Гриневецкимъ получившаго приказъ отказаться отъ русскаго языка. За отказъ исполнить это приказаніе архидіаконъ былъ лишенъ священнодѣяствія на три года. Только поддержанный мѣстною русскою администраціею, Милашевичъ остался при своихъ церковно-административныхъ обязанностяхъ, законоучителемъ и сохранилъ квартиру и жалованье; но епископъ удержалъ его жалованье и назначилъ ему замѣстителя по исполненію церковныхъ требъ, а наконецъ по какому-то доносу, не провѣренному судебнымъ слѣдетвіемъ, лишилъ архидіакона и священнаго сана. Нельзя не сочувствовать слѣдующимъ словамъ газеты „Свѣтъ“:

„Конечно, весь сѣверозападный край смотритъ на эту небывалую борьбу епископа съ государственною властью. Напрасно думаютъ, что такая борьба проходитъ безслѣдно. Она прѣжде всего и больше всего питаетъ духъ крамолы и рѣшительнаго неуваженія къ власти. Надо, однако, ожидать, что дѣйствія виленскаго генераль-губернатора будутъ столь же рѣшительны, какъ была рѣшительна его вступительная рѣчь, при приѣмѣ членовъ виленской администраціи“.

— Находящаяся въ близкихъ отношеніяхъ къ римской курии газета „Moniteur de Rome“, уже неоднократно помѣщавшая на своихъ столбцахъ жалобы польскихъ и русскихъ католиковъ, напечатала на-дняхъ слѣдующую, очевидно, офиціальнаго происхожденія (по мнѣнію „Нов. Вр.“) замѣтку: „Сообщаемыя нами свѣдѣнія о все болѣе и болѣе ухудшающемся положеніи католиковъ въ Польшѣ и Россіи произвели сильное возбужденіе среди европейскаго католическаго міра. Католическія газеты всѣхъ странъ постыжили воспроизвести наши извѣстія. Будемъ надѣяться, что въ виду такого единодушнаго и добровольнаго протеста русское правительство пойметъ, что интересъ его и его честь требуютъ, чтобы оно сдержало свои обѣщанія и прекратило-бы посягательства на религіозную свободу своихъ католическихъ вѣроисповѣданцевъ“. Въ этой замѣткѣ

„Moniteur de Rome“ берлинская „National-Zeitung“ видятъ подтвержденіе полученнаго ею раньше извѣстія, что несмотря на побѣдоносные крики, поднятые ультрамонтанскою печатью по случаю прошлогодняго соглашенія русскаго правительства съ Ватиканомъ, римская курія испытала сильное разочарованіе. „Что вызвало у ватиканскихъ іезуитовъ переходъ къ мирному тону“?—спрашиваютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и отвѣчаютъ, что „сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что луцко-житомірскому епископу Козловскому убавлено на половину содержаніе, получаемое имъ отъ русскаго государства. Но каковы-бы ни были опасенія и протесты римскихъ іезуитовъ, послѣ недолговременныхъ попытокъ Льва XIII къ самостоятельности, снова ставшихъ у ватиканскаго кормила, было-бы малодушіемъ предполагать, что они въ силѣ что-нибудь остановить и что-нибудь устранить изъ неизбѣжнаго хода вещей“.

Программа дѣйствій русскаго правительства ясно указана нашими государственными интересами и тѣми разоблаченіями, какія воинствующій польскій католицизмъ далъ самъ о себѣ въ дѣлѣ ксендза Моравича и въ притязаніяхъ ковенскаго и виленскаго епископовъ. Желая, можетъ быть, поддержать духъ воинствующихъ польскихъ католиковъ, „Gazeta Narodowa“ увѣряетъ даже, что „житомірскій епископъ Козловскій дѣйствовалъ, подвергая ксендза Моравича наказанію, не самостоятельно, но послѣ предварительныхъ сношеній съ русскимъ правительствомъ“, которое-де разрѣшило „подвергнуть ксендза Моравича установленному каноническими правилами наказанію“. Приводитъ это оригинальное объясненіе извѣстнаго эпизода по случаю посѣщенія польскаго костела кievскимъ митрополитомъ, „Кіевлянинъ“ замѣчаетъ: „Наказаніе, которому подвергнуть епископъ Козловскій за учиненную имъ политическую демонстрацію, пришлось не по сердцу польскимъ газетамъ. Очевидно, поляки никакъ не ожидали такого неблагопріятнаго исхода, и они, можно думать, боялись возможности упадка духа въ средѣ представителей польской справы, храбрыхъ, обыкновенно, изъ-за угла и въ своихъ дѣйствіяхъ разсчитывающихъ на безнаказанность. Вѣроятно, въ цѣляхъ предотвращенія опасности они рѣшили... ага, благо это имъ не впервые приходится. „Новости“, какъ извѣстно, сдѣлали попытку свалить вину на Римъ и очистить поляковъ, теперь поляки сваливаютъ вину... на русское правительство!!!“

— Съ 24-го по 28-е минувшаго сентября, какъ читаемъ въ правительственномъ сообщеніи отъ 12-го октября, петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ рассмотрѣно *дѣло о 14-ти*

лицахъ, обвинявшихся въ государственныя преступленія, а именно: о дворянкѣ Вѣрѣ Николаевной Финнеръ, дочери священника Любови Васильевной Чемодановой, сынѣ священника Аполловѣ Принсеевѣ Немоловскомъ, сынѣ священника Дмитріѣ Яковлевѣ Суровцовѣ, купеческомъ сынѣ Анастасіѣ Анастасьевѣ Спандони-Басманджи, дворяникѣ Владиміръ Ивановѣ Чуйковѣ, купеческомъ сынѣ Василіѣ Григорьевѣ Ивановѣ, женѣ врача Людмилѣ Александровой Волкенштейнъ, уволенныхъ отъ службы: подполковникъ 59-го пѣхотнаго Люблинскаго полка Михаилъ Юльевичъ Ашенбрениеръ, штабсъ-капитанъ 9-й артиллерійской бригады Николаѣ Даниловѣ Похитоновѣ, поручикъ 28-й артиллерійской бригады Николаѣ Михайловѣ Рогачевѣ, подпоручикъ 131-го пѣхотнаго Тираспольскаго полка Александрѣ Пахомовѣ Тихановичъ, вранѣрищикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иванѣ Павловѣ Ювачевѣ и отставномъ флота лейтенантѣ баронѣ Александрѣ Павловѣ Штромбергъ.

По соображеніи обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ и разъясненныхъ на судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ, военно-окружной судъ призналъ подсудимыхъ: Фигнеръ, Немоловскаго, Суровцева, Спандони-Басманджи, Чуйкова, Иванова, Волкенштейнъ, Ашенбрениера, Похитонова, Рогачева, Штромберга, Ювачева и Тихановича—виновными въ принадлежности къ противозаконному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный, общественный и экономическій порядокъ путемъ насильственныхъ дѣйствій, выразившихся въ цѣломъ рядѣ преступныхъ посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II, завершившихся мученическою Его кончиною, а равно убійствъ, посягательствъ на жизнь государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ и другихъ преступленій, повлекшихъ за собою нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; подсудимую же Любовь Чемоданову—въ принадлежности къ противозаконному сообществу, стремящемуся къ совершенію государственнаго переворота въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и мѣрами ненасильственными.

Изъ упомянутыхъ преступниковъ Штромбергъ—имѣя преступныя сношенія съ завѣдомо принадлежавшими къ противозаконному сообществу: Сухановымъ, Желябовымъ, Колоткевичемъ и др., однимъ изъ первыхъ вступилъ членомъ петербургскаго центрального военно-революціоннаго кружка; въ день 1-го марта находился въ квартирѣ Суханова, куда приходила Перовская, говоря о необходимости

освободить арестованнаго Желябова; участвовалъ въ гектографированіи воззваній по поводу злодѣянія 1-го марта и въ очищеніи, съ цѣлью скрѣтїя слѣдовъ преступленія, квартиры Фигнеръ отъ находившихся въ ней типографскихъ принадлежностей и запаса динамита; *Рогачевъ*—вступилъ въ 1880 г. въ преступныя сношенія съ лицами, завѣдомо принадлежавшими къ тайному преступному обществу: Желябовымъ, Сухановымъ, Колоткевичемъ и др., вмѣстѣ съ названными преступниками, на квартирѣ у Суханова, обсуждалъ планъ революціонной пропаганды въ войскахъ и принялъ участіе въ составленіи устава военно-революціонной организаціи на началахъ народовольческаго сообщества; въ 1881 г. распространялъ революціонныя ученія среди частей войскъ, расположенныхъ въ гор. Гельсингфорсѣ, а затѣмъ, возвратившись въ Петербургъ, завѣдомо, съ цѣлью скрѣтїя слѣдовъ преступленія, хранилъ у себя на квартирѣ типографскія принадлежности, преступныя изданія и т. п. предметы, переданные ему вкорѣ послѣ совершенія злодѣянія 1-го марта казненнымъ государственнымъ преступникомъ Сухановымъ, въ 1882 г.; по порученію преступнаго сообщества, совершилъ поѣздку по губерніямъ сѣверо-западнаго края и входилъ въ сношенія съ офицерами нѣкоторыхъ расположенныхъ въ означенныхъ губерніяхъ частей войскъ, для привлеченія ихъ къ образованію мѣстныхъ военно-революціонныхъ группъ и, наконецъ, осенью 1883 г. принялъ предложеніе подсудимой Вѣры Фигнеръ выйти въ отставку и заняться организаціей „боевыхъ дружинъ“.

Признавъ по отношенію къ подсудимымъ Ашенбреннеру, Рогачеву, Похитонову, Штромбергу, Ювачеву и Тихановичу наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, а по отношенію къ подсудимымъ Иванову, Немоловскому, Чуйкову, Суровцову и Спандони-Басмаджи—обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, военно-окружный судъ приговорилъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, и, кромѣ того, Фигнеръ, Чуйкова, Ашенбреннера, Похитонова, Рогачева, барона Штромберга, Тихановича, Волкенштейнъ и Ювачева—дворянства, Чемоданову, Немоловскаго, Суровцева—почетнаго гражданства, барона Штромберга—титула барона, Ашенбреннера, Похитонова, Рогачева, Штромберга, Ювачева и Тихановича—чиновъ, Ашенбреннера, Похитонова, и Тихановича—орденовъ, медалей и знаковъ отличія, подсудимыхъ: Фигнеръ, Ашенбреннера, Рогачева, Похитонова, Штромберга, Ювачева, Тихановича и Волкенштейнъ—подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе; подсудимыхъ: Иванова, Немоловскаго, Чуйкова, Суровцева и Спандони-Басмаджи—

сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Иванова и Немоловскаго—безъ срока, Чуйкова—на 20 лѣтъ, Суровцова и Спандони-Басмаджии—на 15 лѣтъ; подсудимую Чемоданову—сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 4 года, всѣхъ съ послѣдствіями, въ статьяхъ 22—28 улож. о наказ. опредѣленными. Означенный приговоръ 5-го сего октября утвержденъ помощникомъ командующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, съ замѣною опредѣленнаго судомъ наказанія: Немоловскому, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, —сылкой въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ и Чемодановой—по лишеніи всѣхъ правъ состоянія,сылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: даровать жизнь подсудимымъ: Вѣрѣ Фигнеръ, Людмилѣ Волкенштейнъ, Николаю Похитонову, Михаилу Ашенбреннеру, Александру Тихановичу и Ивану Ювачеву, замѣнивъ опредѣленное имъ судомъ наказаніе, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія: Вѣрѣ Фигнеръ, Похитонову, Ашенбреннеру и Тихановичу —сылкой въ каторжныя работы безъ срока, а Людмилѣ Волкенштейнъ и Ювачеву—сылкой въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

Приговоръ суда относительно подсудимыхъ Штромберга и Рогачева 10-го октября приведенъ въ исполненіе.

— Среди крестьянъ села Скнятинова, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, издавна укоренился обычай — для выполненія разныхъ общественныхъ предпріятій и удовлетворенія потребностей обращаться къ артельному труду. Такъ, въ 1882 году, для сооруженія каменной церкви, мѣстные крестьяне, по сообщенію „Ярославск. Губ. Вѣд.“, —устроили общественныя кирпичный заводъ, причемъ продуктами труда не только пользовались для непосредственной своей цѣли, но также и продавали его, употребляя полученные деньги на другіе необходимыя для постройки церкви матеріалы; лѣсъ доставлялся къ мѣсту сооруженія тоже общественнымъ трудомъ. Время отъ времени, по мѣрѣ надобности они прибѣгали къ этому труду и въ послѣдующіе годы. Наконецъ, въ исходѣ прошлаго десятилѣтія и началѣ текущаго, крестьяне обратились къ общественной запискѣ; побудительной причиной было желаніе обезпечить причтъ и улучшить благолѣпіе церкви. Результаты общаго труда не замедлили сказаться самымъ блистательнымъ образомъ: въ короткое время крестьяне успѣли сберечь до 2,000 рублей, для обезпеченія самостоятельности причта, устроили домъ для жительства священника, стоящій 1,500 руб., купили для церкви два колоко-

ла—одинъ цѣною до 3,000 руб. и другой въ 500 рублей; кромѣ того исправили живопись и произвели наружную ремонтировку церковныхъ зданій. Если принять расходы на послѣднія статьи приблизительно въ 1,000 рублей, то получится сумма производительности общественнаго труда, выраженная въ цифрѣ 8,000 рублей. Способъ пользованія общественными запасками, практикуемый скнятинскими крестьянами, знакомъ и сроденъ всему русскому крестьянству: это—видъ земледѣльческой артели. Каждый домовладѣлецъ выдѣляетъ общественную запашку по равному количеству земли съ души своего семейства и каждый участвуетъ въ предпріятіи личнымъ физическимъ трудомъ.

— Корреспондентъ „Рус. Вѣд.“ передаетъ весьма характерный случай, какъ свидѣтельство того, что можетъ сдѣлать крестьянское общество при отсутствіи злоупотребленій со стороны его непосредственныхъ „властей“—старшины, писаря и пр. Крестьяне Знаменской волости, Смоленской губерніи, купили у г-жи Соловцовой землю, оставшуюся за надѣломъ крестьянъ, въ количествѣ 6,032 дес., за 95,000 руб. Уплата этой суммы разсрочена на 6 лѣтъ. Вначалѣ была совершена запродажная запись, при этомъ было уплачено г-жѣ Соловцовой 10,000 р. Получивъ запродажную запись, уполномоченные отъ волости крестьяне Федоровъ и Логуновъ (первый служитъ волостнымъ старшиной) заключили съ крупнымъ лѣсопромышленникомъ г. Ивановымъ условіе, по которому предоставили въ его пользованіе, въ теченіе 25 лѣтъ, часть запродажной г-жѣ Соловцовой земли, около 1000 дес., съ находящимся на ней строевымъ лѣсомъ (его относительно немного) и дровяницей. При заключеніи этого условія г. Ивановъ уплатилъ 14,000 р. Эти деньги были доставлены г-жѣ Соловцовой, которая, согласно запродажной записи, выдала крестьянамъ купчую крѣпость, взявъ отъ нихъ закладную на проданную землю, какъ документъ, обезпечивающій исправный платежъ денегъ. Еще крестьянамъ пришлось собрать около 6,000 руб. на совершеніе купчей. Кромѣ задаточныхъ 14,000 р., г. Ивановъ обязался платить, въ теченіе 6 лѣтъ, по 9,200 р. Недостающія деньги для составленія той суммы, которая ежегодно должна быть уплачиваема г-жѣ Соловцовой, легко могутъ быть выручаемы изъ арендной платы за сѣнокосную и пахотную землю, купленную у нея. Покупкою этой земли благосостояніе крестьянъ всей волости надолго обезпечено.

— Простое средство отъ золотухи. Наиболѣе дѣйствительныя средства противъ золотухи, извѣстныя въ медицинѣ, напримѣръ іо-

дистый кали и желѣзо, прописываемые врачами, недоступны по цѣнѣ для большинства бѣдняковъ и не всегда приносятъ пользу. Рыбій жиръ изъ аптекъ обходится дорого, а въ деревняхъ его и купить негдѣ. Извѣстный изобрѣтатель цѣлебной мази и другихъ средствъ А. П. Ивановъ въ „Совр. Изв.“ опубликовалъ рецептъ простаго и дешеваго средства отъ золотухи у дѣтей, которое раньше составляло его секретъ и привлекало къ Иванову множество больныхъ, получавшихъ, по его словамъ, всегда излѣченіе. Лѣкарство изготовляется такъ: взять крапивнаго цвѣта (бѣлая кашка), черносмородиннаго листа и листьевъ грецкаго орѣха по равной части. Цѣпотку смѣси изъ этихъ травъ заварить тремя стаканами воды и дать настояться $\frac{1}{2}$ часа. Настоя этого давать дѣтямъ пить вмѣсто воды и чая до полного излѣченія. Упомянутыя травы имѣются въ каждой травяной лавкѣ.

— Октября 12 дня 1884 года, въ 7 часовъ утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, напутствованный Св. Таинствами Елеосвященія и Причащенія, скончался на 59 году отъ рожденія, Харьковскаго уѣзда села Песочина Васильевской церкви псаломщикъ-діаконъ *Василій Андреевичъ Григоревичъ*. Покойный родился въ селѣ Пересѣчномъ, Харьковскаго уѣзда, сынъ дьячка, по увольненіи въ 1841 году изъ средняго отдѣленія Харьковскаго духовнаго училища—опредѣленъ, въ томъ-же году, пономаремъ къ Преображенской церкви села Панъ-Ивановки, Харьковскаго уѣзда. Въ 1842 году мая 30 дня перемѣщенъ на таковую-же должность къ Архангело-Михайловской церкви села Пересѣчнаго; посвященъ въ стихарь октября 5 дня 1843; опредѣленъ дьячкомъ къ той-же церкви 5 юля 1849 года; рукоположенъ во діакона къ той-же церкви на дьячковскую вакансію 1858 года юля 16 дня; опредѣленъ штатнымъ псаломщикомъ къ Васильевской церкви села Песочина 1874 г. января 10 дня.—Покойный, о. діаконъ, отличался весьма хорошимъ знаніемъ церковнаго устава, ревностнымъ выполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, простотою образа жизни, въ особенности-же вѣжливымъ и кроткимъ обращеніемъ съ своими прихожанами, чѣмъ заслужилъ отъ нихъ полное уваженіе и искреннюю любовь. Въ семействѣ покойнаго остались два сына *Симеонъ* и *Іоаннъ*, состоящіе и. д. псаломщиковъ, и дочь *Нараскева*, находящаяся въ замужествѣ за крестьяниномъ.

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНИНЪ на 1885 г.

предполагается издавать ДВА РАЗА ВЪ ПЕДѢЛЮ по Воскресеньямъ и Четвергамъ и сверхъ того одинъ разъ въ мѣсяцъ большія книги

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Съ Божіею помощію, въ концѣ нынѣшняго года изданію „Гражданинъ“, подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ, исполнится *десятилѣтіе!*

Для всякаго другаго изданія десять лѣтъ ничего не означаютъ особеннаго. Для журнала же „Гражданинъ“, съ его рѣзкимъ и неуклонно-твердымъ направленіемъ противотеченія, десятилѣтіе есть многозначащее событіе. Это означаетъ 10 лѣтъ непрерывной борьбы горсти людей за убѣжденія, за порядокъ, за власть, за истиннаго Бога, противъ многочисленныхъ и разнообразныхъ враговъ.

Но не съ одними врагами приходилось считаться „Гражданину“. Ему приходилось терпѣть отъ противника, который хуже врага. Противникъ—это масса людей, равнодушныхъ ко всякимъ жизненнымъ вопросамъ Россіи, равнодушныхъ ко всякой борьбѣ правды съ кривдою, слабого съ сильнымъ! Въ другихъ государствахъ всякая литературная борьба за консервативныя начала находитъ сильную поддержку въ единомыслии многихъ посреди разныхъ слоевъ общества, благодаря которой сила обонхъ противниковъ, либераловъ и консерваторовъ, въ борьбѣ является болѣе или менѣе равною; у насъ, съ сожалѣніемъ, честное и твердое отстаиванье идеаловъ, преданій и основъ общественнаго, государственнаго и даже семейнаго строя, минуя тысячи равнодушныхъ, находитъ поддержку лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ: оскальнымъ пѣтъ дѣла до борьбы слабого съ сильнымъ; остальные даютъ себя нести по теченію. И сколько разъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ намъ приходилось слышать и читать, въ признаніи самихъ нашихъ читателей, такіа слова: „я „Гражданина“ не читалъ, но читалъ лишь брани на него; какъ-то случайно мнѣ попался номеръ „Гражданина“; я прочиталъ двѣ-три статьи, и убѣдился, что журналъ этотъ не заслуживаетъ брани, по достоинствѣ пзнаго сочувствія!“

Затѣмъ, не переставая заботиться объ улучшеніи изданія и объ усиленіи интереса въ его содержаніи, Редакція съ нынѣшняго года начала помѣщать „ПИСЬМА О РОССИИ“ двухъ новыхъ сотрудниковъ, почтеннаго и талантливаго Вс. Вл. Крестовскаго и Г. К-ко, получившихъ правительственное назначеніе въ разныхъ губерніяхъ Россіи, и изъявившихъ готовность, въ досужее отъ службы время писать статьи и очерки исключительно для „ГРАЖДАНИНА“. Губерній, изъ которыхъ будутъ писема, суть: *Ярославская, Московская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Пермская и Казанская.*

Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по военнымъ вопросамъ новыхъ сотрудниковъ.

Введя столь значительныя улучшенія въ изданіе, требующія значительныхъ новыхъ затратъ, Редакція считаетъ себя вправе, послѣ всего сдѣланнаго ею для читателей, немного пощадить и себя, и повышая цѣну на годовое изданіе журнала „Гражданинъ“, съ ежемѣсячными приложениями, съ восьми руб. на десять руб. съ пересылкою, полагаетъ, что немногіе изъ читателей „Гражданина“ рѣшатся, на такое незначительное повышеніе въ цѣнѣ изданія, взглянуть съ неудовольствіемъ.

Цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою 10 руб.

Для служащихъ допускается чрезъ назначеевъ подписка съ разсрочкою, съ платою по **ОДНОМУ** рублю въ мѣсяцъ.

Для всѣхъ желающихъ допускается подписка съ разсрочкою на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ 4 рубля, съ письменнымъ обязательствомъ внести остальные 6 рублей въ опредѣленный Редакціею срокъ.

Въ мартѣ 2 р. — Въ іюль—2 р. — Въ сентябрѣ 2 р. — На полгода 6 р. — На треть года 5 р. — На четверть года 4 р.

Редакторъ-Издатель **Ген. В. Шенцерскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

И Л

ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ДЕШЕВУЮ ГАЗЕТУ СЪ РИСУНКАМИ

ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА

Редакція постарается, чтобы въ газетѣ было все, что бываетъ въ другихъ еженедельныхъ газетахъ, но чтобы она была дешевле другихъ газетъ съ рисунками.

При каждомъ номерѣ газеты будутъ рисунки съ объясненіями.

Такъ какъ газета, по объему своему, не можетъ вмѣстить въ себя много, да кромѣ того и не всякій ее бережетъ, а между тѣмъ многое можетъ быть весьма полезно для прочтенія и не однихъ только русскихъ, то для статей крупныхъ, заслуживающихъ вниманія и могущихъ быть полезными для многихъ, выходитъ кромѣ того:

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

Означенное Приложение, выходившее прежде шесть разъ въ годъ, съ 1884 года выходитъ каждый мѣсяць, такъ, что въ годъ выйдетъ двѣнадцать книжекъ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Подписная цѣна съ „Вѣстникомъ“ 6 руб. 50 коп. На одно Приложение подписка не принимается.

Чтобы получать газету съ начала будущаго года своевременно, подписка должна быть сдѣлана въ концѣ настоящаго года.

Всякаго рода требованія какъ простыя, такъ и денежныя, должно адресовать такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Вѣстникъ Краснаго Креста“.

Въ Харьковѣ, въ этомъ году, вышло новое сочиненіе автора „Анти-Энциклики“, напечатанное имъ въ защиту послѣдней отъ сдѣланныхъ со стороны католичества возраженій, и отличающееся еще болѣе рѣзкимъ и обличительнымъ для католичества тономъ, чѣмъ первоначальное, въ защиту котораго писано; заглавіе его:

ОТВѢТЪ автора „Анти-Энциклики“ на послѣдовавшее со стороны католичества противу нея возраженіе.

Продается вмѣстѣ съ „Анти-Энцикликой“:

Въ ХАРЬКОВѢ—въ томъ-же „Складѣ“ у проф. П. В. Платонова (Черноглазовская ул., собственный домъ, № 4), изъ котораго объявлена продажа „Анти-Энциклики“; здѣсь-же имѣются для продажи нѣсколько экземпляровъ Болгарскаго перевода „Анти-Энциклики“; въ книжной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря и въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. П. и П. П. Куколевскихъ.

Въ МОСКВѢ—въ книжныхъ магазинахъ: Ферантонова, на Никольской и Глазунова на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ—въ книжномъ магазинѣ Имп. А. Тузова, на Большой Садовой, домъ Коровина, № 16.

Въ КИЕВѢ—у Н. А. Оглоблина, на Крещатикѣ.

Цѣна какъ „Анти-Энцикликѣ“, такъ и „Отвѣту“ въ отдѣльности 60 к., а вмѣстѣ 1 рубль, болгарскому переводу тоже рубль.

Книгопродавцамъ уступка на 20 %. Пересылка на счетъ „Склада“.

О КНИГАХЪ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ

ПРОДАЮЩИХСЯ

ВЪ ЗНАИТОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ГУЗОВА

въ С.-Петербурѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16, противъ
Гостиннаго Двора.

1) Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковію, съ свѣдѣніями о праздни-
кахъ господскихъ и богородичныхъ, и о явленныхъ чудотворныхъ иконахъ. Со-
ставленныя Преосвященнымъ Филаретомъ (Гумилевскимъ), архіепископомъ Черни-
говскимъ, съ дополненіями изъ другихъ. Съ изображеніями святыхъ и праздни-
ковъ Академика Ѡ. Г. Солнцева. Съ приложеніемъ портрета преосвященнаго Фи-
ларета. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, двѣнадцать мѣсяцевъ: Январь, Фев-
раль, Мартъ, Апрель, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь,
Декабрь. Спб. 1885 г. Ц. за всѣ 12 книгъ 15 р.

2) Житія святыхъ подвижницъ восточной Церкви. Соч. Филарета (Гумилевскаго),
архіеп. Черниг. Изданіе второе. Съ изображеніями святыхъ подвижницъ Акаде-
мика Ѡ. Г. Солнцева. Отпечат. на велепевой бумагѣ. Спб. 1885 г. ц. 1 р. 50 к.

3) Обзорѣніе Пророческихъ книгъ Ветхаго Заветѣа. По утвержденной програм-
мѣ составилъ Алексѣй Хергозерскій. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1885 г.
ц. 1 руб.

4) Обзоръ русской духовной литературы. Книжки первая и вторая. 862 - 1863 г.
Соч. Филарета (Гумилевскаго) архіеп. Черниг. Изданіе третье, съ поправками и
дополненіями автора. Спб. 1884 г., ц. 3 р.

5) Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, говоренныя Филаре-
томъ (Гумилевскимъ) архіеп. Черниг. Съ портретомъ автора. Въ двухъ частяхъ.
Изданіе третье. Отпечатано на велепевой бумагѣ. Спб. 1884 г. ц. 3 р.

6) Новая скрижаль или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ
и утваряхъ церковныхъ. Веніаминъ арх. Нижегород. Въ 4-хъ частяхъ, съ рисунками,
гравированными на деревѣ Л. Свряковымъ. Изданіе 14-е. Спб. 1884 г. ц. 2 р.

7) Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путево-
дная цитъ при научныхъ изысканіяхъ. Георгій Властова. Въ 3-хъ томахъ. Изда-
ніе второе исправленное.

8) Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе Божественной Литур-
гій. Основано на священномъ писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ со-
боровъ и на писаніи св. Отцевъ церкви Свѣт. Ивановъ Дмигревскимъ. Вновь пе-
речтенное и исправленное изданіе, съ рисунками Академика Ѡ. Г. Солнцева.
Отпечатано на велепевой глазированной бумагѣ. Спб. 1884 г. ц. 2 р. 50 к., въ изящ-
номъ переплетѣ 3 р. 50 к.

9) Святель благочестія, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ.
Протоіерея Василия Нордова. Съ портретомъ автора. Въ 2-хъ томахъ, 1200 стра-
ницъ убористаго шрифта. Цѣна 5 руб.

10) Слова, бесѣды и рѣчи Филарета (Гумилевскаго) архіепископа Черниговска-
го и Ніжинскаго. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. Цѣна 3 р.
50 к. Въ роскошномъ переплетѣ 4 р. 50 к.

11) Доказательства истинны Христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ
неполненіи пророчествъ. А. Кейта. Переводъ съ 38 изданія барона Отто Вальс-
пера. Спб. 1870 г. ц. 2 р.

12) Ученіе евангелиста Іоанна о словѣ. Филарета архіеписк. Черн. Черниговъ,
1869 г. Ц. 1 р. 25 к.

13) Опытъ объясненія на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Филарета
архіеп. Черниговскаго. Черниговъ, 1862 г. Ц. 75 к.

14) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣвца Греческой Церкви (Больш-

шой томъ, 464 стр.). Филарета арх. Изд. 2-е, съ дополненіями. Черниговъ. 1864 года. Цѣна 1 р. 50 к.

15) Православное догматическое богословіе, Филарета арх. Черн. 2 тома. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 3 руб.

16) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Филарета (Гумилевскаго) Архіепископа Черниговскаго. Въ трехъ томахъ (860 страницъ). С.-Петербургъ, 1882 года. Цѣна 5 руб.

17) Дни Богослуженія православной католической восточной Церкви. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. 2 большихъ тома, въ 6 частяхъ. Изданіе 7-е. Сиб. 1882 года. Цѣна 3 р.

18) О говѣніи по уставу православной Церкви. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. Изд. 2-е. Сиб. 1882 года. Цѣна 50 к.

19) Седмица говѣнія исповѣди и причащенія. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. Изданіе 2-е. Сиб. 1882 г. Цѣна 20 к.

20) Семейство Виваніи. Размышленія о болѣзни, смерти и воскресеніи Лазаря. Сиб. 1871 г. Цѣна 50 коп.

21) Поученія къ простому народу. Іоанна Архангельскаго, священника Саратовской Срѣтенской церкви. Изд. 5-е. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к.

22) О подражаніи Христу. Четыре книги. Твореніе Фомы Кемпійскаго. Перев. А. Мѣшанинова. Цѣна 1 руб.

22) Божественное лицо и дѣло Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Сиб., 1882 г. Цѣна 1 руб.

23) Поученія сельскаго пастыря. Священника П. Боброва. Изд. 2-е. Сиб. 1881 года. Ц. 1 р. 25 к. Въ красивомъ переплетѣ 2 руб.

24) Полное собраніе поученій Протоіерей Р. Путьягина. Съ портретомъ его, гравированнымъ на стали. Изданіе 20-е. Сиб. 1884 г. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 к. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

25) Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Епископа Игнатія (Врянчаннинова) Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ красивомъ переплетѣ 2 р.

26) Поученія на великіе праздники православной Церкви и на 1-ю недѣлю великаго поста. Составлены архимандр. Іосифомъ. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р.

27) Отечникъ. Избранная изреченія святыхъ шюковъ и повѣсти пзъ жизни ихъ, собранная Епископомъ Игнатіемъ (Врянчанниновымъ). Съ приложеніемъ портрета преев. Игнатія и снимка съ его рукописей: „Предисловіе“ къ первому тому (аскетическихъ опытовъ). Большой томъ, въ 8-ю долю листа 551 страница, четкой печати. Сиб. 1880 г. Ц. 3 р.

28) О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцевъ. Собранное Епископомъ Игнатіемъ (Врянчанниновымъ). Изд. 2-е. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к.

29) Анаемистъ Святому Ангелу неуспиаемому хранителю человеческой жизни. Изданіе пятое. Сиб. 1883 г. Цѣна 80 к., въ красивомъ переплетѣ 75 коп.

30) Характеръ протестантства и его историческое развитіе. Ректора (бывшаго) С.-Петербургской духовной семинаріи, Архимандрита Хрисанфа. Изд. 2-е. Сиб. 1871 г. Ц. 75 к.

31) Чтеніе для дѣтей настора Тодда. Перевелъ съ англійскаго Протоіерей Е. Поповъ. Въ 2-хъ част. Изд. 4-е. Сиб. 1875 г. Ц. 50 к.

32) Бесѣды о Божественной Литургіи Архимандрита Макарія (Троицкаго). Бывшаго законоучителя Орловскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Сиб. 1881 г. Цѣна 50 коп.

33) Толкованіе на псалмы. Составилъ Палладій, епископъ Саранульскій. Изданіе 2-е, испр. и допол. Вятка, 1874 г. Ц. 2 р.

34) Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной. Сиб. 1860 г. Цѣна 50 коп.

35) Потерянный рай. Поэма Мильтона перевелъ стихами С. П. Исаревъ. Напечатано въ 8-ю долю листа, 500 страницъ, съ подробною біографіею Мильтона

и съ рисункомъ съ картины: Мильтонъ диктующій своей дочери поэму „Потерянный рай“. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

36) Мессіада. Божественная поэма. Сочиненіе Клонштока. Перевелъ стихамп С. П. Писаревъ. Въ 3-хъ частяхъ. Въ 8 д. л., 900 стр. Спб. 1868 г. Ц. 4 р.

37) Катихизическія поученія (къ простому народу), на спаволь вѣри, молитву Господню, блаженства Евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Составлены священ. Петромъ Макаровичемъ. 284 стр. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к.

38) Объ истинномъ христіанствѣ. Изданіе 1875 года напечатанное въ 8-ю долю листа 1240 страницъ. Цѣна 4 руб.

39) Письма о христіанской жизни. Въ 4-хъ частяхъ. Епископа Теофана. Большой томъ, въ 8 д. л. 787 страницъ убористой печати. Спб. 1880 г. Цѣна 3 р.

40) Бесѣды православнаго священника съ старообрядцами. Священника Тимофея Твердынскаго. Изданіе 1876 года, напечатанное въ 8-ю долю листа, 730 страницъ. Цѣна 1 руб. 75 к.

41) Духовныя стихотворенія Здѣшняго. Изданіе третье, доцолненное 20-ю новыми стихотвореніями Цѣна 75 коп.

42) Вѣчное блаженство святыхъ. Сочин. Ричарда Бакстра. Переводъ съ французскаго Андрея Свѣтлакова. Спб. 1882 г. 161 стр. Цѣна 1 руб.

43) Правила святой жизни. Сложены Аввою Бернардомъ. Въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахиней. Переводъ съ французскаго языка, проверенный по подлинному тексту латинскому. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., въ роскоши. коленкор. переплетѣ 1 р.

44) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, посяняющихъ церковныя отъ Рождества Христова до 1879 г. Архимандрита Арсенія. Спб. 1880 г. Ц. 4 р.

45) Проповѣди Арх. Анастасія, инспектора Минской семинаріи Спб. 1880 г. въ 8 д. л. на хор бум. Ц. 1 р. 50 к. Въ красив. переплетѣ 2 р.

46) Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Епископа Гермогена, бывшаго прот. К. Доброправпа 6-е изданіе, исправленное и доцолненное. Спб. 1880 г. Цѣна 35 к. съ перес. 50 к.

47) Слова о священствѣ святаго отца нашего Иоанна Златоустаго Архіепископа Константинопольскаго. Перевелъ съ Греческаго Прот. Иоаннъ Колоколовъ. 2-е исправлен. изд. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

48) Полное собраніе поученій Протоіерея Іак. Конст. Романова. Два тома въ 8 д. л., болѣе 1400 страницъ убористой печати Спб. 1880—81 г. Цѣна 4 р. 50 к.

49) Нравственное ученіе Святаго отца нашего Исаака Сирина. Спб. 1874 г., цѣна 50 коп.

50) О кончинѣ міра. 3 поученія изъ соч. Еписк. Игнатія (Врянчанинова). Изд. 2-е Спб. 1881 г. Ц. 20 к.

51) Приготовленіе къ таинству крестованія и святаго прѣчастія Изъ сочин. Еписк. Игнатія (Врянчанинова). Изд. 2-е Спб. 1883 г. Ц. 30 к.

52) Слова, бесѣды и поученія Архимандрита Макарія (нынѣ Епископа), Говоренныя имъ въ бытность священникомъ въ городѣ Орлѣ и законоучителемъ въ Орловскомъ Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1856 — 1879 г. Спб. 1881 г. 261 стр. Изданное изд. Ц. 1 р. 50 к.

53) Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей вѣдомства Св. Синода. Сост. Алексѣевъ. Спб. 1880 года. ц. 1 р. 50 к.

54) Нравственныя бесѣды на воскресныя евангелія. Перев. съ гречес. архим. Неофита (Пагидаса). Спб. 1884 г. ц. 75 к.

На пересылку кнѣзь магазинъ изобрѣйше просить прилагать измѣрніе 15 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ болѣеимъ выборомъ книгъ духовно-нравственнаго характера. Требования гг. погородныхъ исполняются съ большою точностію.

Только что отпечатанъ Полный каталогъ книжнаго магазина 1885 г. (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія). Цѣна 35 коп. При требованіи на другія книги каталогъ высылается безплатно.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Спб., въ книжный магазинъ

И. Л. Тузова, Больш. Садовая. д. № 16.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

ВЪ 1885 ГОДУ.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ въ 1885 году.

Въ продолженіе своего одинадцатилѣтняго существованія, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ всегда отзывался на текущія нужды духовенства, вносилъ свою скромную лепту въ обсужденіе занимавшихъ его за это время вопросовъ. Иныя наступила очередь для вопросовъ иного склада и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ не станетъ въ сторонѣ отъ нихъ, и сдѣлаетъ все, для него возможное, чтобы и по этимъ вопросамъ сказать свое слово и посылить своеобетовать ихъ выясненію. Недавно состоявшійся съѣздъ первостоятелей ѳизическихъ церквей и вновь издаваемые правила о церковно-приходскихъ школахъ имѣютъ важное значеніе для духовенства не только по своей сущности, но и въ смыслъ нравственнаго и матеріальнаго подъема духовенства. Высшая власть, помимо другихъ своихъ заявленій въ томъ-же направленіи, упомянутыми актами выразила и признаніе великой государственной силы духовенства, и заботливость о поднятій его на должную высоту въ общемъ механизмѣ народной жизни. Читателямъ извѣстно, до какой степени все это отвѣчаетъ задачамъ и цѣлямъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, и потому они могутъ быть увѣрены, что практическая разработка относящихся сюда вопросовъ составитъ для насъ въ будущемъ, какъ это было и въ прошедшемъ, первостепенный предметъ нашей публицистической дѣятельности. Намъ остается только надѣяться, что читатели наши, всегда сочувственно относившіеся къ нашимъ послѣднимъ трудамъ, не откажутъ намъ въ этомъ сочувствіи и впредь и, содѣйствуя матеріальной поддержкѣ нашего изданія, поддержать его и нравственно, дабы общими усиліями достигнуть цѣлей, одинаково дорогихъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для насъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное безлатное приложеніе, подъ названіемъ „Календарь для духовенства“ на 1885-й годъ. Въ распоряженіи редакціи имѣется масса въ высшей степени интереснаго матеріала для этого приложенія, и некоторыя имѣющія во фти въ него статьи появятся въ печати въ первый разъ. Не перечисляемъ теперь ихъ содержанія. „Календари“ наши за первые одинадцать лѣтъ могутъ служить ручательствомъ, что и „Календарь“ 1885 года не отстанетъ по своему интересу отъ своихъ предшественниковъ.

Чтобы облегчить подписчикамъ полученіе „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ въ 1885 году, редакція наша возможнмъ сблизитъ на него подписную цѣну. Годовая цѣна на газету съ безлатнымъ приложеніемъ отнынѣ назначается въ семь рублей, полугодовая въ четыре рубля и трехмѣсячная въ два рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: десять рублей въ годъ.

Само собою разумѣется, что разсрочка подшенихъ денегъ допускается въ будущемъ году на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это всегда было и доселѣ.

Подписка принимается: въ редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ въ С.-Петербургѣ, Троицкой переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакція покорнѣе проситъ подписываться заблаговременно, чтобы избѣгнуть задержки въ высылкѣ первыхъ номеровъ газеты въ наступающемъ году.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

въ 1885 году.

Въ Мартѣ слѣдующаго года журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ совершитъ 25 й годъ своего существованія. Со времени благословенія, которое Св. Синодъ изрекъ этому журналу въ 1860 году, „Руководство для сельскихъ пастырей“ по настоящее время неизмѣнно и неуклонно исполняетъ возложенную на него задачу. Приглашая все сельское духовенство къ дѣятельному участию въ пополненіи отдѣловъ предначертанной программы, „Руководство“ выдѣляетъ изъ обширной области богословскихъ наукъ все, что ближайшимъ образомъ можетъ руководить въ пастырскомъ служеніи и дѣлать его многоплоднымъ среди всѣхъ современныхъ обстоятельствъ.

При всѣхъ условіяхъ жизни, при всѣхъ случаяхъ пастырской дѣятельности „Руководство для сельскихъ пастырей“ спѣшитъ на помощь приходскому священнику, то сообщая ему полезныя для него свѣдѣнія, то разрѣшая его недоразумѣнія, или же давая ему пригодныя для его дѣла совѣты. Оно сообщаетъ не только свѣдѣнія по богословію, философіи, педагогикѣ, психологіи, но и свѣдѣнія изъ области заповѣднія, исторіи, литературы, естествознанія, медицины, сельского хозяйства—всякій разъ, какъ только для пастырской дѣятельности окажется нужда въ этихъ свѣдѣніяхъ.

Въ работахъ объ интересахъ сельскаго духовенства „Руководство для сельскихъ пастырей“ не упускаетъ изъ виду даже обстоятельства, повидимому, мало-важныя. Такъ, съ теченіемъ времени, оно нашло нужнымъ издавать особыя приложенія, гдѣ помѣщаются исключительно только библиографическія замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ, чѣмъ, при прежнемъ объемѣ „Руководства“, до очевидности увеличилось другіе отдѣлы, а съ другой стороны обособились въ отдѣльный томъ замѣтки о книгахъ и духовныхъ журналахъ подъ названіемъ:

„БОГОСЛОВСКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

и такимъ образомъ облегчилась возможность подписчикамъ журнала справляться о лучшихъ статьяхъ и выдающихся проповѣдяхъ, не говоря уже объ увеличеніи выветѣ съ этимъ полноты самаго библиографическаго отдѣла. Поученія, которыя преяде приводились въ концѣ каждаго номера „Руководства“, собираются теперь въ отдѣльныя ежемѣсячныя прибавленія подъ названіемъ:

„ПРОПОВѢДИ“

заранѣе приуроченія къ слѣдующимъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, такъ что сдѣлалось возможнымъ во-время пользоваться этими поученіями для произношенія съ церковной кафедрой.

Изъ такихъ приложеній, имѣющихъ свою особую нумерацію, можетъ составиться отдѣльная книга въ нѣсколько сотъ страницъ. Все это лучше всякихъ словъ характеризуетъ внимательность „Руководства“ къ подписчикамъ и желаніе по возможности облегчить трудъ священника во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1885 году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ выходить ежемѣсячно, отдѣльными номерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ 2—2½ печатныхъ листовъ, и годовое изданіе составитъ три тома, каждый около 500 страницъ, не считая приложеній (тома „Проповѣдей“ и тома „Богословско-Библиографическаго Листка“).

Цѣна за годовое изданіе **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ** съ пересылкою.

Редакторъ Рectorъ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ **Ириней**.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала преносится въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.